

ISSN 2618-9453

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal
of Vietnamese Studies

№ 4. 2019

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук**
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издается четыре раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и др. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77—73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Мазырин В.М., профессор МГУ

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., д.э.н., чл.-корр. РАН; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: До Тиен Шам, профессор (Вьетнам); Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Лузянин С.Г., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосьяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Ковалевская К.А.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН.

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33.

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Отрасли науки:

- 07.00.00
Исторические науки
и археология
- 08.00.00
Экономические
науки
- 10.00.00
Филологические
науки (группы
специальностей:
10.01.00
Литературоведение;
10.02.00
Языкознание)
- 22.00.00
Социологические
науки
- 23.00.00
Политология
- 24.00.00
Культурология

ISSN 2618-9453

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

Петрасяк Малгожата, Пичара Камила. Линия вьетнамской дипломатии в конфликте в Южно-Китайском море и его влияние на АСЕАН (англ. яз) 7

Чан Тхи Минь Туэт. Понимание демократии и процесс демократизации во Вьетнаме в период обновления: время решений (англ. яз) 18

Социально-экономическое развитие

Хоанг Тхи Тху Хюен. Экономика г. Хошимина в 2018—2019 гг. и перспективы её развития (англ. яз) 28

Буй Тхи Тхюи Ни. Государство и корпоративная социальная ответственность во Вьетнаме 39

История и культура

Саж Жерар. Символы (не)зависимости: Вьетнам, Интеркосмос и стратегическая неопределённость ритуалов позднего социализма (англ. яз.) 48

Краевская Н.М. Похоронные обряды народа тхо Вьетнама: опыт сопоставительного анализа 57

Филология

Самарина И.В. Устный нарративный дискурс: корпусное исследование языка тхо-ньёсуан 72

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кобелев Е.В. Конференция об истории сотрудничества КПСС и КПВ 84

Самарина И.В. Обсуждение проблем языков Юго-Восточной Азии на международных конференциях 2019 г. 91

О защите диссертаций 98

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Речь вице-премьера, министра иностранных дел СРВ Фам Бинь Миня на ГА ООН 102

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Никулина Е.В., Глазунова С.Е.* Хроника важных дней великого человека.
Рецензия на книгу Ву Ки «Хо Ши Мин пишет «Завещание» 106
- Долинина А.Р.* Важная область китайско-вьетнамского сотрудничества.
Рецензия на книгу Нгуен Динь Лиема «Механизмы сотрудничества
в приграничных территориях Вьетнама и Китая» 110

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

- Ученый, дипломат, педагог, редактор. К 70-летию В.М. Мазырина 114

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

Pietrasiak Malgorzata, Pieczara Kamila. Vietnam's diplomacy towards the conflict in the South China Sea and its influence on ASEAN 7

Tran Thi Minh Tuyet. Awareness of democracy and the democratization process in Vietnam during the Doi Moi period: situation to solutions 18

Socio-economic development

Hoang Thi Thu Huyen. Ho Chi Minh City's economy in 2018—2019 and its development prospects 28

Bui Thi Thuy Nhi. State and corporate social responsibility in Vietnam 39

History and culture

Sasges Gerard. Symbolizing (in)dependence: Vietnam, Intercosmos, and the strategic ambiguity of late socialist ritual 48

Kraevskaia N.M. Funeral rituals of the tho people of Vietnam: a comparative analysis 57

Philology

Samarina I.V. Oral narrative discourse: corpus study of tho (nhu xuan) language 72

ACADEMIC EVENTS

Kobelev E.V. Conference on the history of cooperation of the CPSU and CPV 84

Samarina I.V. Discussion on the languages of the Southeast Asia at international conferences 2019 91

On the defense of dissertation 98

OFFICIAL DOCUMENTS

Deputy Prime Minister, Foreign Minister Pham Binh Minh's remarks at the General Debate 102

BOOK REVIEWS

- Nikulina E.V., Glazunova S.E.* Chronicle of important days of the great man.
The review of Vu Ky's book "Ho Chi Minh Writes the "Testament" 106
- Dolinina A.R.* An important area of Sino-Vietnamese cooperation.
Review of Nguyen Dinh Liem's book «Mechanisms of cooperation
in the border areas of Vietnam and China» 110

SCHOLAR'S JUBILEE

- Scientist, diplomat, teacher, editor. To the 70th anniversary of V.M. Mazyrin 114

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10035

Malgorzata Pietrasiak, Kamila Pieczara

VIETNAM'S DIPLOMACY TOWARDS THE CONFLICT IN THE SOUTH CHINA SEA AND ITS INFLUENCE ON ASEAN

Abstract. The article discusses the origins and contemporary stage of the conflict in the South China Sea through the prism of individual ASEAN countries, with particular emphasis on Vietnamese interests. The South China Sea is an area of special interest of many countries, due to its security, economic and transport importance. The problem is complicated by the contradictory interests of two superpowers: the US and China. China and ASEAN have taken steps to agree and sign the code of conduct (COC) in the South China Sea, but progress has been slow. Vietnam emphasizes legal mechanisms dealing with multilateral disputes: the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the decision of Permanent Court of Arbitration (PCA) in The Hague. The basic research thesis is that both Vietnam and most ASEAN countries are assuming a peaceful solution using the tools of the International Law of the Sea.

Keywords: ASEAN, Vietnam, diplomacy, conflict in the South China Sea, UNCLOS.

Introduction

In the second decade of the 21st century, one of the biggest — if not the biggest one — problem taken up by the Vietnamese diplomats both in bilateral relations with the states in the sphere of diplomatic relations of Vietnam and at international fora, is the conflict around the archipelagos of the South China Sea: the Spratly and the Paracel Islands. Currently the problem is viewed in the categories of the reason of state by the Vietnamese side. Taking into account its geographic reach, ASEAN is the organisation interested in that the conflict does not evolve into a military conflict; also, the parties are interested in not disturbing the established balance of power. The two big empires, the US and China, have different visions of the South China Sea. In addition, the engaged ASEAN parties have conflicting interests.

The theoretical basis for the analysis is regionalism, analyzed through the prism of the neorealism theory, which emphasizes anarchical international system and the fight for the political influence [Hurrell 1995]. Realists and neorealists emphasize the scale of an outer configuration of the force of powers. Powers often stimulate the formation of the regional organizations and the institutions regulating international system. Some organizations were founded to balance the influences, others

formed to be anti-Power organizations. Hurrell assumes that all regional organizations can be understood but against the background of their respective regional balances of power and the policies of the regionally dominants power. In other words, regional organizations can be formed as the confirmation of balance of power in the region, however, also to prevent the domination of one of the States.

The article is based on various original sources: documents, expert opinions, scientific articles and monographs. Due to its topicality, the theme is very popular in scientific and political discourse. The works of American scholars, including M. Taylor Fravel, focus on presenting and defending the American position in conflict [Taylor: 12.02.2016]. Also in J. Kurlantzick's analysis, solutions that protect American interests come to the fore, and armed conflict in the sea would be such a threat [Kurlantzick: 01.02.2016]. Kent Bolton regards the development of American-Vietnamese relations with the Chinese factor in mind [Bolton 1999]. They all see China's efforts to control much of the South China Sea to be a serious threat, endangering regional security, freedom of navigation, and the liberal world order.

The analyses of Vietnamese scientists are convergent. They share the opinion of the US colleagues that China is the biggest threat to security in the South China Sea. Linh Tong believes that the most dangerous is the militarisation of the South China Sea, draws attention to the increase in militarisation of Vietnam, fears that this situation will affect the unity of ASEAN being the greatest threat to this organisation [Linh Tong: 21.12.2016]. The problem of ASEAN unity is raised in the other Vietnamese articles, e. g. Trang Truong Thuy stresses the need to "soften" China's policy towards the South China Sea using pressures: consensus and joint action by ASEAN and increased involvement from outside, including the US [Tran 2010: 115].

The problem of the South China Sea is of interest to Russian scientists (G. Lokšin, A. Lukin, E. Stepanov). For example, G. Lokšin gave a comprehensive analysis of current situation in his special title. In this case, the assessment of events and the analysis of the behaviour of the parties in the South China Sea seems to be very cautious. Russia is in a difficult position, because, on the one hand, it is developing comprehensive relations with China — it is therefore stressed that Russia will not participate in any initiatives to stop China. On the other hand, it has signed a comprehensive partnership agreement with Vietnam, so all Russian experts pay attention to the responsible presence of Russia in order to strengthen stability in the region and emphasise Russia's neutrality in the face of the conflict. They encourage the Vietnamese not to trust the US and not to involve third countries.

The aim of the paper is to analyze the complex approach of ASEAN, with special attention paid to Vietnam, to the South China Sea problem from the neorealist perspective. The basic research thesis is that both Vietnam and most ASEAN countries are assuming a peaceful solution using the tools of the International Law of the Sea.

Political Situation in the South China Sea and Its Economic Significance

The South China Sea is an area of special interest of many countries, especially — but not only — due to its economic and transport importance. The Andaman Sea, the Strait of Malacca are the main transport routes joining the Pacific to the Indian Ocean. Here the shipping lanes of Europe, Africa, the Middle East and South Asia interlock. The merchandise that is most often shipped through these routes are: petroleum and its derivatives (about 50 per cent of transport), industrial minerals, machines and devices [Stepanov 2001: 429]. Cargos of value equal to 5 trillion USD flow through this shipping lane annually, including about a half of world trade of gas and 33 per cent — of

petroleum [Kurlantzick: 01.02.2016]. In the case of Japan, South Korea, China and Taiwan, 80 per cent of petroleum supplies pass through this route. Apart from that, this area is rich in deposits of petroleum, natural gas and other natural resources. The United States Energy Information Agency (EIA) estimates that the South China Sea contains 11 billion barrels of oil and 190 trillion cubic feet of natural gas in deposits under the sea as deposits confirmed and probable [New York Times: 14.07.2016].

The area is important not only because of potential energy resources deposits; its strategic location is equally valuable, with regard to the connection of the Pacific and Indian Oceans. That is why it lies in the area of interest of huge empires and there are opinions of experts saying that the conflict here may be transformed into another part of the cold war, this time between the US and China. The fight between them over control of the routes intermingles with interests of small and medium states of the region of Southeast Asia. The participants in the conflict over the Spratly archipelago are: Vietnam, China, Taiwan, the Philippines, Malaysia and Brunei. On the other hand, Vietnam, China, and Taiwan (whose international-legal situation should be judged differently), claim the whole archipelago, and the Philippines (which joined the conflict in 1951) and Malaysia (which joined the conflict in 1978) claim its parts. Brunei claims only one island, Louisa Reef (since 1984) [Melitsa, Kupfer: 27.06.2017]. China and Vietnam claim the Paracel Islands, the archipelago located to the north.

The conflict began in the 1950s, but political declarations at that time did not bring military actions with them. In the early 1970s the situation began to change. In 1974 China annexed the Paracel Islands, having used the difficult political situation of Vietnam and the ongoing at that time (until 1975) civil war, and in 1988 it took the first steps towards the Spratly archipelago. The Philippines were very active at that time. They increased the military contingent in Pag-asa, they built an airport and they began to build an active civil administration [Sobczynski 2008: 107]. In 1978 the Philippines took actions to declare a new state on a few islands, Freedomland or Kalayaan. The attempt was not successful.

In the 1970s Malaysia made territorial claims. Initially it was the atoll James Shoal, later also Amboyna Cay, Mariveles Reef and Commodore Reef. In 1984 Brunei joined the conflict, indicating Louisa Reef in the east side of the archipelago as its possession according to the law of the sea. It is also noteworthy that Indonesia does not claim any island, but the Chinese claims to the exclusive economic zone covering parts of the Indonesian exclusive economic zone, Natuna, natural gas deposits, among others.

Law of the sea forms the basis of the argumentation adopted by the Philippines, Brunei, Malaysia and Indonesia. On the other hand, among the conflicting sides China and Vietnam, the two biggest rivals and pretenders to the islands, use historic arguments. These are difficult to verify, especially as they intermingle with political interests.

In the early 1990s progress was achieved as for the regulation of the conflict over the archipelagos. In 1992 ASEAN states signed the Declaration concerning the South China Sea, and the most conflicting parties — Vietnam and China — normalized their relations in 1991 [Bolton 1999: 150]. In August 1993 for the first time the negotiations on border problems took place at the governmental level, and in October that year an agreement was signed concerning the rules of solving disputes. In December 1995, during a visit to Beijing of Do Muoi, the Secretary General of the Communist Party of Vietnam, the parties agreed on a joint communiqué, in which they confirmed the will to develop normal bilateral relations according to the rules worked out during the meeting in 1991 and to solve the territorial disputes [Communist Party 1995].

China and Vietnam finished negotiations on December 30, 1999 and they signed a border agreement. On December 25, 2000, during Vietnam's president visit, both sides signed an important joint communiqué with reference to the future development of bilateral relations in the 21st century

[Joint Statement: 15.06.2010]. The visit resulted in signing an agreement on demarcation of territorial waters except for the economic zones and continental shelf of the Gulf of Tonkin and on fishing in the Gulf of Tonkin. Unfortunately, it was impossible to solve the conflict of sovereignty over the Spratly and Paracel Islands. Yet, both parties agreed that they would do nothing that could complicate the process of normalization.

On November 2, 2002, the parties returned to the conflict of the Spratly and Paracel Islands during a meeting of representatives of 10 countries — members of ASEAN, and the PRC. The parties worked out the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea; its aim was to decrease the tension in the region and to improve the political climate. The rules that accompanied Vietnamese diplomacy at that time are still valid today: softer China's policy toward the South China Sea involving ASEAN consensus and unity and increasing engagement from outside forces, especially the United States [Trang 2010: 124].

After the declaration had been signed, there were attempts, often with good results, to take up common economic and scientific activities connected with the islands. Even Vietnam, China and the Philippines, after some initial examinations, planned to have a joint exploitation of oil and natural gas by national companies [Glosy 2007: 165].

Aggravation of the Conflict in the Second Decade of the 21st Century

In the second decade of the 21st century the problem of the archipelagos between China and some of the countries participating in the conflict (the Philippines, Vietnam and partially Malaysia) aggravated. Due to the expiration of the date for filing in complaints about the continental shelf around the islands according to the Law of the Sea from 1982, in May 2009 Vietnam and the Philippines increased their activities concerning confirmation of their *de facto* sovereignty over the islands. On February 2, 2009, the parliament of the Philippines adopted a law “On delineating the basic border line of the Philippine archipelago” (Filipino: archipelago Kalaiaa). On March 10 the law was signed by the Philippine president, and on May 6 Vietnam and Malaysia appealed to the United Nations with a common project on delineating the shelf in the South China Sea above the border of the 200-mile exclusive economic zone [Commission on the Limits: 29.06.2017]. A permanent representative of China to the United Nations made a proposal to the parties in a note suggesting that the proposal of Vietnam and Malaysia should not be discussed. At the same time, China handed in a Chinese map of the South China Sea to the United Nations commission, with the borders of China marked, taking up 80 per cent of contentious territories. On May 8 Vietnam handed in its project again, this time individually, and an exchange of protest notes took place between Beijing and Hanoi [Portyakov 2012: 34].

Until the middle of 2011 China displayed force concerning the Paracel Islands, but a compromise was achieved, and on October 11, 2011, an agreement on basic principles of regulating maritime problems between China and Vietnam was signed. In the agreement both sides promised not to take any steps that could aggravate the situation. In February 2012 during the talks of ministers of foreign affairs, which took place in Beijing, working groups were called to solve conflicting matters and a “hot line” between the ministries was agreed. The parties agreed on six principles, on which the negotiations concerning the islands in conflict should be based [VN—China: 29.06.2017].

The members of ASEAN were not united as for future joint actions in this situation. In July 2012 the foreign ministers of this organization for the first time did not adopt a joint communiqué, because Cambodia, the host of the summit, did not agree to place formulations referring to China's

actions in the South China Sea. In November 2012, again during the summit of ASEAN, the problem appeared with appropriate wording of the communiqué, because Cambodia was aiming for placing in it a formulation that countries of the region would not intend to internationalize the conflict around the islands. This shows that it is difficult to work out a unified position in this matter, because the interests of the countries are in conflict, and they are more or less economically interlinked with China. A positive effect of the talks was the decision of Indonesia, which promised to prepare a new code of conduct of the parties in the South China Sea, to which China reacted positively.

In April 2013, again, the events took place that aggravated the conflict. The problem was that the Cartographic Bureau of China published a map with a U-shaped line. This is the so-called “nine-dash line”, reaching as far as Borneo, to which the Vietnamese refer as the “tongue”. On the previous maps it was serving as a line of territorial conflicts, but then it became an official border of the country. ASEAN countries paid attention to it, and the Ministry of Foreign Affairs of Vietnam and the Philippines protested to this act [Lokšin 2014: 254]. China did not react to these protests, and clearly signalled that it was not satisfied with their reaction and the closeness to the US in this area.

In May 2014 further escalation of the conflict took place; it was after the Chinese oil installations HYSY 981 had started boreholes in the area of the exclusive economic zone of Vietnam and the continental shelf. Additionally, China began to build an artificial island in the area of the southern reef of Johnson in the Spratly archipelago. Similar actions are planned by China towards other islets of the archipelago. On May 13 the Philippines protested against these actions, and the president of the Philippines in his statement from June 4, 2014, called to observe decisions of the 2002 Declaration [Nguyen Son: 29.06.2017]. These events became a reason for the rise of nationalistic, anti-China feelings both in the Philippines and Vietnam. The Chinese strategy in the region of the South China Sea is based upon the following rules: not allowing the internationalization of the conflict and intervention of third parties, especially the US; decreasing the unity of ASEAN states in that matter; using other unfinished disputes in the region in order to weaken alliances of the countries of the region with the US [Lokšin 2014: 249], which is confirmed by the talks led by the Chinese at various levels.

The conflict in the South China Sea is directly connected to the US interests in the region. For the US it is beneficial to maintain the status quo and to do everything not to destabilize the situation. The policy of the US towards the South China Sea is based on two basic principles. The first is the policy of openness and access to the areas of water, which for strategic and economic reasons could not be over-appreciated. Chinese control of the whole area could significantly reduce this accessibility. China, as it has been said, treats this area as its exclusive economic zone and uses all means to reduce economic and military presence of other countries. The second principle realized in this region is the endeavour to maintain stability, which serves the economic development. There are a few possible dangers to the American oil industry, among others the Vietnam—China conflict and the danger of small military activities [Taylor: 12.02.2016].

Whereas initially in the official statements there was no full support for the solutions proposed by Vietnam and the Philippines, in the period of aggravation of the conflict in the second decade of the 21st century, the US decided to support both positions in this conflict more openly. Since 2010 American secretary of state Hillary Clinton declared an increased interest in the region and strengthening of old alliances with Australia, Japan, South Korea, and — from among the ASEAN states — with the Philippines and Thailand. In 2010 during a summit of the Association, which took place in Hanoi, Hillary Clinton said that the US supported diplomatic solution of the territorial conflicts and it was against threats, and that it prepared initiatives facilitating a build-up of confidence measures. For Vietnam any help and political support was met with approval. The US proposed internationalization of the conflict about the contentious archipelagos. Although ASEAN countries

distanced themselves from this proposal, Vietnam saw in this appeal certain chance, at least a form, to make the matter more visible and a form of pressure on China. The problem became a subject of controversy inside ASEAN [Lukin: 01.02.2016].

From the above considerations it follows that the most active and determined parties of the conflict are above all Vietnam and China, and when it comes to the Spratlys, also the Philippines. The United States, within joint Cobra Gold exercises, tries to include not only the parties having unresolved border issues with China, but also Thailand, having friendly contacts with its neighbour.

The offer of cooperation directed to the countries of the region, including Vietnam, is getting broader. For Hanoi, in the conflict about archipelagos, the US — the biggest maritime power in the Pacific — is a natural ally, which does not mean that the rhetoric used by the US is confrontational. Contrariwise, any dramatic aggravation of the situation would be against American interests. That is why the US encourages its strategy by directing new initiatives to China, ASEAN and Vietnam. Such are among others the talks lasting from September 2013 on the topic of conduct by the ships carrying out activities in the South China Sea, joint academic and scientific projects, such as programmes of ordering maritime biological diversity or joint Sino-Vietnamese border patrols, although the American influence on Sino-Vietnamese border issues is very limited [Lukin: 01.02.2016].

Ruling by the Permanent Court of Arbitration

Certain hope for resolving the conflict was brought by a ruling by the Permanent Court of Arbitration (PCA) in The Hague, which on July 12, 2016, issued a judgment in which it accepted the Philippines' claims, and rejected those of China towards the islands in the South China Sea [PCA Case: 05.01.2016]. China did not participate in the issue and found the verdicts non-binding. The matter concerned two parties, exactly: the Philippines and China, but Vietnam issued a statement in which it finds the ruling by the PCA binding also for itself. We should pay attention to the fact that the ruling by the PCA does not refer to the most important issue of contentious islands, but it surely paves the path for decisions in accordance with international law. The most important conclusion from the verdict is the primacy of Law of the Sea UNCLOS (United Nations Convention on the Law of the Sea) norms and other norms from the International Law. The PCA decided that China does not have historic rights to the contentious islands. Another important conclusion is encouragement coming from the verdict for dialogue and cooperation in the region with the aim of working out solutions by the interested parties.

Currently, as we said before, the conflict in the South China Sea is the main area of activity of the Vietnamese diplomacy. The topic always resurges in discussions, conferences and other initiatives with the participation of the Ministry of Foreign Affairs. Although China does not accept this verdict, for Vietnam it brings hope that the international community will respect its arguments. This is not an easy task, especially in the area of Southeast Asia. China is the biggest trade partner of ASEAN, and ASEAN is the third one for China; the Association is one of the most important investment directions for China, and the new idea of the New Silk Road initiative should be an impulse for development processes in the region. Therefore, the caution is urged against such assessments which could be read as anti-China. The conflict has a tremendous influence on ASEAN. Given the issue's priority for ASEAN's survival, it is hard to be ignored; if ASEAN states remain conflicting towards the matter of the South China Sea, it will be hard to issue joint statements, and without joint statements (even at a minimal level), the message will be sent to the world that ASEAN is a very weak regional organisation indeed. Some regard the conflict as an "existential threat" to the unity of ASEAN [Linh Tong: 21.12.2016]. In 2016, at the summit in Vientiane the assessment of the verdict by the PCA in the Hague was omitted.

As has already been noted, Vietnam regards this situation to be a serious danger for regional security. Tran Dai Quang, the President of the Socialist Republic of Vietnam in his speech in Singapore on August 30, 2016, claimed that in case of further destabilization in the region, not to mention a military conflict, there will be no winners or losers [Thanh Nien News: 30.08.2016].

The role of mediator could be played by Russia, the only country with friendly relations and signed agreements on strategic partnership both with China and Vietnam. Moscow is trying to play a neutral role and it encourages dialogue. It is interested in ending the conflict [Baburin: 29.06.2017]. Nonetheless, some statements — especially by President Vladimir Putin — are assessed by Russian experts on Vietnam as itching towards Chinese interests, and harming good relations with Hanoi. Admittedly, President Putin calls for peaceful resolution of the dispute, but at a press conference after the G20 summit in Hangzhou in China he supported China's position as for the PCA ruling in The Hague [RIA Novosti: 08.09.2016].

The American policy of “rebalance” corresponds to Vietnam's strategy for multilateralization of external relations, the search for “friends”, especially among empires active in Southeast Asia, but it is principally about balancing the growing Chinese influences. In the face of a rigid position of China with regard to the South China Sea conflict, rejection of considering the verdict in any way, unclear (or even pro-Chinese) position of Russia, its strategic partner, Vietnam is searching for support of its interests in other combinations. India has expressed its support for the freedom of navigation and rules stipulated in the United Nations Sea Law Convention. India calls for peaceful resolution of the conflict, at the same time refraining from escalating tensions, for example by organizing military activities in the contentious area of water, and all other activities that could destabilize the situation in the region [Statement on Award: 29.06.2017].

But it is the United States that emerges as the most important ally in the islands dispute. The US uses various instruments to manifest dissatisfaction with the Chinese nine-dash line which marks its claims to the body of water. In January 2016, the US sent a warship to the proximity of the Paracels to manifest the freedom of navigation. For the US, even though it is not a party in the conflict, the verdict is beneficial for its interests connected to the freedom of navigation in these waters — this is the basic aim and rule stressed by American leaders. The Department of State of the US calls for peaceful resolution of the conflict in accordance with the International Law. At a press conference of the Department of State the need for avoiding all provocations and searching new peaceful solutions was stressed [Kirby: 10.12.2016].

ASEAN states could not issue a joint statement following the ruling given the lack of consensus among ASEAN states. In May 2017, ASEAN—China Senior Officials' Meeting on the Implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea took place in Guiyang, China [Joint Press Briefing: 05.07.2017]. At the 30th ASEAN Summit in April 2017 in Manila the Southeast Asian states issued a soft stance on the South China Sea dispute, allegedly bowing down to pressure from China [ASEAN: 30.04.2017]. There was a reference to the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (Chairman's Statement 30th ASEAN Summit). Also, there is a direct reference to the South China Sea issue. The statement reads: “We reaffirmed the importance of maintaining peace, stability, security and freedom of navigation and over-flight in and above the South China Sea” (Chairman's Statement 30th ASEAN Summit). There is a call to observe the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. There is no reference, however, to the Hague ruling.

In May 2017, China and ASEAN agreed on a “framework” for a code of conduct (COC) in the South China Sea [Economist: 27.05.2017]. A single draft of COC was first put forth in August 2018 with an agreement in November 2018 by two sides to finalize COC within three years, starting from 2019 [Nguyen Minh Quang: 29.10.2019]. Summit, held in Bangkok (23.06.2019) demonstrated a positive spirit among ASEAN members, but failed to yield progress over this document.

Conclusion

China's strategy in the South China Sea is based upon the following rules: not allowing the internationalization of the conflict and intervention by third parties, especially the US; weakening of the unity of the ASEAN members in this matter; using other unresolved conflicts in the region so as to weaken alliances of the regional states with the US [Loksin 2014: 249]. The Vietnamese strategy is based on contradictory assumptions.

The code of conduct in the South China Sea is to be agreed within three years, but the Vietnamese fear that this term will allow China to benefit from the difference of opinion that appears in ASEAN on this subject. That is why the new ASEAN—X formula, which bypasses the consensus, could help Vietnam.

Despite the verdict by the PCA which dismissed Chinese claims to the waters of the South China Sea, the solution of the conflict has been postponed. It is clear that the biggest possibilities for exerting influence on international relations in this region has one party — the PRC. ASEAN states are no counterbalance to the Chinese claims in this region. The other side of this bipolar confrontation might be the US, but it would not be a situation beneficial for the stability of ASEAN. For Vietnam, the US support remains an important bargaining chip. A statement of Michael Pompeo, the US Secretary of State, during his recent visit to Vietnam, was warmly welcomed in Hanoi. He supported Vietnam in its conflict with China [Nguyen Ha: 05.11.2019].

Contradictory interests of the members do not allow to work out a unified position vis-à-vis the conflict. Despite this, internationalization of the conflict and placing of the solution in hands other than the countries of the region does not seem appropriate.

It should be stressed with full responsibility that Vietnamese diplomacy does not intend to give up claims in the South China Sea despite the difficulties discussed in the article. It will do so in a consistent but balanced way. The evidence is President Nguyen Phu Trong's speech before the parliament: "We will resolutely and persistently maintain independence while fighting for the protection of our sovereignty, but we must maintain a peaceful environment for development... What belongs to our independence and national sovereignty, we will never give up. We are determined to fight and win" [South China Morning Post: 15.10.2019].

References

1. ASEAN gives Beijing a pass on South China Sea dispute, cites 'improving cooperation'. Retrieved on 30.04.2017 from URL: <http://www.reuters.com/article/us-asean-summit-idUSKBN17W02E>.
2. Baburin, S. Problemy Južokitayskogo Morya — wzglyad iz Moskvyy [Problems of the South China Sea — A View from Moscow]. Retrieved on 29.06.2017 from URL: <http://baburin.ru/archives/7485>.
3. Bolton, K. (1999). Domestic Sources of Vietnam's Foreign Policy: Normalizing relations with the United States. *Vietnamese Foreign Policy in Transition*, eds. Carlyle A. Thayer. Ramses Amer, Institute of Southeast Asian Studies, Singapore.
4. Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Joint submission by Malaysia and the Socialist Republic of Vietnam. Retrieved on 29.06.2017 from URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_mysvnm_33_2009.htm.
5. Communist Party of Vietnam (1995). Information Bulletin no. 11. Hanoi, December.
6. Hurrell, A. (1995). Regionalism in Theoretical Perspective. *Regionalism in World Politics. Regional Organization and International Order*. Eds: L. Fawcett, S. Hurrell. Oxford; New York: Oxford University Press.

7. Glosy, M.A. (2007). Stabilizing the Back Yard: Recent Development in China's Policy toward Southeast Asia. *China and the Developing World: Beijing's Strategy for the 21st Century*. Eds. J. Eisenman, E. Heginbotham, D. Mitchell. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. P. 150—188. Retrieved on 13.06.2017 from URL: <http://time.com/4421293/asean-beijing-south-china-sea-cambodia-philippines-laos>.
8. Joint Press Briefing on the 14th ASEAN-China Senior Officials' Meeting Retrieved on 05.07.2017 from URL: <http://asean.org/storage/2017/05/14th-SOM-DOC-Co-Chairs-Joint-Press-Briefing-Remarks-As-delivered-18-May-amen.pdf>.
9. Joint Statement on All-round Cooperation in the New Century between the People's Republic of China and the Socialist Republic of Viet Nam. Retrieved on 15.06.2010 from URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/4471.html>.
10. Kirby, J. Spokesperson Daily Press Briefing. Washington DC, July 12, 2016. Retrieved on 10.12.2016 from URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/07/259605.htm#CHINA2>.
11. Kurlantzick, J. A China—Vietnam Military Clash. Retrieved on 01.02.2016 from URL: <https://www.cfr.org/report/china-vietnam-military-clash>.
12. Linh Tong. The ASEAN Crisis. Part 1: Why the South China Sea Is a Critical Test. *The Diplomat*, December 21, 2016. Retrieved on 09.07.2017 from URL: <http://thediplomat.com/2016/12/the-asean-crisis-part-1-why-the-south-china-sea-is-a-critical-test>.
13. Lokšin, G.M. (2014). Južno-Kitayskoe more: Do mira i spokoystwiya ješčyo daleko [Lokshin G.M. The South China Sea: A Long Way to Peace and Agreement]. *Tichookeanskoe Obozrenie 2012—2013*. Moscow.
14. Lukin, A. Tieritorialnye spory rasšatyvayut ASEAN [Territorial Disputes Divide ASEAN]. Retrieved on 01.02.2016 from URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document232277.phtml>.
15. Melitsa, A., Kupfer, J. Oil and Gas Resources and Transit Issues in South China Sea. Retrieved on 27.06.2017 from URL: http://asiasociety.org/files/SouthChinaSea_OilGas_brief.pdf.
16. Nguyen Ha. Vietnam Gets a US Confidence Boost in China Sea Dispute. Retrieved on 05.11.2019 from URL: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/vietnam-gets-us-confidence-boost-china-sea-dispute>.
17. Nguyen Minh Quang. Saving the China—ASEAN South China Sea Code of Conduct. Retrieved on 29.10.2019 from URL: <https://thediplomat.com/2019/06/saving-the-china-asean-south-china-sea-code-of-conduct>.
18. Nguyen Son. Exposing China's Artificial Islands Plan in the Spratly's. Retrieved on 29.06.2017 from URL: <http://www.internationalpolicydigest.org/2014/06/17/exposing-chinas-artificial-islands-plan-spratlys>.
19. PCA Case N 2013—19 in the matter of the South China Sea Arbitration. Retrieved on 05.01.2016. URL: <https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf>.
20. Portyakov, V. (2012). O nekotorykh osobennostyakh wnešney politiki Kitaya w 2009—2011 [On Some Characteristic Features of China's Policy in the Years 2009—2011]. *Problemy Dalnego Wostoka*, N. 2.
21. RIA Novosti 08.09.2016. Retrieved from URL: <https://ria.ru/world/20160908/1476379782.html>.
22. Sobczyński, M. (2008). Uwarunkowania geopolityczne międzynarodowego sporu o Wyspy Spratly [Geopolitical Conditions of the International Conflict about the Spratly Islands]. *Problemy rozwoju państw azjatyckich [Development Problems of Asian States]*. Ed. J. Marszałek-Kawa, Wyd. Adam Marszałek, Toruń.
23. South China Morning Post, 15.10.2019. Retrieved from URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3033086/vietnam-calls-restraint-south-china-sea-after-months-tensions>.
24. Statement on Award of Arbitral Tribunal on South China Sea under Annexure VII of UNCLOS. Retrieved on 29.06.2017 from URL: <http://www.mea.gov.in/pressreleases.htm?dtl/27019/Statement+on+Award+of+Arbitral+Tribunal+on+South+China+Sea+Under+Annexure+VII+of+UNCLOS>.
25. Stepanov, E.D. (2001). Spornye mieždunarodnye problemy w Južno-Kitayskom More [Conflicting International Problems in the South China Sea]. *Kitay w mirowoy politike [China in International Politics]*. Moscow: MGIMO, ROSSPEN.

26. Taylor, Fravel M. The United States in the South China Sea Disputes. Retrieved on 12.02.2016 from URL: https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/BCAS2012_Taylor_Fravel_web_final_ks.pdf.
27. The Economist, May 27, 2017.
28. The New York Times, 14.07.2016. Retrieved from URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/15/world/asia/south-china-sea-dispute-arbitration-explained.html>.
29. Tran Truong Thuy (2010). Compromise and Cooperation on the SEA: The Case of Signing the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. *The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development*. Ed. by Tran Truong Thuy. Hanoi. P. 114—124.
30. VN—China basic principles on settlement of sea issues. Retrieved on 29.06.2017 from URL: <http://www.mofa.gov.vn/en/nr040807104143/nr040807105001/ns131016150351>.

For citation: Pietrasiak, M., Pieczara, K. (2019). Vietnam's diplomacy towards the conflict in the South China Sea and its influence on ASEAN. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 7—17.

Authors:

Pietrasiak Malgorzata, DSc, Full Professor, Lodz University, Poland. ORCID: 0000-0002-4279-1483. E-mail: mpietrasiak@uni.lodz.pl

Pieczara Kamila, Independent Researcher, Jaworzno, Poland.

Article history:

Received: September 15, 2019

Received in revised form: November 10, 2019

Accepted: November 25, 2019

Малгожата Петрасяк, Камила Пичара

ЛИНИЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В КОНФЛИКТЕ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АСЕАН

Аннотация. В статье рассматривается происхождение и современное состояние конфликта в Южно-Китайском море через призму видения отдельных стран АСЕАН с особым акцентом на интересы Вьетнама. Южно-Китайское море является областью особого интереса многих стран в силу своей безопасности, экономической и транспортной значимости. Проблема осложняется противоречивыми интересами двух сверхдержав — США и Китая. Китай и АСЕАН предприняли шаги для согласования и подписания Кодекса поведения (СОС) в Южно-Китайском море, но прогресс в этом вопросе незначителен. Вьетнам уделяет особое внимание правовым механизмам, касающимся многосторонних споров, — Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) и решению Постоянного арбитражного суда (ПАС) в Гааге. Основной тезис исследования заключается в том, что как Вьетнам, так и большинство стран АСЕАН придерживаются мирных решений, используя инструменты международного морского права.

Ключевые слова: АСЕАН, Вьетнам, дипломатия, конфликт в Южно-Китайском море, ЮНКЛОС.

Для цитирования: Петрасяк М., Пичара К. Линия вьетнамской дипломатии в конфликте в Южно-Китайском море и его влияние на АСЕАН // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 7—17 (на англ. яз.).

Авторы:

Петрасяк Малгожата, д.гум.н., профессор Лодзинского университета. ORCID: 0000-0002-4279-1483. E-mail: mpietrasiak@uni.lodz.pl

Пичара Камила, независимый исследователь, город Явожно, Польша.

Продвижение статьи:

Дата поступления: 15.09.2019

Дата поступления в переработанном виде: 10.11.2019

Принята к печати: 25.11.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10036

Tran Thi Minh Tuyet

AWARENESS OF DEMOCRACY AND THE DEMOCRATIZATION PROCESS IN VIETNAM DURING THE DOI MOI PERIOD: SITUATION TO SOLUTIONS

Abstract. Historically, every step of human society has been associated with the advancement of democracy, and the “Doi Moi” (Renovation) process in Vietnam is no exception. With the principle of “Renovation must be democratic, and democracy for renovation”, the “Doi Moi” process in Vietnam has created a major turning point in the development of the country in general, and in the awareness of democracy and the democratization process in Vietnam in particular. The article discusses both the changes in the Communist Party of Vietnam’s awareness of democracy through its National Congress documents (from the Sixth to the Twelfth National Congresses of the Communist Party of Vietnam) and the process of democracy implementation for about 35 years of “Doi Moi” in Vietnam. The author analyses the achievements and limitations in democratization of the country and propose some basic solutions to accelerate this process in Vietnam.

Keywords: democracy, democratization, Doi Moi, the Communist Party of Vietnam.

Introduction

The attractiveness of the democratic theme results from its important role in the development of individuals and societies. In human history, democracy is both a state institution which recognizes that power belongs to the people, and an eternal social value the humanity has fought for to gain.

Compared to many other countries, Vietnam has not experienced slavery and bourgeois democracy, so far, there are still shortages of democracy regime, institutions and regulations; the culture of democratic practice of the people is not high. Meanwhile, the political single-party regime desires the promotion of democracy to prevent negative behaviors in state agencies and “anti-democratic” phenomena such as abuse, autocracy, monopoly, corruption, waste, etc. Therefore, the promotion of democracy and construction of a socialist law-based state are now urgent tasks of Vietnam.

Also, the “heat” of democracy in Vietnam results from conflicting assessments about it. For a lot of reasons, many people of Western countries, including scholars occupied with the theme of democracy, still have a negative assessment of the democratic life in Vietnam. Due to limitations of democracy implementation in Vietnam, some organizations and countries have concluded that there is no democracy in this country, and nowadays they consider Vietnam to be the single-party totalitarian state. Vietnam is ranked 140 out of 167 countries in the Economist Democracy Index 2017 [Democracy Index 2017].

As Vietnam’s external communication is still quite limited, in the world there is hardly any information about the “Doi Moi” achievements. At present, it is necessary to have objective assessments of the status of democracy in the country that experiences a big “transformation”. The evidence of the “transformation” is as follows: Vietnam chose the way to socialism at the same time as North Korea and Cuba, but in comparison with them, it has been changing faster and firmly towards democracy. Even compared to China, the country that to some extent was “open” earlier than Vietnam (1978), the democratization process in Vietnam is still considered to develop “faster than that

in China” [Lokshin 2011: 38]. Contrary comments on democracy in Vietnam are also a reason to attract attention of researchers to this theme.

As a matter of great theoretical and practical significance, democracy in Vietnam during the “Doi Moi” period is a fascinating theme.

Literature Review

Due to the great contribution of democratic dynamics to the current development of Vietnam, the theme “Democracy in Vietnam during the Doi Moi period” has been either the direct or indirect subject of a number of Vietnamese scholars’ works.

In his book “Democracy and Democracy at the Rural Basis in the Doi Moi Process” [Hoang Chi Bao 2010] Hoang Chi Bao analyzed the main problems of the process of democratization of this country and clarified the implementation of grassroots democracy in rural regions of Vietnam, the living and working area of the majority of its population.

A research agency under the Central Executive Committee of the Communist Party of Vietnam (CPV) published the book titled “Democracy, Human Rights — Global Values and National Characteristics” [Central Theoretical Council 2011]. This is a collection of articles by prestigious theorists, who criticize a number of Western institutions and governments, especially the United States, that have used democracy issues to intervene in Vietnam’s politics. The evidence is that President Bill Clinton signed the Public Law 103—258 stipulating that May 11, 1994 is the “Vietnam Human Rights Day”. On July 31, 2013, the US House of Representatives passed the Vietnam Human Rights Act 2013 (H.R. 1897) and every year, the US Department of State has issued “Vietnam Human Rights Report” criticizing Vietnam for violating democracy and human rights. To refute the viewpoint “Human rights are higher than sovereignty”, Vietnamese theorists emphasize that Vietnam is ready to absorb the achievements of Western democracy but it desires to maintain national independence, sovereignty, and socialist orientation, taking into account its national characteristics.

In his book “Some Issues on Democracy, Dictatorship and Development” [Ho Sy Quy 2014] Ho Sy Quy encouraged the democratization process in Vietnam with the emphasis: Dictatorship is something that every country must avoid and promoting democracy is the only way to choose.

Answering the question “Is there democracy in a single-party state?”, the author of the book “Practicing Democracy in the Condition of a Single Ruling Party” affirmed: The nature of democracy does not depend on whether there is one or many parties, but on whose interests the ruling party represents. Therefore, the practice of democracy in Vietnam is entirely feasible, but the CPV must accelerate the democratization process in the Party and in society [Pham Van Duc 2017: 73—74].

Recently, Nguyen Duy Quynh in his article “Understanding Some Factors Affecting the Relationship between the Communist Party and the People of Vietnam Today” emphasized: “Compared to the period before the Doi Moi process, Vietnam's democracy has made great improvements” [Nguyen Duy Quynh 2018: 40]. However, the article did not focus on the theme of democracy, and the author only considered the practice of democracy as one of four factors affecting the relations between the CPV and the people of Vietnam.

The fact that Vietnam has maintained political stability and the Doi Moi process achieved undeniable successes the issue of democratization in Vietnam has become the concern of experts in many countries.

In his article “Some Characteristics of Vietnamese Ideological and Political Life before and after the Eleventh National Congress of the Communist Party of Vietnam” G.M. Lokshin (Russia) assessed: “With the transition to a market economy and openness to the outside world, the political system here has also begun to change towards democratization and liberalization. In Vietnam, ...the process of democratization and the expansion of citizens’ liberties is steadily under way; in addition,

this development, according to many experts, is the irreversible one...” [Lokshin 2011: 37]. Several researchers compared the democratic life in Vietnam and other countries. In his article “Rule of Law, Democracy and the Sequencing Debate: Lessons from China and Vietnam” Randall Peerenboom, Associate Fellow of Oxford University, compared the awareness of democracy in China and Vietnam with that of other countries and drew the conclusion: “The end goal of the development process for most people in Russia, China, Vietnam and around the world remains democracy, albeit not necessarily the particular forms of liberal democracy found in Euro-America” [Peerenboom 2009: 10].

Benedict J. Tria Kerkvliet, a Filipino researcher, having compared democracy practice in the Philippines and Vietnam, stated that “the political system in the Philippines has democratic institutions and processes, yet does not serve well the majority of people’s interests, while the political system in Vietnam has meager democratic processes, yet seems to serve the majority of people better than occurs in the Philippines” [Kerkvliet 2005: 1—2]. However, comparing political institutions between some ASEAN countries, Leslie Holmes stated that “Vietnam is seen as the least democratic of the ASEAN states after Myanmar” [Holmes 2007: 26].

In short, the democratization process in Vietnam has been attracting the attention of many scholars. Each of them, originating from his/her research intent, has mentioned the issue of democracy in Vietnam in different degrees and has different ways of assessing it. The author of this article would like to generalize the issue of democracy in Vietnam during the “Doi Moi” period developing it from theory to practice, from the assessment of the situation to recommending solutions for the future.

Awareness of Democracy and the Democratization Process in Vietnam during the Doi Moi Period

“Democracy” is derived from the Greek words (Demos: people; kratos: power or rule) with the meaning “the power of the people”. Being an issue with a long history, “democracy” has many different definitions. First of all, democracy is a form of a state system in which power must belong to the people. That is how Abraham Lincoln understood it in his famous formula: “Democracy is the government of the people, by the people, for the people”. V.I. Lenin argued that “Democracy is a category belonging exclusively to the political field” [Lenin 1977: 258]; “Democracy is a form of state, one of the morphologies of state” [Lenin 1976: 123]. Ho Chi Minh emphasized: “Democracy means that the people are the masters and the people own the regime. Moreover, democracy is also a social value of all humanity”, “it is the most precious thing for the people” [Ho Chi Minh 2011: 457] and therefore, democracy never loses, even if the state disappears. Thus, democracy is both a political and a social category; also, it is a historical and a permanent category expressing the eternal desire of mankind.

Using the definitions of “democracy”, it is possible to get the following concept of “democratization”: It is the transformation period during which democracy ceases to be a possibility and an ideal, but becomes common reality; it is the actual implementation of the theory of democracy.

In Vietnam, the “Doi Moi” period began in 1986, when the Sixth National Congress of the CPV announced a sweeping reform program. Up to now, it has lasted for nearly 35 years and has created a major turning point in the CPV’s awareness of democracy and democratic implementation.

The CPV’s awareness of democracy and the process of democratization of the country during the “Doi Moi” period

The Sixth National Congress (1986) of the CPV opened a new period of democratization in all spheres of the country, especially in the democratization of the economy after drawing the lesson from “must thoroughly grasp the thought of ‘taking people as the foundation’, building and promo-

ting the mastership of the working people” [CPV 1987: 29]. The Platform for national construction in the transition to socialism passed at the Seventh National Congress of the CPV (1991) affirmed: “The essence of the renewal and consolidation of our country’s political system is to build the socialist democracy..., it is both the goal and the driving force of our social renewal process” [CPV 1991: 125]. Also, the Congress raised the question: How to ensure full democracy in the situation of a single ruling party?

After 15 years of “Doi Moi”, the Ninth National Congress of the CPV (2001) identified “democracy” as a goal in the overall target system of the Vietnamese revolution: “National independence is associated with socialism, wealthy people, strong country, an equal, democratic and civilized society” [CPV 2001: 85—86]. Continuing to implement new thinking, when defining the characteristics of socialism in Vietnam, the Tenth National Congress of the CPV (2006) changed the phrase “mastered by the working people” in the 1991 Platform for “mastered by the people” [CPV 2006: 68]. This is not merely a change of words but a new standpoint of the CPV: Eliminating class discrimination, promoting the national great unity.

At the Eleventh National Congress of the CPV (2011), the Party’s awareness of democracy was a new step forward, as democracy got a new place in the target system: “wealthy people, strong country, an equitable, democratic and civilized society” [CPV 2011: 70]. The Platform for national construction in the transition to socialism (supplemented and developed in 2011) adopted by the Eleventh National Congress of the CPV also affirmed: “Socialist democracy is the nature of our regime, both as a goal and a driving force of national development” [CPV 2011: 84—85].

Increasing awareness of the role and power of democracy, the documents of the Twelfth National Congress of the CPV (2016) affirmed that all the people had the right to “participate in all stages of the decision-making process related to benefits and life of the people” [CPV 2016: 169]. For the first time, the people’s monitoring is clearly stated in the documents of the Congress as an important measure to practice democracy.

Thus, for nearly 35 years of “Doi Moi” process, the CPV has become increasingly aware of the role of democracy and the need to ensure people’s mastership in practice. When the goal of perception has become the reality, the CPV’s awareness of democracy has gradually been transformed into its actions. As a result, the democratization process during the “Doi Moi” period has attained the following achievements:

First, the people’s right to master is gradually legalized. This is the first step in the process of democratization, because democracy and the law are the two sides of a unified structure: The law ensures that democracy becomes reality and once the law is in place, democracy must be implemented in the legal framework. During the “Doi Moi” period, the Constitution of Vietnam has been amended twice; many laws have been issued and undergone some amendments, such as Criminal Law, Civil Law, Labor Law, Enterprise Law, Cooperative Law, Investment Law, Land Law, Education Law, Bidding Law, Bankruptcy Law, Press Law, Publication Law, Intellectual Property Law, Social Insurance Law, Health Insurance Law, etc. In particular, on February 18, 1998, the Political Bureau of the Central Committee of the CPV issued the Grassroots Democracy Regulation and in April 2007, the Vietnam National Assembly Standing Committee passed the Ordinance on Exercise of Democracy in Communes, Wards and Townships to ensure the people’s mastery in the most direct and widespread manner. The ordinance with legal binding has become the basis for implementing the principle “People know, people discuss, people do, people supervise”.

Second, the democratization process has been taking place in all essential spheres of the country. In politics, it is the renovation of the political system and the change of the CPV’s leadership style with the spirit of “taking people as the foundation”. In the economy, it is the transition of centrally planned subsidized economy to a socialist-oriented market one. At present day, the multi-sector economy with many forms of ownership was legally acknowledged, the major markets were

gradually established, labor became a special commodity and people (including the CPV's members) are also allowed to establish and operate private companies and have autonomy in their consumer activities, the "hunger eradication, poverty reduction" programs are promoted. In the sphere of culture and ideology, it is the process of socializing education, promoting unity in diversity, encouraging creativity and critical thinking on the basis of respect for national interests and for the law. In the sphere of society, the 2013 Revised Constitution devoted Chapter 1 consisted of 37 articles to expand human and civil rights. The new items in its content have shown a clear step forward in the process of democratization in Vietnam.

Details are as follows: Formally, human rights and citizen basic rights — obligations are solemnly placed in Chapter 2, immediately after the Chapter "Political Institutions" (in the 1992 Constitution, citizen rights and obligations are in Chapter V); The way of constitutional human rights has also changed radically. The use of the terms "people [have the rights to]" and "citizen [have the rights to]" shows that human rights are natural and inherent. The state has the responsibility to respect, protect and implement them, rather than give them to the people. In terms of content, in order to meet the needs of international integration, the 2013 Constitution separates human rights and citizen rights, adds a series of new rights such as: Everyone has the right to live (Article 19), everyone has the right to enjoy and access cultural values, participate in cultural life, use cultural facilities (Article 41), everyone has the right to live in a clean and healthy environment and has obligations to protect it (Article 43); citizens have the right not to be deported, handed over to other state (Article 17); citizens have the right to be identified to ethnic groups, use their native language (Article 42), citizens have the right to have social security (Article 34), etc. Thus, human rights and citizen rights in the 2013 Constitution has been expanded.

In general, the democratization process in all spheres of Vietnam has created a great motivation for the "Doi Moi" process. However, it still does not fully meet the requirements of reality, because the limitations in the implementation of democracy still exist in all spheres of social life. Details are as follows:

In the sphere of politics, democracy in the CPV in particular and in the political system in general have not been fully implemented. Authoritarian, dictatorial issues, formal or extreme democracy (it means that democracy does not go hand in hand with national discipline) still exist at all the levels, the most serious at the grassroots one. As the system of administrative agencies is still very cumbersome, its functions and tasks are not clearly distinguished, it is easy for cadres to "fight each other for the success, blame others for the mistake". Cumbersome administrative procedures also cause problems for people and business. The supervisory and critical functions of the Vietnam Fatherland Front and mass organizations are still limited. The actions in the personnel work have not been transparent, so the phenomenon of "soliciting for position, for power, for planning position and rotation of officials" is still too well-known. As there is no mechanism to control power, many cadres have turned the rights empowered by the people into their personal power.

In the economic sphere, information still lacks transparency, especially on land planning or project bidding. The "backyard" of cadres is quite common and this phenomenon makes the economic development in a "distorted" and unfair situation. Corruption is a blatant violation of democracy when the wealth of the people has been appropriated by a number of cadres, but the phenomenon is now still very serious and increasingly sophisticated. Equality of economic sectors, especially the private one, is in fact not guaranteed; living standards of people in rural and remote regions are much lower than those in cities.

In the sphere of culture and society, copyright infringement is spread, there is still negative experience in the health and education services, causing negative public opinion in society; security and social security have not been guaranteed well. Due to the drawbacks of globalization and market economy, some traditional ethical values have gradually been lost; the spread of inappropriate

culture from the Western countries to the youth has increased; also, cultural tastes of the people are greatly changed. Although this phenomenon takes place not only in Vietnam, but in many developing countries, this is the issue that needs to be addressed urgently. Now, the CPV and Vietnam government cannot rely on the “self-regulation, self-balance, self-elimination” function of the society, but they must actively build the Vietnamese cultural value system of the people in the integration period. The ways to train “global citizens”, with a Vietnamese soul and a Vietnamese spirit and to make them know how to preserve and promote good traditional cultural values and international relations, is an important issue of Vietnam’s education today.

These limitations are the practical basis to find effective solutions for the future.

Solutions to Accelerate and Expand the Democratization Process in Vietnam

Practicing democracy in the situation of a single ruling party, in the process of building the law-based State, developing a socialist-oriented market economy and international integration is a new, very complicated and difficult issue. In order to accelerate the process of democratization in Vietnam, special attention should be paid to the following solutions:

First, it is necessary to increase the awareness of cadres, the CPV’s members and all the people on democracy, because the correct perception is the premise for the correct action. It is important to make the cadres in state administrative agencies realize that the rights of the CPV and the state are in fact the rights of all people, entrusted by people to serve everyone. Therefore, it is necessary to change the reception of the nature of state. The state does not have the right to give and “rule”, but it has the responsibility to serve the people. Also, it is necessary to re-realize the state of democracy in Vietnam. The use of the phrase “promoting socialist democracy” leads easily to the misconception that, in Vietnam, with its regime, institutions, and policies, the only need is to promote their “performance”. In fact, socialist democracy in Vietnam is still in the stage of establishing, constructing and expanding. For the people, improving the reception of democratic rights must at the same time reinforce their responsibility and maintain their morals.

Second, to enact a number of laws to pave the way for the development of democracy. The Law of Protests, the Law of Associations must be enacted, because Article 25 of the 2013 Constitution affirms clearly that citizens have the right to “organize associations and protest” [National Assembly 2014: 18]. In a multinational state, like Vietnam, it is necessary to promulgate the Ethnic Law to ensure the practical implementation of the principle of “unity, equality and mutual assistance between ethnic minorities”. In order to improve the social supervision and criticism of the Vietnam Fatherland Front, the Law of Social Criticism must be enacted, because currently there is no sanction that requires from state administrative agencies to receive opinions or explanations on criticized issues. While the fight against corruption is the exercise of democracy, the Law of Property Declaration should be promulgated in order to support this fight and create a basis for the acquisition of corrupt assets.

Third, Vietnam must continue to reform organizational work. Specifically, the democratization process in the CPV must be stepped up as a basis for the expansion of democracy in the whole society. Now that all the anti-democratic phenomena are resulted from uncontrolled power, there must be a mechanism for controlling power and increasing accountability of state agencies. The CPV must strengthen its links with the people, actively engage in dialogue with all the people, especially with intellectuals, in order to know their opinions.

Fourth, it is necessary to increase transparency in policies, enhance inspection activities and strengthen the capacity of media agencies. Transparency and publicity are not only characteristics

of modern administration but also conditions for promoting democracy, because they limit the corruption, bureaucracy, monopoly and laziness of cadres. Inspection activities and the tradition power of the media should be promoted to make contributions to the timely prevention of anti-democratic phenomena and to replicate best practices.

Fifth, it is necessary to create appropriate institutions and sanctions to realize the role and responsibility of supervision and criticism of the Vietnam Fatherland Front and other socio-political organizations. Dependence on the state budget makes it difficult for these organizations to fulfill their critical roles and responsibilities. Also, a self-governance model of residential communities must be promoted on the basis of state and village conventions, not offending the law. On the other hand, it is also necessary to resist the phenomenon of “over-limited” democracy resolutely, by preventing it from causing harm to the interests of the nation, while democracy is the benefit of all the people.

Some remarks and reviews

The CPV declared that Vietnam is building a socialist democracy, which is formed in the process of building socialism to ensure the people's, especially the working people's, mastery. Creating such democracy is a very long process. Nearly 35 years of the Doi Moi period is only the first step in that process, but its achievements are undeniable. CPV's General Secretary Nguyen Phu Trong emphasized: “The atmosphere of democracy in the Party and in society has been more open. Many difficulties in the development process have been discussed, removed and solved effectively by all the people” [Thu Hằng: 26.04.2019].

The successes of the implementation of democracy in Vietnam have proved that the nature of democracy does not depend on having one or many parties, but on whose interests the ruling party represents, on what is the purpose of the state power. Therefore, the single-party system with many mass unions and social organizations in Vietnam guarantees the implementation of democracy, provided that the CPV is to develop the theories of democratic practice in the context of a single ruling party, to lead the country according to the Vietnam Constitution and laws, to promote democracy within the CPV and strengthen the unity of people. Now it is necessary not only to give the mastery to all the people, but also to show them what the sense and ability of the mastery are.

After nearly 35 years of “Doi Moi” process, the implementation of democracy in Vietnam is still having some limitations; there is still a big gap between the CPV's awareness of democracy and the process of democratization of Vietnam; the experience of democratic practice of other countries is not really acquired. This is understandable, because the development of democracy in a country that lacks democratic background, like Vietnam, is really very difficult; it is impossible to get immediate good results in a few decades. Anyway, “Doi Moi” has changed the country, the social atmosphere and the life of the people in Vietnam. Therefore, its achievements are very encouraging; the main drawbacks have been considered as practical basis for policy makers to find out solutions.

Democracy is a universal value, but the common must exist in the individual; besides the common characteristic of ensuring the basic freedoms of people, democracy also has the specific characteristics associated with the history and cultural traditions of each nation. The facts show that Eastern democracy does not follow Western one; the individual in Eastern countries is always connected to the community, personal interests must abide by the true and supreme ones of the entire nation. Today, the uniqueness of democracy in Vietnam is reflected in the following points: It is not a multi-party regime, the only leadership belongs to the CPV; the Vietnamese government is not the “trias politica” (separation of powers); the people of this country do not elect the President but the National Assembly, etc. In this context, it is necessary to maintain a critical and creative spirit when acquiring the experiences of democratic practice of other countries.

There is no common model of democratic enforcement for all countries. Like other countries, Vietnam has its own criteria for democracy. Therefore, it is impossible to take one country's democratic standards and regulations to impose and assess the democracy of another. It is "anti-democratic" to do so. After all, the humanity, the democratic "content" of a social regime, must be "measured" by people's satisfaction. Randall Peerenboom made an interesting comparison: "In contrast to the vast majority of citizens dissatisfied with the government in Asian democracies, nearly half of Chinese and nearly 70 % of Vietnamese are satisfied with their government" [Peerenboom 2009: 8]. Due to some differences in perceptions, on the one hand, Vietnam is willing to engage in dialogue about democracy with other countries to increase understanding and to minimize disagreements, thereby opening up opportunities for strengthening cooperation. On the other hand, it fights resolutely against individuals who take advantage of democracy to oppose a sovereign state.

Conclusion

The awareness and reality of democracy practice in Vietnam during the "Doi Moi" period has contributed to enriching the theory of democracy in general and the development path of Vietnam in particular. The undeniable success of the "Doi Moi" period in Vietnam results from many causes, including the active role of democratic dynamics. However, democratization in Vietnam will be a very long process, because the people's democratic aspirations and the demand for human creativity constantly increase in the era of intellectual economy, that desires true democracy. Meanwhile, currently the democratic life in Vietnam still has many shortcomings.

The reality shows that there is a big gap between the awareness of democracy and the rule of law, between the law and its enforcement. It should be further emphasized that the process of democratization in Vietnam is not simply improving the law, reforming institutions, renovating the organization of the public authority and improving the quality of the civil servant but also developing democratic culture in the CPV and in society, making it deeply embedded in social life to impact moral values in human behaviors. This is not a simple issue but with the results achieved in nearly 35 years of the "Doi Moi" process, Vietnam has a solid premise for the development and completion of democracy in the future.

References

1. Communist Party of Vietnam — CPV (1986). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ VI [Documents of the Sixth National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
2. CPV (1991). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ VII [Documents of the Seventh National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
3. CPV (2001). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ IX [Documents of the Ninth National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
4. CPV (2006). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ X [Documents of the Tenth National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
5. CPV (2011). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI [Documents of the Eleventh National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
6. CPV (2016). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XII [Documents of the Twelfth National Congress]. Hanoi: National Political Publishing House.
7. Hồ Chí Minh (2011). Toàn tập [Complete works], Vol. 10. Hanoi: National Political Publishing House.
8. Ho Sy Quy (2014). Một số vấn đề về dân chủ, độc tài và phát triển [Some Issues on Democracy, Dictatorship and Development]. Hanoi: Political Theories Publishing House.

9. Hoang Chi Bao (2010). Dân chủ và dân chủ ở cơ sở nông thôn trong tiến trình Đổi mới [Democracy and Democracy at the Rural Basis in the Doi Moi Process]. Hanoi: National Political Publishing House.
10. Holmes, Leslie (2007). Vietnam in a Comparative Communist and Post-communist Perspective. *Vietnam's New Order — International Perspectives on the State and Reform in Vietnam*, Stéphanie Balme and Mark Sidel co-ed. Palgrave Macmillan. P. 11—27.
11. Kerkvliet, Benedict J. Tria (2005). Political Expectations and Democracy in the Philippines and Vietnam. *Philippine Political Science Journal*, Vol. 26, Issue 49. P. 1—26.
12. Nguyen Duy Quynh (2018). K voprosu ob otnosheniyah Kompartii i naroda v sovremennom Vietname [Understanding Some Factors Affecting the Relationship between the Communist Party and the People of Vietnam Today]. *Vietnamskie issledovaniya*, Series 2, № 1. P. 35—51. Retrieved on 20.05.2019 from URL: http://www.ifes-ras.ru/images/vs/2018/vs_2018_1_35-51.pdf.
13. Lenin, V.I. (1976). Toàn tập [Complete Works], Vol. 33. Moscow: Progress Publishers.
14. Lenin, V.I. (1977). Toàn tập [Complete Works], Vol. 42. Moscow: Progress Publishers.
15. Lokshin, G.M. (2011). Nekotorye osobennosti ideyno-politicheskoy zhizni Vietnama do i posle XI syezda KPV [Some Features of Ideological and Political Life of Vietnam before and after the XIth Congress of the CPV]. *Vietnamskie issledovaniya*, Issue 1. P. 26—58. Moscow: IFES, RAS. Retrieved on 06.04.2019 from URL: http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/7-viet/276-vs_1_2011.
16. Peerenboom, Randall (2009). Rule of Law, Democracy and the Sequencing Debate: Lessons from China and Vietnam. *SSRN Electronic Journal*. P. 1—18.
17. Pham Van Duc (2017). Thực hành dân chủ trong điều kiện một Đảng duy nhất cầm quyền [Practicing Democracy in the Condition of a Single Ruling Party]. Hanoi: National Political Publishing House.
18. The Central Theoretical Council (2011). Dân chủ và nhân quyền — Giá trị toàn cầu và đặc thù quốc gia [Democracy, Human Rights — Global Values and National Characteristics]. Hanoi: National Political Publishing House.
19. The Economist (2018). Democracy Index 2017: Free Speech under Attack. Retrieved on April 19, 2019 from URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2017.pdf.
20. The National Assembly Vietnam (2014). Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam [The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam]. Hanoi: National Political Publishing House.
21. Thu Hằng (2018). Không khí dân chủ trong Đảng, xã hội được mở rộng hơn [The atmosphere of democracy in the Party and in society has been more open]. Retrieved on 26.04.2019 from URL: <https://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/chinh-tri/tong-bi-thu-khong-khi-dan-chu-trong-dang-xa-hoi-duoc-mo-rong-hon-463330.html>.

For citation: Tran Thi Minh Tuyet (2019). Awareness of democracy and the democratization process in Vietnam during the Doi Moi period: situation to solutions. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 18—27.

Author:

Trần Thị Minh Tuyết, PhD (History), Associate Professor, Senior Lecturer of the Academy of Journalism and Communication, Vietnam. E-mail: tuyetminh1612@gmail.com

Article history:

Received: October 12, 2019

Received in revised form: November 04, 2019

Accepted: November 24, 2019

Чан Тхи Минь Туэт

ПОНИМАНИЕ ДЕМОКРАТИИ И ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ В ПЕРИОД ОБНОВЛЕНИЯ: ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Исторически каждый шаг человеческого общества связан с развитием демократии, и процесс «дой мой» (обновления) во Вьетнаме не является исключением. Следуя принципу «Обновление должно быть демократическим, а демократия служит обновлению», процесс «дой мой» явился поворотным моментом в развитии страны в целом, а также в осознании принципов демократии и продвижении процесса демократизации в частности. В статье рассматриваются как изменения в понимании Коммунистической партией Вьетнама демократии в документах съездов, так и внедрение её принципов и механизмов в течение 35 лет обновления. Автор анализирует достижения и ограничения в демократизации страны и предлагает несколько основных решений для ускорения этого процесса.

Ключевые слова: демократия, демократизация, дой мой, Коммунистическая партия Вьетнама.

Для цитирования: Чан Тхи Минь Туэт. Понимание демократии и процесс демократизации во Вьетнаме в период обновления: время решений // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 18—27 (на англ. яз.).

Автор:

Чан Тхи Минь Туэт, к.и.н., доцент, старший преподаватель Академии журналистики и средств массовой информации, Вьетнам. E-mail: tuyetminh1612@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 12.10.2019

Дата поступления в переработанном виде: 04.11.2019

Принята к печати: 24.11.2019

Социально-экономическое развитие

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10037

Hoang Thi Thu Huyen

HO CHI MINH CITY'S ECONOMY IN 2018—2019 AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. In the 2018—2019 period, Ho Chi Minh City accelerated its economic development in the context of rapid and complicated changes taking place in the region and the world as well. Although the world economic growth has been improved, there are still many risks and mishaps stemming from the financial-monetary and geo-political insecurities as well as international security problems. Meanwhile, Vietnam is also facing a number of difficulties and shortcomings in its international economic integration. In such a context, Ho Chi Minh City has achieved the planned goal on the GRDP growth, in spite of the limited capacity in the private sector, the dependence on the Chinese market, and the shortage of public investment. The economic development of Ho Chi Minh City, however, has not satisfied yet the expectation as a leading and driving force for economic development of South Vietnam specifically and the whole country generally.

Keywords: Ho Chi Minh City's economy, GDP growth, public investment, dependence on China, development expectation, 2018, 2019.

Introduction

Ho Chi Minh City is geographically located in the centre of Southeast Asia and considered as an international gateway and an important interchange of inland, maritime and air routes that connect with all provinces in South Vietnam. Of all cities and provinces in Vietnam, Ho Chi Minh City always makes the largest economic contribution to the national economy. In 2018, its contribution made up around a third of the domestic industrial production, a fifth of the national export turnover, and 27.8 % of the total revenue of the national budget [Hai Ha: 25.02.2019]. The models and policies implemented by Ho Chi Minh City on economic development can be seen as effective patterns that other local provinces/cities should learn and apply.

Many research works have been done by scholars and policy-makers on Ho Chi Minh City's economy. As shown by Vu Thanh Tu Anh [2017], the city encountered a number of shortcomings in development related to the strategic vision, planning, public services, social policies, human resources, mobilisation of resources and budgets, development of industries and services, and urban governmental structure and institutions. The shortcomings mentioned by the author seem to be appropriate to the actual situation, but he has not proposed any measures to overcome them. Focusing on assessing the competitiveness of Ho Chi Minh City, Huynh The Du [2016] argues that Ho Chi Minh City has greater advantages in comparison with other local areas in Vietnam. It is, however, ranked the lowest among the 12 Asian cities in the comparative list and, remarkably, the gap between Ho Chi Minh City and others still remains very big. Aimed to improve the competitiveness of

the city, in his opinion, it is necessary to carry out immediately the following activities: (1) To build consensus; (2) To create prudent breakthroughs; (3) To improve the vanguard and leadership capacity; (4) To accomplish the regional linkage; (5) To re-identify priorities in economic activities; (6) To liberate the people's strengths and increase the social capital; (7) To focus on implementing effectively the existing policies; and, (8) To strengthen the city operational structure. Those activities, however, look unspecified and impracticable. As one of the initiators of the project on the urban government model of Ho Chi Minh City, which it is really significant to the city development in spite of not being ratified yet by the National Assembly, Tran Du Lich [2018] supposes that the city should maintain persistently the urban government model, concentrating on dealing with the city infrastructure and accelerating the progress of sluggish construction projects, without spreading investments too thinly.

Following the above-mentioned research works, this research provides specific evidence for the theories on Ho Chi Minh City's economy, based on the summation, classification and comparative statistics. In addition to updating and analysing the economic development of Ho Chi Minh City in 2018 and 2019, we paid attention to its economic issues in the long term, highlighting relevant causes and forecasting its development prospects. As a result, we have realised several difficulties faced by Ho Chi Minh City in its economic development at present, as follows: The limited capacity of the private economic sector; the dependence on the Chinese market; and, the lack of capital for public investment. Some economic areas and particularly the GRDP growth rate of the city have not yet satisfied development expectations.

Domestic and international context

Despite some positive economic changes for the past year, the unpredictable political upheavals in the world have caused negative impacts on development in Vietnam in general and Ho Chi Minh City in particular. The global and regional economic and commercial linkages are still maintained, but the international cooperation and free trade are encountering considerable difficulties, as all the nations are trying to keep the necessary dynamic for economic growth and adapt effectively to new requirements of the fourth industrial revolution. Political and economic changes in both China and the United States have exerted influence on the export and import markets of Ho Chi Minh City as well as its opportunities to access the export markets and attract new foreign investments.

Obviously, the government has made every effort to strengthen international cooperation, which is considered to be an important factor for the recent economic growth and development. Owing to the success in the trade cooperation negotiations, the export market has been expanded, enabling Vietnam to take part more comprehensively in the chain of value, making economic transformation more positive, improving the competitiveness, creating more job opportunities, and enhancing the application of technology, knowledge and management experience... In 2018, the growth rate amounted to 7.08 %, exceeding the planned target and being the highest among those over the past eight years [General Statistics Office of Vietnam 2018]. Over the period of the first nine months in 2019, the growth rate reached 7.31 % and is likely to achieve and even exceed the planned target in 2019 [General Statistics Office of Vietnam 2019].

The international economic integration, however, has resulted in some problems that Vietnam should deal with. A majority of the local enterprises have not been equipped with sufficient capacity and potential for the competition with overseas enterprises. The labour force is not qualified enough to meet the demand for high-quality labour or satisfy the basic requirements of high-tech production. The number of people, who are not capable of satisfying the new management requirements, account for a considerable proportion in the workforce of the State apparatus. This probably

will lead to a scenario, in which domestic enterprises are overwhelmed by foreign ones. That's why Vietnam generally and Ho Chi Minh City specifically should have dramatic adjustments, of which the most important is to improve fundamentally the economic structure for the purpose of reducing the production dependence on other countries such as China and making it more appropriate to the world development tendency in future.

Ho Chi Minh City's economy in 2018 and 2019: Achievements, shortcomings, and some existing problems to be dealt with

In 2018 and 2019, the above-mentioned international and regional context created opportunities and challenges to the economic development of Ho Chi Minh City. During the anti-corruption campaign, additionally, a large number of violations related to land use in Ho Chi Minh City were handled thoroughly. Consequently, the public investments were cut down, causing certain impacts on the development of Ho Chi Minh City.

The Socio-Economic Report of Ho Chi Minh City in 2018 [Ho Chi Minh City Statistics Office 2018] and that of the first nine months in 2019 [Ho Chi Minh City Statistics Office 2019] highlight some achievements, shortcomings and problems related to the city economy as follows:

Achievements

— The growth rate of the Gross Regional Domestic Product (GRDP) in 2018 was 8.3 %, achieving the planned target, in spite of many changes and difficulties (the corresponding figure in 2017 was 8.25 %) [Ho Chi Minh City Statistics Office 2018]. Over the period of the first nine months in 2019, the GRDP of Ho Chi Minh City increased by 7.81 %, just 1.07 times higher than the corresponding figure of the whole country (7.31 %) [Ho Chi Minh City Statistics Office 2019]. It is, therefore, very far to meet the expectation that the GRDP growth rate of the city will be 1.5 times higher than that of the country.

— The economic structure in 2018 and 2019 continued to change positively; the proportion of the service sector increased, while those of the industrial and agricultural sectors reduced. The proportions made by the service, the industrial, and the agricultural sectors are 62.4 %, 22.9 %, and 0.7 % respectively in 2018 and 61 %, 24.3 %, and 0.7 % respectively over the first nine months in 2019.

— In regard to the nine focal service groups, including: (1) finance, credit, banking, and insurance; (2) trade; (3) transport and services related to depots, seaports, maritime logistics, and import-export; (4) postal service, telecommunications, information technology, and the media; (5) trade in properties and real estate; (6) scientific and technological information consultancy; (7) tourism; (8) health care; (9) education and training, the growth have been relatively high, making up a considerable proportion in the city GRDP. It was 57.1 % of the GRDP in 2018 and 55.4 % of the GRDP over the first nine months in 2019.

— The Consumer Price Index (CPI) growth still remains low. It increased by 3.05 % in 2018 and 3.85 % over the period of the first nine months in 2019.

Shortcomings

— Although the GRDP growth has achieved the planned target, it has not satisfied the expectation, when Ho Chi Minh City is a leading city in economic development of the country. The growth rate of Ho Chi Minh City reduced from 10.30 % in 2011 to 8.3 % in 2018. Meanwhile, the corresponding figure of the whole country increased from 6.24 % in 2011 to 7.08 % in 2018. Over the period of the first nine months in 2019, the GRDP of the city increased by 7.81 %, while GDP of the whole country increased by 7.31 %. Thus, the GDP growth rate of the country is getting increasingly closer to that of Ho Chi Minh City (Fig. 1).

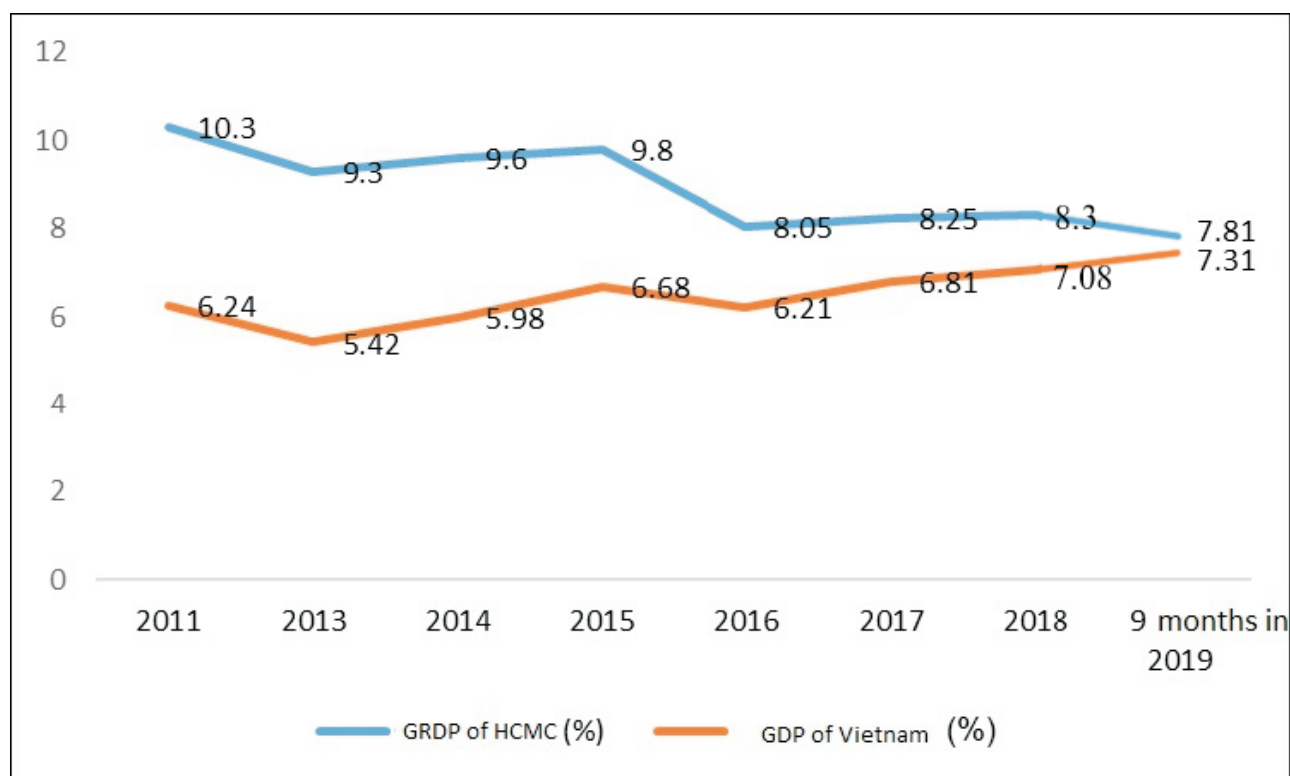

Figure 1. Growth rate of Ho Chi Minh City GRDP and GDP of Vietnam from 2011 to 2019.

Source: General Statistics Office of Vietnam and Ho Chi Minh City Statistics Office, 2011—2019.

— The export turnover of Ho Chi Minh City increased by 7.5 % in 2018, lower than that in 2017 (16.1 %). Specifically, the export turnover of the State-owned sector accounted for 10 %, reducing by 11.7 % in comparison with that in 2017. Meanwhile, the corresponding figure of the non State-owned sector is 32.2 %, increasing by 1.4 %. Especially, the export turnover of the foreign invested sector accounted for 57.8 % in 2018 [Ho Chi Minh City Statistics Office 2018] and 61.8 % over the period of the first nine months in 2019 [Ho Chi Minh City Statistics Office 2019]. This demonstrates the export of Ho Chi Minh City depends greatly on the enterprises of foreign direct investment (FDI).

— In 2018, the import turnover of the city increased by 8.8 %, reflecting a trade deficit and an increasingly severer dependence on the Chinese market, from which the import accounts for 32.6 %.

— Among the nine major groups in the service sector, none of them is a “spearhead”, as all their growth rates were “almost the same” and less than 10 % in 2018.

— The development of the four main groups of industries fell into a decline. The growth rate was 7.24 % in 2018 and just 6.1 % over the period of the first nine months in 2019 in comparison with the same period in 2018. In the mechanical industry, the production of motor vehicles got negative growth, which was –5.06 % and –4.0 % respectively in 2018 and over the period of the first nine months in 2019. The growth rate of the pharmaceutical industry was low, amounting to 2.87 % in 2018 and 1.0 over the period of the first nine months in 2019. It is necessary to consider whether this industry should be seen as “a spearhead”, since the production of some products from rubber and plastic is causing negative impacts on the environment.

— The State-owned enterprises have been less developed; most of indexes increased very insignificantly or even decreased in comparison with the same period in the past. In regard to the total retail trade of goods and services, the State-owned sector made up 6.3 % and just increased by 2.3 % in comparison with the same period in the previous year (which is the lowest rate in comparison with the non State-owned and FDI sectors). The State-owned economic sector also made up the

smallest proportion (10 %) of the total export turnover of the city and decreased by 11.7 % in comparison with the same period in 2017.

— The number of the enterprises coming into liquidation or dissolution has been getting increasingly higher. In 2018, the number of dissolved enterprises increased by 19.8 %, while that of liquidated enterprises increased by 7.4 %. Over the period of the first nine months in 2019, the corresponding figures are 35.25 % and 44.8 % respectively, compared with those over the same period last year. The ratio of the dissolved and liquidated enterprises to the newly established ones is 51.5 %. This demonstrates that enterprises in the private sector have been encountering a lot of difficulties.

— The process of equitisation is taking place very slowly. By the end of September 2019, there are still 38 enterprises that have not been completely equitized in Ho Chi Minh City [Cổ phần hoá: 15.10.2019]. It seems to be very hard to achieve the target of having equitized 39 enterprises over the period from 2018 to 2020 [Điều chỉnh: 17.10.2018].

— The creative start-ups make up a very little proportion of the total number of the enterprises in the city. In 2019, the total number of the enterprises in Ho Chi Minh City is 228,267 [Ministry of Planning and Investment 2019], while the number of the creative start-ups established in the city is about 1,500, making up less than 1 % [Việt Nam đứng thứ ba : 18.10.2019].

— In 2018, the total outstanding credit increased by 13.4 %, lower than that in 2017 (17.27 %).

— The budget revenue in 2018 could satisfy only 97.6 % of the planned target, in which the revenue from the foreign invested sector accounted for the highest proportion. It, however, just reached 82.8 % of the planned target, increasing by 7.3 % which was the lowest rate of increase in comparison with the rest economic sectors.

— The spending on development investment in 2018 dropped down dramatically, achieving just 55.1 % of the planned target and equivalent to 89.7 % of the corresponding spending in 2017 (i.e. it decreased by 10.3 %). This resulted in difficulties in the city public investment. At the same time, it led to an increase in the public private partnership (PPP) investment: By the end of August 2019, the number of the PPP projects, which have been accomplished or are being carried out in Ho Chi Minh City, is 160, much higher than the corresponding figures in the previous years [Ho Chi Minh City Party Committee: 30. 08.2019]

— The foreign investment declined. Especially, the total registered capital in 2018 was equivalent to 33.5 % of the corresponding figure in 2017. Over the period of the first nine months in 2019, the total registered capital amounted to 953.2 million USD. Although it is higher than the corresponding figure over the same period in 2018, it has not met the expectation.

Some problems to be dealt with

Some problems related to the city economic development in 2018 can be enumerated here, such as: the limited capacity of enterprises in the private sector; the shortage of funding for public investment; the dependence on the Chinese market; the “insufficient role” of many spearhead industries; the waste of land resources; and the lack of motivations for economic development... Those problems are not new, but have been faced by the city for years. Of those problems, the three ones that Ho Chi Minh City should concentrate on dealing with are: the capacity of the private sector, the dependence on the Chinese market, and the public investment.

Capacity of enterprises in the private sector

The private sector plays an important role in Ho Chi Minh City's economy. In 2018, there were about 235,566 enterprises and 250,000 sole proprietorships [A. Hong: 25.12.2018]. The contribution made by the private sector made up 60 % the GRDP of Ho Chi Minh City [Hoai Nam: 2 Oct. 2018]. At the same time, the budget revenue from the private sector always makes up a large proportion and has been growing for the recent years (Fig. 2).

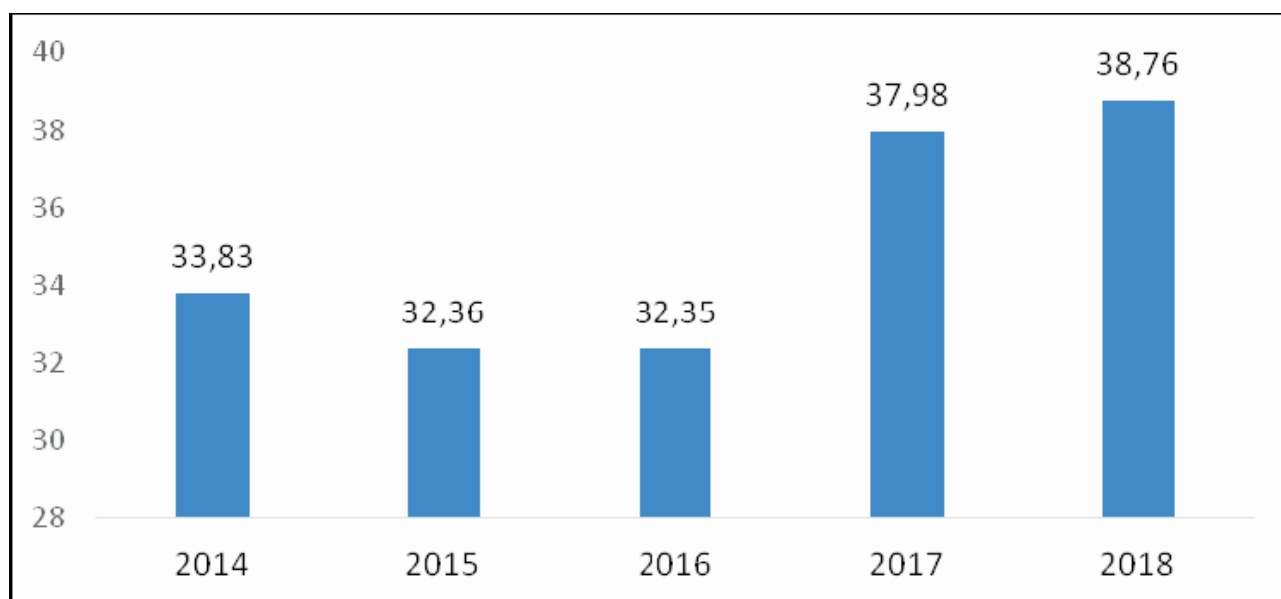

Figure 2. Proportion of the budget revenue from the private sector in Ho Chi Minh City from 2014 to 2018 (%).

Note: * there are 3 sectors, including: State-owned, non State-owned (Private), and Foreign invested.

Source: Calculations based on data from Ho Chi Minh City Statistics Office, 2014—2018.

However, the capacity of the private sector, especially the private enterprises, still remains quite limited, which can be realised in the following aspects:

1) Business size and outcome

According to the report of the Review Conference of the National Economic Survey in 2017, the number of non State-owned enterprises in Ho Chi Minh City was 167,129, increasing by 64.75 % compared with that in 2011; the average capital was 37 billion VND per enterprise (6,201,020 billion VND/167,129 enterprises). Meanwhile, most of them were micro and small-sized enterprises (SMEs), making up 97.8 % of the total number of enterprises. It is, therefore, very common that enterprises in the private sector usually have a tiny capital [Thuy Hai: 03.10.2018].

As described in the same report, the business outcome calculated on the basis of the profits was relatively low. Of all 171,655 enterprises, 64,607 ones (making up 37.81 %), gained a profit; whereas, 96,963 ones (making up 56.49 %) suffered losses; the rest ones (making up 5.7 %) had break-even business. More severely, the proportion of the loss-making enterprises tended to grow higher. Among the non State-owned enterprises, particularly, the number of loss-making ones increased by 2.87 %, while the number of profit-making ones decreased from 43.30 % in 2011 to 37.41 in 2016.

2) Liquidated enterprises

The recent data show a very large number of liquidated enterprises, although the ratio of the liquidated enterprises to the newly established ones tends to decline (Table 1).

Table 1. Ratio of the liquidated enterprises¹ to the newly established ones

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	9 first months in 2019
Ratio of liquidated enterprises to newly established ones (%)	82.5	95.9	75.8	61.1	49.5	30.6	51.5

Source: Calculations based on data from Ho Chi Minh City Statistics Office, 2013—2019.

¹ The liquidated enterprises in the statistical data consist of: dissolved, liquidated and those that have stopped using the registered business address.

While the newly established enterprises increased by 3.8 % in quantity, it decreased by 10.3 % in terms of the total registered capital [Ho Chi Minh City Statistics Office 2018]. This reveals that many enterprises have limited capacity and are facing difficulties at present.

In fact, enterprises have difficulty in accessing the bank credit, since they find it hard to satisfy the lending conditions such as: the collateral financial transparency; the complicated and overlapped administrative procedures; and the lack of the mechanism of accountability... Thus, many enterprises have to pay “unregulated” fees. In addition, the implementation of the policies on development of the private sector remains ineffective. As a result, the capacity of the private sector in Ho Chi Minh City is still limited.

Dependence on the Chinese market

Of all the import and export markets of Ho Chi Minh City, the export and import turnovers to and from China tend to make up higher and higher proportions. Over the period from 2013 to 2018, the export turnover to China and the import turnover from China were the highest, making up 21.4 % (Fig.3) and 32.6 % (Fig.4) of the total turnover respectively.

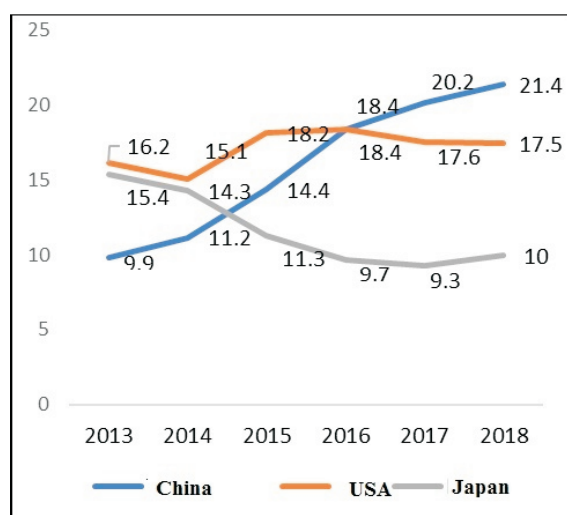

Figure 3. Export market proportions.

Source: Ho Chi Minh City Statistics Office, 2013—2018.

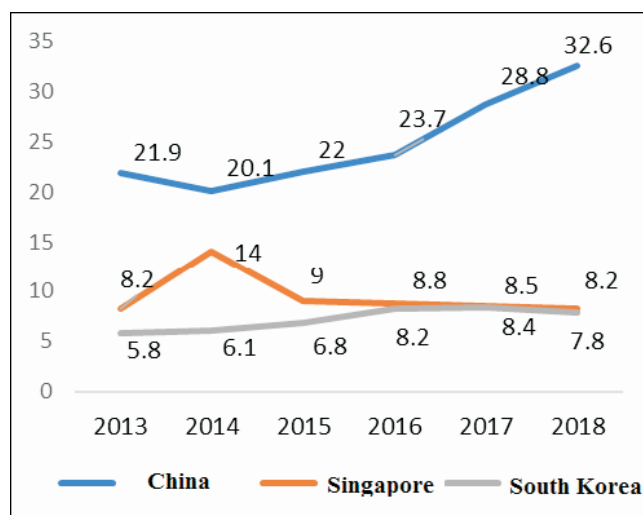

Figure 4. Import market proportions.

Source: Ho Chi Minh City Statistics Office, 2013—2018.

Since it is easier to access the Chinese market than European, American and other Asian developed ones, the export turnover to the Chinese market accounts for a large proportion and grows increasingly higher. This can be seen as a risk for the city export. If the export to the Chinese market is restricted or abandoned, the city will encounter difficulty in making urgent and proper adjustments so as to export its products to “harder” markets.

Over the period of the first nine months in 2019, the export value to the Chinese market makes up 20.1 % of the total export value [Ho Chi Minh City Statistics Office 2019]. It is, therefore, hoped that the corresponding proportion in 2019 will not exceed 30 %.

When import activities, especially the import of input materials, rely too much on a single market, the domestic production will fall into a passive situation. In 2018, the import of input materials from China made up large proportions in Ho Chi Minh City; for example, in the area of: Computers, electronic products and components: 59.8 %; Machines, equipment, tools, and accessories: 29.6 %; Fabrics: 46.8 %; Garment, textile, and shoe-making raw materials: 30.9 %; Iron and other metals: 60.9 % [Ho Chi Minh City Statistics Office 2018]. This partly stems from the weakness of the support industries in Ho Chi Minh City, which cannot satisfy the demand for input materials among the enterprises.

Public investment

A difficulty Ho Chi Minh City has encountered for years is the shortage of funding to improve its urban infrastructure, inundation prevention, and climate change. The total development investment needed by the city for the period from 2016 to 2020 is estimated to be around 850,000 billion VND, but the budget could satisfy just 20 % of the required investment. The investment needed for the works of inundation prevention is 96,327 billion VND, but just 28 % of the investment can be met at the present [Huy Khanh 18.10.2018].

The main reason for the shortage of the funding is that the percentage of the revenue kept by the city for its budget was small and continually dropped down. In the early 1980s, Ho Chi Minh City was allowed to keep 40 % of its revenues for the city budget, but in the early 1990s the corresponding figure was around 30 % and then decreased to 23 %. During the period from 2017 to 2020, it was lowered to 18 %. This figure is less than half of the corresponding figure in Hanoi (49 %). Besides, the funding allocated from the Central budget to Ho Chi Minh City is equivalent to half of that to Hanoi. In 2017, for example, 14,200 billion VND was allocated to Hanoi, but Ho Chi Minh City received just 7,700 billion VND [Nguyen Tuyen: 20 June 2018]. In addition, the PPP projects more or less made it difficult for the city to mobilise non-budgetary funding for public investment. “From 2000 up to now, despite a lot of efforts, the PPP financial resource mobilised by the city has been always much lower than the demand, having not satisfied the expectation” [Phan Anh 02.04.2019].

Economic development expectation in the coming years

Ho Chi Minh City should accelerate its economic development, aimed at leading the development of the entire region in South Vietnam and, consequently, promoting the development of the whole country. The goal, according to which the average GDP growth rate of Vietnam over the 5-year period (2016—2020) ranges from 6.5 % to 7 % and the average GDP per capita amounts to 3,200 —3,500 USD in 2020, while the industrial and service proportion accounts for over 85 %¹, can be hardly achieved without the contribution from Ho Chi Minh City. It is really necessary for the city to be a motive force for the national economy. Moreover, it is an urgent requirement so that Ho Chi Minh City will not lag further behind other large cities in the region.

Several specific expectations:

(1) GDP growth rate

In 2019 and the following years, the DRDP growth rate of Ho Chi Minh City should be higher so that it will not be less than 1.2 times but more than 1.5 times higher than the GDP growth rate of the country. Its contribution should make up at least 30 % of GDP. Meanwhile, high-quality service and high value-added industries should account for the largest proportion.

(2) Private sector

— The contribution made by the private sector should account for at least 70 % of the city GRDP by 2020.

— The ratio of liquidated enterprises to newly established ones should be less than 30 % by 2020.

— The proportion of loss-making enterprises should be less than 50 % by 2020.

— Of the 500,000 enterprises in Ho Chi Minh City in 2020, the number of creative start-ups should be at least 2,000.

— 39 State-owned enterprises, which are included in the list of equitisation, must be completely equitized in 2020.

¹ According to the Resolution No. 142/2016/QH13 on the Five-year Socio-Economic Plan for the period 2016—2020 promulgated by the National Assembly of Vietnam.

(3) Dependence on the Chinese market

— The proportion of the export to the Chinese market as well as that of the import from the Chinese market must be lower than 30 % since 2019.

(4) Public investment

It is necessary to increase the PPP-based funding for public investment. The number of PPP projects should make up around 10 % of the total public projects in the city.

Conclusion

The positive impacts caused by the international economic integration in Vietnam have provided Ho Chi Minh City with new development prospects. It is, however, necessary to have appropriate adjustments so as to make it most favourable for enterprises in the private sector to get more production experience as well as new techniques, based on which they can improve their own production models for the purpose of being more dynamic and appropriate with the world economy. In addition, it is important to strengthen the economic domestic resources, accelerate the development of support industries, minimise the overseas dependence, and increase the funding for public investment in urban infrastructure. Furthermore, Ho Chi Minh City should have its particular mechanism of empowerment, aiming at providing a better legal framework and resources for development investment and meeting the expected role as a spearhead and a motive force for the whole country.

References

1. A. Hồng (2018). Mới hơn 3.000/250.000 hộ kinh doanh ở TPHCM chịu lên doanh nghiệp [Just more than 3,000 among 250,000 sole proprietorships have become enterprises]. Retrieved on December 25, 2018 from URL: <https://tuoitre.vn/moi-hon-3-000-250-000-ho-kinh-doanh-o-tp-hcm-chiu-len-doanh-nghiep-2018-0609181824474.htm>.
2. Bộ Kế hoạch và Đầu tư (2019). Sách trắng Doanh nghiệp Việt Nam năm 2019 [Ministry of Planning and Investment (2019). White Book of Vietnamese enterprises in 2019].
3. Cổ phần hoá DNNN có chuyển biến nhưng vẫn còn chậm [Equitisation of State-owned enterprises has been improved, but still slowly]. *Báo chính phủ điện tử*. Retrieved on October 15, 2019 from URL: <http://baochinhphu.vn/doanh-nghiep/co-phan-hoa-dnnn-co-chuyen-bien-nhung-van-con-cham/377483.vgp>.
4. Cục Thống kê TP.HCM (2019). Tình hình kinh tế — xã hội 2011—2019 [Ho Chi Minh City Statistics Office (2019). Socio-economic situation during the period from 2011 to 2019].
5. Đảng bộ TP.HCM (2019). JICA hỗ trợ cho TP.HCM đầu tư cơ sở hạ tầng theo hình thức đầu tư tư nhân [Ho Chi Minh City Party Committee (2019). JICA provided Ho Chi Minh City with infrastructure investment support in form of private investment]. Retrieved on August 30, 2019 from URL: <https://www.hcmcpv.org.vn/tin-tuc/jica-ho-tro-cho-tphcm-dau-tu-co-so-ha-tang-theo-hinh-thuc-dau-tu-tu-nhan-psif-1491857442>.
6. Đảng bộ TP.HCM (2019). TP.HCM mời gọi hợp tác công tư một số lĩnh vực [Ho Chi Minh City Party Committee (2019). Ho Chi Minh City appeals for public private partnership in some areas]. Retrieved on March 30, 2019 from URL: <https://nld.com.vn/thoi-su/doi-moi-de-hop-tac-cong-tu-thanh-cong-20190327214100243.htm>.
7. Điều chỉnh tiến độ cổ phần hóa DNNN của TP.HCM giai đoạn 2018—2020 [Adjustment of the equitisation process of State-owned enterprises in Ho Chi Minh City over the period 2018—2020]. *Báo Sài Gòn Giải phóng*. Retrieved on October 17, 2018 from URL: <https://www.sggp.org.vn/dieu-chinh-tien-do-co-phan-hoa-dnnn-cua-tphcm-giai-doan-2018-2020-553194.html>.
8. Hải Hà (2019). Tiếp tục là đầu tàu kinh tế của cả nước [Continuing to be the spearhead of the national economy]. Retrieved on February 25, 2019 from URL: <http://www.sggp.org.vn/tiep-tuc-la-dau-tau-kinh-te-cua-ca-nuoc-573741.html>.

9. Hoài Nam (2017). Kinh tế tư nhân: Đầu tàu kinh tế của TPHCM [Private economy: Ho Chi Minh City as an economic spearhead]. Retrieved on October 2, 2018 from URL <https://www.sggp.org.vn/kinh-te-tu-nhan-dau-tau-kinh-te-cua-tphcm-bai-1-462896.html>.
10. Huy Khánh (2018). TPHCM: thiếu vốn đầu tư cho các công trình chống ngập [Ho Chi Minh City: Lacking investment in the projects of inundation prevention]. Retrieved on October 18, 2018 from URL: <http://kinhtedothi.vn/tpho-chi-minh-thieu-von-dau-tu-cho-cac-cong-trinh-chong-ngap-322744.html>.
11. Huỳnh Thế Du, Nguyễn Xuân Thành, Đỗ Thiên Anh Tuấn, Huỳnh Trung Dũng (2016). Đánh giá sức cạnh tranh của Thành phố Hồ Chí Minh và gợi ý định hướng chiến lược phát triển đến năm 2025, tầm nhìn 2045 [Assessment of Ho Chi Minh City competitiveness and suggestion on development strategy towards 2025 with the vision towards 2045]. Fulbright School for Public Policy and Management.
12. Nguyễn Tuyền (2017). Hà Nội được cấp vốn ngân sách gấp đôi TPHCM [Funding allocated from the Central budget to Hanoi is double that of Ho Chi Minh City]. Retrieved on October 17, 2018 from URL: <https://dantri.com.vn/kinh-doanh/ha-noi-duoc-cap-von-ngan-sach-gap-doi-tphcm-20170702224949487.htm>.
13. Nguyễn Tuyền (2017). TS. Trần Hoàng Ngân: Người dân TP.HCM quan tâm nhất là bao giờ hết kẹt xe, hết ô nhiễm [Dr. Tran Hoang Ngan: What concerned most by Ho Chi Minh City residents is when traffic jams and pollution are improved]. Retrieved on June 20, 2018 from URL: <https://dantri.com.vn/kinh-doanh/ts-tran-hoang-ngan-nguoi-dan-tphcm-quan-tam-nhat-la-bao-gio-het-ket-xe-het-o-nhiem-2017111913000995.htm>.
14. Phan Anh (2019). Đổi mới để hợp tác công tư thành công [Renovation for successful public private partnership]. Retrieved on April 2, 2019 from URL: <https://nld.com.vn/thoi-su/doi-moi-de-hop-tac-cong-tu-thanh-cong-20190327214100243.htm>.
15. Thúy Hải (2018). Tổng điều tra kinh tế năm 2017 tại TPHCM [National Economic Survey in 2017 in Ho Chi Minh City]. Retrieved on October 3, 2018 from URL: <https://www.sggp.org.vn/tong-dieu-tra-kinh-te-nam-2017-tai-tphcm-so-luong-doanh-nghiep-phat-trien-nhanh-hieu-qua-thap-493952.html>.
16. Tổng cục Thống kê (2019). Tình hình kinh tế — xã hội 2011—2019 [General Statistics Office (2019). Socio-economy in 2011—2019].
17. Trần Du Lịch (2018). Làm thế nào để kinh tế Việt Nam đổi chiều tăng trưởng trong giai đoạn phát triển mới [How to accelerate Vietnam's economy in the new period]. Forum: Vietnam Socio-Economy in 2018: Situation and Prospects.
18. Việt Nam đứng thứ 3 Đông Nam Á về số lượng doanh nghiệp khởi nghiệp [Vietnam is ranked third in Southeast Asia in terms of the number of start-ups]. *Báo Hải quan online*. Retrieved on October 18, 2019 from URL: <https://haiquanonline.com.vn/viet-nam-dung-thu-3-dong-nam-a-ve-so-luong-doanh-nghiep-khoi-nghiep-113584.html>.
19. Vũ Thành Tự Anh, Huỳnh Thế Du, Phạm Duy Nghĩa, Nguyễn Xuân Thành, Đỗ Thiên Anh Tuấn (2017). Thành phố Hồ Chí Minh: Tầm nhìn phát triển và các nút thắt thể chế [Ho Chi Minh City: Development vision and institutional knots.]. Fulbright School for Public Policy and Management.
20. WB (2018). Global Economic Prospects. Retrieved on November 30, 2018 from URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/551001512062599940/Global-Economic-Prospects-Jan-2018-Global-Outlook.pdf>.

For citation: Hoang Thi Thu Huyen (2019). Ho Chi Minh City's economy in 2018—2019 and its development prospects. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 28— 38.

Author:

Hoàng Thị Thu Huyền, PhD (Econ.), Director of the Economic studies centre, Institute of humanitarian studies of the Nambo region. E-mail: hoanghuyensiss@gmail.com

Article history:

Received: June 27, 2019

Received in revised form: 22.11.2019

Accepted: 05.12.2019

Хоанг Тхи Тху Хюен

ЭКОНОМИКА г. ХОШИМИНА В 2018—2019 гг. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Развитие экономики Хошимина в 2018—2019 гг. в международном и региональном контексте характеризуется быстрыми и сложными изменениями. Хотя состояние мировой экономики улучшилось, она всё ещё сталкивается со многими рисками и неопределённостями из-за финансово-денежной и геополитической нестабильности и угроз международной безопасности. Внутри страны процесс международной экономической интеграции всё ещё сталкивается с проблемами, требующими обязательного решения. В этих условиях экономика Хошимина, несмотря на ряд проблем, таких как ограниченные возможности частного сектора, зависимость от китайского рынка и нехватка государственных инвестиций, достигла заметного роста. Однако этот рост не соответствует ожиданиям города, играющего ведущую роль в развитии Южного региона и являющегося экономическим лидером Вьетнама.

Ключевые слова: экономика Хошимина, рост ВВП, частный сектор, государственные инвестиции, зависимость от Китая, ожидания развития, 2018 г., 2019 г.

Для цитирования: Хоанг Тхи Тху Хюен. Экономика г. Хошимина в 2018—2019 гг. и перспективы её развития // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 28—38 (на англ. яз.).

Автор:

Хоанг Тхи Тху Хюен, к.э.н., директор Центра экономических исследований Института общественных наук Южного региона. E-mail: hoanghuyensiss@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 27.06.2019

Дата поступления в переработанном виде: 22.11.2019

Принята к печати: 05.12.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10038

Буй Тхи Тхюи Ни

ГОСУДАРСТВО И КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. Корпоративная социальная ответственность (КСО) сложилась как явление во Вьетнаме около 20 лет назад в связи с началом процесса международной интеграции. Инициаторами внедрения КСО в стране стали транснациональные компании, такие как Toyota, Honda, Nestle, Unilever и др. Позже вьетнамские предприятия, особенно крупные экспортные компании, осознали необходимость включения социальной ответственности в бизнес-стратегию, рассматривая её как средство доступа на мировой рынок. Тем не менее значительная часть предприятий не обратила должного внимания на эту проблему из-за недостаточной осведомлённости о роли и характере социальной ответственности. Большинство руководителей предприятий считают социальную ответственность тяжким бременем или отождествляют её с благотворительностью. В данной статье рассматривается прогресс в реализации КСО во Вьетнаме в связи с растущей ролью государства в этом процессе, а также анализируется опыт некоторых стран Азии, который может быть применён в этой области.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, бизнес-стратегия, роль государства, благотворительность, международная интеграция.

Понятие корпоративной социальной ответственности

Социальная ответственность — это этическая теория, или идеология, которая подчёркивает, что человек или организация обязаны действовать на благо общества. Хотя существует много разных определений социальной ответственности, коннотации этих понятий в основном схожи. Целью реализации социальной ответственности является удовлетворение интересов всего социума. Предприятие как субъект общества использует ресурсы общества и влияет на его развитие, поэтому социальная ответственность ему свойственна изначально.

Термин КСО был впервые предложен английским учёным Ури Шелтоном в 1923 г. Шелтон утверждал, что КСО заложена в отношениях между бизнесом и людьми, если бизнес полностью удовлетворяет потребности людей как на предприятии, так и вне его [цит. по: Hoàng Văn Trinh 2019]. Позднее Комитет экономического развития (Committee for Economic Development) в 1971 г. уточнил содержание КСО, выделив «три концентрических круга». Согласно этой концепции, *внутренний круг* — это предприятие, которое реализует основную ответственность, заключающуюся в выполнении экономической функции, т. е. получении прибыли для инвесторов, предоставлении продуктов обществу, создании рабочих мест, содействии экономическому росту. *Средний круг* относится к бизнесу, в котором экономические функции сочетаются с вниманием к социальным ценностям и основным социальным проблемам, таким как защита окружающей среды, хорошее отношение к работникам, удовлетворение ожиданий клиентов и т. д. *Внешний круг* — другие неформальные виды ответственности бизнеса за содействие социальному прогрессу, например сокращение бедности и предотвращение негативных социальных проявлений.

Ещё одна похожая концепция предложена исследовательской группой Всемирного банка (ВБ): «Корпоративная социальная ответственность — это обязательство бизнеса действовать устойчивому экономическому развитию посредством мероприятий, направленных на улучшение качества жизни работников и членов их семей, сообщества и всего общества таким образом, чтобы это приносило пользу как бизнесу, так и развитию общества» [Nguyễn Thị Kim Chi 2016]. Концепция Всемирного банка в настоящее время широко используется во многих странах, включая Вьетнам.

Опираясь на вышеизложенные концепции, автор построил следующую модель КСО с пятью основными компонентами на четырех уровнях (рис. 1).

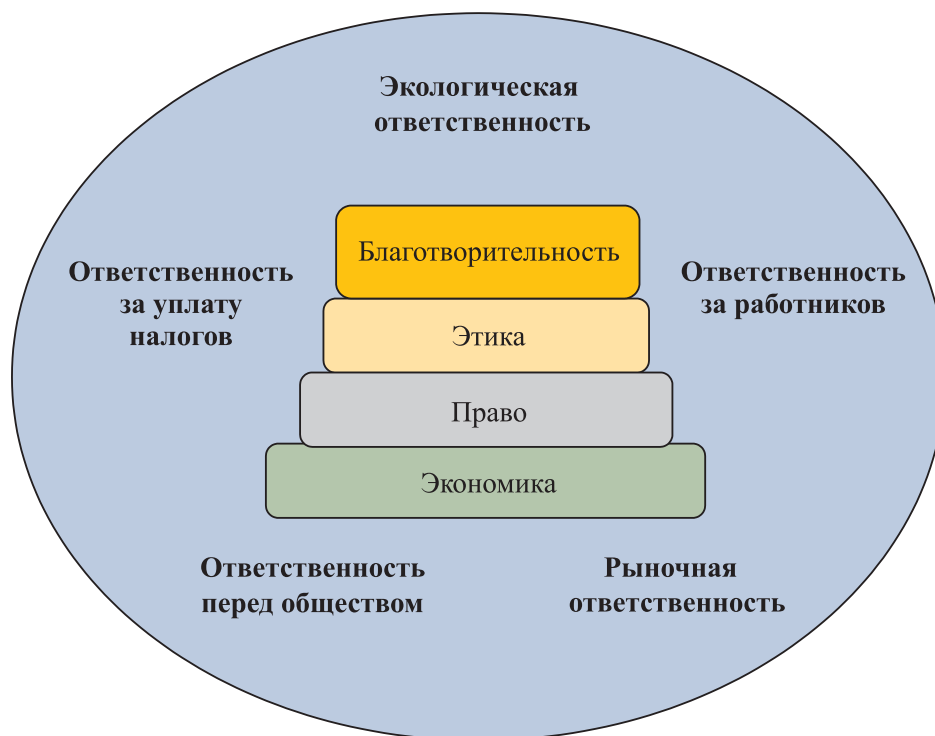

Рис. 1: Модель корпоративной социальной ответственности

а) ответственность за уплату налогов

Ответственность за уплату налогов считается самой основной и обязательной для любого предприятия. В юридическом аспекте предприятия обязаны своевременно и в полном объеме уплачивать налоги, соблюдать требования по налоговой отчетности, начислению и уплате налогов в целях обеспечения общественного порядка и справедливости, а также предотвращения потерь государственного бюджета. С экономической точки зрения усилия предприятий по увеличению прибыли также должны совпадать с увеличением суммы налогов, вносимых в государственный бюджет. Чем больше сумма налогов, тем больше вклад бизнеса в общественное развитие.

б) ответственность за работников

Ответственность за работников является одним из источников и основных элементов КСО и является ответственностью предприятий за обеспечение законных прав работников как в настоящий момент, так и в будущем. Для обеспечения законных прав работников предприятие в первую очередь несёт ответственность за строгое соблюдение законов о труде, кроме того, отвечает за удовлетворение более высоких запросов работников вне сферы, определённой законодательством.

в) экологическая ответственность

Экологическая ответственность является одним из основных компонентов социальной ответственности, выполнения которых общество требует от бизнеса. Это важно не только для реализации целей устойчивого развития, но также играет немалую роль в процессе развития бизнеса. Чтобы иметь возможность конкурировать в глобальной экономике, предприятия должны гарантировать, что их деятельность не наносит вреда окружающей среде, т. е. должны демонстрировать экологичность производственного процесса. Экологическая ответственность — это не только вопрос сознательности, но и обязанность, реализуемая в конкретных стратегиях и видах деятельности предприятия в целях соблюдения закона об охране окружающей среды и других экологических акциях.

г) рыночная ответственность

Рыночная ответственность предприятия отражается в его ответственных действиях по отношению к организациям и частным лицам на рынке, включая потребителей, партнёров и конкурентов. На первое место выдвигается ответственность перед потребителями. Например, поставляя на рынок продукты и услуги, предприятия несут ответственность за здоровье и безопасность потребителей, а также за защиту их экономических интересов. Ответственное поведение заключается не в том, чтобы полностью соответствовать установленным минимальным требованиям безопасности, но в том, чтобы абсолютно устранить риски для потребителей. Предприятия должны нести ответственность за проведение просветительских мероприятий для разъяснения потребителям их прав и обязанностей перед экономикой, обществом и окружающей средой, возникающих при выборе и использовании конкретного продукта. Предприятия также отвечают за разработку политики продажных цен, гарантирующей обеспечение выгоды для потребителей и способствующей макроэкономической стабильности.

д) ответственность перед обществом

КСО также проявляется через общие дела, через участие в развитии общества, а также расширение инициативы и активности в реализации целей общества, таких как защита и устойчивое развитие культуры, образование, борьба с бедностью, пожертвования в социальные фонды, финансирование социальных программ и т. д.

Отношение государства к корпоративной социальной ответственности во Вьетнаме

Во Вьетнаме проникновение и распространение концепции КСО идет параллельно с процессом экономической глобализации в контексте постоянно растущих прямых инвестиций международных компаний. Многие заказчики от европейских, американских, японских и транснациональных компаний требуют, чтобы местные аутсорсинговые компании соответствовали международным трудовым стандартам, обеспечивали гигиенические нормы пищевой безопасности и защиты окружающей среды. Исходя из этих предпосылок, многие вьетнамские предприятия, особенно аутсорсинговые и экспортные, преуспели во внедрении в производственную деятельность понятия КСО.

В последние годы было проведено немало семинаров и форумов по КСО с сотнями вьетнамских и иностранных участников. С 2008 г. Программа развития ООН (ПРООН) реализует проект по поощрению внедрения КСО в практику ведения бизнеса во Вьетнаме. Вьетнамская торгово-промышленная палата учредила премию CSR Award («Награда за КСО»); журнал «Экономическое обозрение и прогнозы» с 2012 г. регулярно организует чествование предприятий, которые хорошо выполняют свои социальные обязательства. Внедрение преимуществ от реализации КСО побудило вьетнамские предприятия активно интегрировать

программы социальной ответственности в свои операционные стратегии. Некоторые вьетнамские предприятия, такие как Vietcombank, Vietinbank, Kangaroo, PV Oil, Sabeco, Vietsovpetro, Vinacafé, FPT, Danapha и др., были удостоены звания «*Предприятие высокой социальной ответственности*». При этом учитывались следующие параметры: наличие авторитетного бренда; ориентация на устойчивое развитие; эффективная политика в области социального обеспечения и развития общества; успешное выполнение фискальных обязанностей, норм экологической ответственности, ответственности за работников и т. д.

Связанное с этим недавнее исследование показывает, что 62 % из 500 ведущих предприятий Вьетнама считает, что КСО играет важную роль в выстраивании стратегий и устойчивом развитии бизнеса [Nguyễn Ngọc Thắng 2016: 76]. Легко заметить, что большинство предприятий, которые интегрируют КСО в свои бизнес-стратегии, обычно являются крупными или внешнеторговыми предприятиями. Напротив, большинство малых и средних предприятий, на которые приходится 96 % от общего числа предприятий во Вьетнаме, фактически не уделяет внимания этой проблеме. Предыдущие исследования показали, что многие малые и средние предприятия действуют безответственно, загрязняя окружающую среду, не обеспечивая социальное страхование для своих работников, поставляя потребителям контрафактные товары, не соблюдая нормы гигиены и безопасности и т. п.

Согласно Национальному экологическому отчету 2015 г., количество малых и средних предприятий, заботящихся о чистоте окружающей среды, очень мало, а если это делается, то уровень инвестиций в очистные сооружения составляет всего 4—7 % от инвестиционного капитала. Доля предприятий с регулярными расходами на охрану окружающей среды составляет всего 3—5 % [Nguyễn Ngọc Thắng 2016: 112]. По состоянию на 2017 г. около 5 млн работников малых и средних предприятий ещё не участвовали в системе социального и медицинского страхования. Отчёт Торгово-промышленной палаты Вьетнама показывает, что до 50 % малых и средних предприятий в стране избегает уплаты страховых взносов [Hoàng Văn Trinh 2019: 23]. В целом большинство малых и средних предприятий СРВ добровольно не выполняет свои социальные обязательства, в первую очередь означающие соблюдение законов, или не нашло правильного направления и правильного способа реализации социальной ответственности.

Основной причиной этой ситуации прежде всего является неправильное понимание сути дела самими предпринимателями. Значение имеет и низкий уровень квалификации органов государственного управления и надзора, общественных профессиональных организаций, а также несформированное должным образом сознание самих вьетнамских работников и потребителей. В настоящее время правовая система, в частности то, что связано с КСО, имеет немало ограничений и недостатков. Из недавних случаев заражения пищевых продуктов (соевый соус, молоко и т. д.) видно, что соответствующие органы государственного управления часто пассивны, юридические документы не соответствуют требованиям и не соблюдаются. На практике создаётся много лазеек для нарушений, но их трудно предотвратить или невозможно устранить, потому что в большинстве случаев устранение нарушений требует перестройки всей системы контролирующих учреждений, от центральных до местных. Следует также отметить низкую действенность имеющихся законов. Многие случаи загрязнения окружающей среды не фиксируются в течение более 10 лет или фиксируются, но за них не наказывают или наказания являются слишком лёгкими и недостаточными для сдерживания этого процесса. Это показывает, что управляющие органы не в полной мере выполняют свои функции и обязательства перед обществом.

Тем не менее в последнее время в ряде районов органы власти и общественно-политические организации приняли конкретные меры для улучшения реализации КСО, такие как: организация диалога между бизнесом и работниками; юридические консультации для со-

трудников; выбор и награждение лучших предпринимателей и образцовых предприятий в реализации социальной ответственности званиями «Зелёное предприятие», «Предприятие для общества», «Предприятие с хорошей политикой для работников» и т. д. Предприятиям, получившим награды, кроме права на получение призов разрешено размещать фотографии в средствах массовой информации, а также пользоваться льготами и другими средствами поощрения.

Опыт реализации роли государства в корпоративной социальной ответственности в некоторых странах Азии

а) Япония

Япония считается одной из ведущих стран в мире по внедрению КСО. Согласно исследованию KPMG [KPMG 2013; Japanese Ministry 2012], 99 % японских предприятий публикуют ежегодные отчёты о деятельности в рамках КСО, это второй показатель в мире после США. Понятие КСО стало известно в Японии довольно давно по сравнению с другими странами Азии — после нефтяного кризиса 1973 г., когда многие предприятия осознали преимущества и пользу для бизнеса использования чистой энергии и инвестиций в развитие технологий защиты окружающей среды. К 1990-м годам бизнес и заинтересованные стороны стали достаточно полно использовать КСО, это стало заботой всего общества. КСО в Японии понимается как полная ответственность предприятия за влияние его деятельности на общество [Katsuhiko Kokubu 2010]. Поэтому уважение закона, охрана окружающей среды, труда и прав человека, этическое предпринимательство, общественная активность, прозрачность информации стали обязательными для японского бизнеса.

Японская правовая система направлена на защиту интересов заинтересованных сторон, например она обеспечивает участие работников в принятии решений на предприятии, ограничивает полномочия хозяина предприятия с целью защиты интересов работников. Кроме того, правительство Японии также осуществляет ряд мер по укреплению КСО, таких как поощрение сотрудничества между предприятиями в выполнении социальных обязательств, создание условий для высказывания мнений при разработке международных стандартов социальной ответственности, поощрение и поддержка предприятий в международных обменах по проблемам КСО и т. д. Правительственным учреждениям поручено исследовать и предлагать решения для поддержки предприятий в реализации КСО в соответствии с функциями каждого учреждения. Эффективная работа государственных органов в течение долгого времени сформировала идеологию социальной ответственности бизнеса и общества. В результате сознательность и добровольность японского бизнеса стала основой для реализации КСО в этой стране.

б) Китай

КСО в Китае стала широко применяться только в последние десятилетия. Бурный экономический рост страны, ставший следствием реформ и политики открытости, повлёк за собой негативные последствия в жизни общества и загрязнение окружающей среды. С 2004 г. проблемы КСО стали активно обсуждаться в научных кругах и на политических площадках Китая. Для соответствия растущим требованиям конкурентной борьбы многие компании интегрируют КСО в свою бизнес-стратегию. В провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун и Фуцзянь, где располагаются многие транснациональные корпорации, под воздействием международного движения КСО многие небольшие частные предприятия активно применяют её международные стандарты. В 2006 г. 32 китайских предприятия опубликовали свои отчёты по КСО, к 2016 г. их количество возросло до 1526 [Hoàng Văn Trinh 2019: 12].

В последнее десятилетие ассоциации предпринимателей под руководством правительства Китая издали документы по оценке КСО в соответствии с характеристиками развития каждой группы предприятий. Основными темами являются финансовая прозрачность, политика в области труда, защита окружающей среды и защита потребителей. Набор стандартов и руководящих принципов стал инструментом мотивации бизнеса в этой стране для повышения эффективности КСО. Ежегодно Китайская ассоциация оценки бизнеса публикует рейтинг 500 лучших предприятий по КСО, а Центр КСО Академии общественных наук Китая издает «Зелёную книгу КСО», в которой публикуется индекс развития КСО 300 ведущих предприятий страны.

На местном уровне почти все провинции и крупные города Китая разработали свою собственную систему оценки КСО, основанную на характеристиках местного развития. Кроме того, созданы органы для руководства, изучения, оценки КСО и разработки политики стимулирования для предприятий, добившихся успехов в этой области.

в) Индия

Индия является одной из первых стран Азии, реализующих концепцию КСО, — с начала 1970-х годов. У предпринимателей Индии имеется давняя традиция ведения общественной деятельности, выходящей за рамки непосредственных финансовых целей бизнеса. Но с конца 1990-х деятельность в рамках КСО постепенно стала зависеть от интересов политиков, а также растущих требований рынка. Правительство Индии определяет центром внимания КСО социальные проблемы, загрязнение окружающей среды, устойчивое развитие, особенно воздействие процесса глобализации на экономический рост. Был принят ряд законов, регулирующих деятельность предприятий, включая законы о труде и об охране окружающей среды, и заставивших бизнес реализовывать КСО [Bhave 2009]. Индия стала одной из первых стран в мире, включивших обязанность выполнять КСО в закон, а также имеющих положения о соответствующих санкциях в отношении предприятий, не полностью соблюдающих принципы КСО.

Государственные меры по повышению корпоративной социальной ответственности во Вьетнаме на основе опыта других стран

Практика Китая, Индии и Японии показывает очень важную роль правительства, местных органов власти и общественных организаций в продвижении КСО. Японские предприятия способны хорошо осуществлять социальную ответственность также благодаря высокому уровню правовой системы страны, что заключается в единообразии законов и строгом общественно-политическом контроле за их исполнением.

В практическом контексте продвижения КСО во Вьетнаме можно извлечь следующие уроки из деятельности описанных выше стран:

во-первых, повысить осведомленность о КСО для бизнеса и заинтересованных сторон. Японские предприятия хорошо выполняют свои социальные обязательства, а китайские предприятия начинают проявлять интерес к этой деятельности прежде всего потому, что они понимают важность, а также содержание и методы реализации программ КСО. Большинство предприятий во Вьетнаме не полностью осведомлены о КСО и её роли в повышении их конкурентоспособности и устойчивом развитии. В то же время непосредственно заинтересованные в этом стороны, т. е. работники, потребители и общество, также сталкиваются со многими трудностями, отсутствием информационных каналов для доступа к этой проблеме, что затрудняет их влияние на бизнес. Следовательно, необходимо активизировать

просветительскую и пропагандистскую деятельность, чтобы повысить осведомлённость предприятий и заинтересованных сторон в вопросах КСО;

во-вторых, усилить роль профессиональных объединений и общественно-политических организаций. Активное участие ассоциаций работников и общественно-политических организаций в пропаганде и предоставлении информации о кодексах поведения для бизнеса, а также в разработке стандартов КСО действительно необходимо. Опыт Японии показывает, что неправительственные организации являются посредниками в продвижении КСО в этой стране. Между тем во Вьетнаме в настоящее время практически отсутствуют представительские или посреднические структуры для взаимодействия бизнеса и общества, роль профессиональных ассоциаций всё еще очень низка;

в-третьих, продвигать международные связи в интересах отечественных предприятий, особенно малых и средних. Создание совместных предприятий, международное сотрудничество включило китайские предприятия во всеобъемлющую конкуренцию, вынудив их добровольно соблюдать международные кодексы поведения в процессе производства и поставок продукции для иностранных фирм. Присутствие малых и средних предприятий Вьетнама на международном рынке пока ещё ограничено. Только около 9 % всех предприятий имеет клиентами зарубежных частных лиц и предприятия [Nguyễn Thị Kim Chi 2016: 35];

в-четвертых, разработать и выпустить Кодекс поведения по КСО для предприятий и для каждой отрасли. Наборы стандартов КСО, очень распространённые в Японии и Китае, адаптированы к разным отраслям и местностям, тем самым создавая основу для удобного их применения. Во Вьетнаме же сегодня как на национальном, так и на местном уровне ещё не сформулировано официальных норм КСО для общего применения и для каждой группы предприятий. Это создает большие препятствия для предпринимателей при их желании систематически применять принципы КСО, а также затрудняет оценку и классификацию предприятий в отношении их корпоративной социальной ответственности;

в-пятых, применить режим отчётности по КСО. В настоящее время во Вьетнаме нет нормативных актов, стимулирующих компании или обязывающих их ежегодно отчитываться в этой сфере. Исходя из опыта описанных выше стран, наряду с годовыми финансовыми отчётами государство должно поощрять предпринимателей к составлению отчётов по социальной ответственности. Это в первую очередь необходимо для продвижения имиджа самого бизнеса, улучшения его репутации у клиентов и общества. В то же время благодаря отчётам по КСО и оценке третьими сторонами деятельности предприятий в плане социальной ответственности государство и заинтересованные стороны будут иметь основу для анализа и принятия решений для взаимодействия с бизнесом.

Список литературы

1. Bhavé Ajay Gajanan. Experiences of the Role of Government in promoting Corporate Social Responsibility initiatives in the private sector: Recommendations to the Indian state. Thesis for the fulfilment of the Master of Science in Environmental Sciences, Policy & Management. Lund University, Sweden, 2009.
2. Hoàng Văn Trinh. Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp — Kinh nghiệm ở một số quốc gia và khuyến nghị cho Việt Nam [Хоанг Ван Чинь. Корпоративная социальная ответственность: опыт некоторых государств и рекомендации для Вьетнама]. URL: <http://tapchitaichinh.vn/tai-chinh-kinh-doanh/trach-nhiem-ha-hoi-cua-doanh-nghiep-kinh-nghiem-mot-so-quoc-gia-va-khuyen-nghi-cho-viet-nam302704.html> (дата обращения: 23.02.2019).
3. Japanese Ministry of Economy, Trade and Industry. Japan's Policy for CSR. April 17, 2012.
4. Katsuhiko Kokubu. CSR in Japan: What is social responsibility in Japan? Graduate School of Business Administration, Kobe University, 2010.

5. KPMG. Survey of Corporate Responsibility Reporting. URL: www.ssets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2013/12/corporate-responsibility-reporting-survey-2013.pdf (дата обращения: 23.02.2019).

6. Nguyễn Ngọc Thắng. Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp [Нгуен Нгок Ханг. Корпоративная социальная ответственность]. Hà Nội: NXB Đại học Quốc gia, 2016.

7. Nguyễn Thị Kim Chi. Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp Việt Nam hiện nay [Нгуен Тхи Ким Ти. Корпоративная социальная ответственность во Вьетнаме в настоящее время]. Luận án tiến sĩ Triết học. Đại học Quốc gia Hà Nội, 2016.

Перевод с вьетнамского: Никулина Е.В.

Для цитирования: Буй Тхи Тхюи Ни. Государство и корпоративная социальная ответственность во Вьетнаме // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 39—47.

Автор:

Буй Тхи Тхюи Ни, к.соц.н., доцент Государственной академии административного управления Вьетнама. E-mail: bttmhi@nara.vn

Продвижение статьи:

Дата поступления: 01.04.2019

Дата поступления в переработанном виде: 15.11.2019

Принята к печати: 03.12.2019

Bui Thi Thuy Nhi

STATE AND CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN VIETNAM

Abstract. Corporate Social Responsibility (CSR) appeared in Vietnam about 20 years ago in connection with the beginning of the process of international integration. Multinational companies such as Toyota, Honda, Nestle, Unilever, etc. became the initiators of CSR in the country. Later, some Vietnamese enterprises, especially large export companies, realized the need to integrate social responsibility into a business strategy, considering it as a means of access to the world market. Nevertheless, in Vietnam there is a significant part of enterprises that have not paid attention to this problem due to insufficient knowledge of the role and nature of social responsibility. Most business executives either consider social responsibility to be a heavy burden or identify it with charity. This article both discusses the progress in the implementation of CSR in Vietnam in connection with the growing role of the state, and analyzes the experience of some Asian countries to be used in this area.

Keywords: social responsibility, corporate social responsibility, business strategies, the role of the state, charity, international integration.

References

1. Bhavé Ajay Gajanan (2009). Experiences of the Role of Government in promoting Corporate Social Responsibility initiatives in the private sector: Recommendations to the Indian state. Thesis for the fulfilment of the Master of Science in Environmental Sciences, Policy & Management. Lund University, Sweden.
2. Hoàng Văn Trinh (2019). Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp — Kinh nghiệm ở một số quốc gia và khuyến nghị cho Việt Nam [Corporate social responsibility: experience of some states and recommendations for Vietnam]. Retrieved on 23.02.2019 from URL: <http://tapchitaichinh.vn/tai-chinh-kinh-doanh/trach-nhiem-xa-hoi-cua-doanh-nghiep-kinh-nghiem-mot-so-quoc-gia-va-khuyen-nghi-cho-viet-nam302704.html>.
3. Japanese Ministry of Economy, Trade and Industry. Japan's Policy for CSR, April 17, 2012.
4. Katsuhiko Kokubu (2010). CSR in Japan: What is social responsibility in Japan? Graduate School of Business Administration, Kobe University.
5. KPMG (2013). Survey of Corporate Responsibility Reporting. Retrieved on 23.02.2019 from URL: www.ssets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2013/12/corporate-responsibility-reporting-survey-2013.pdf
6. Nguyễn Ngọc Thắng (2016). Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp [Corporate social responsibility]. NXB Đại học Quốc gia.
7. Nguyễn Thị Kim Chi (2016). Trách nhiệm xã hội của doanh nghiệp Việt Nam hiện nay [Corporate social responsibility in Vietnam at the present time]. Luận án tiến sĩ Triết học. Đại học Quốc gia Hà Nội.

Translation from Vietnamese: Nikulina E.V.

For citation: Bui Thi Thuy Nhi (2019). State and corporate social responsibility in Vietnam *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 39—47.

Author:

Bùi Thị Thùy Nhi, PhD, Associate Professor, Vietnam National Academy of Public Administration. E-mail: bttnhi@napa.vn

Article history:

Received: April 01, 2019

Received in revised form: November 15, 2019

Accepted: December 03, 2019

История и культура

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10039

Gerard Sasges

SYMBOLIZING (IN)DEPENDENCE: VIETNAM, INTERCOSMOS, AND THE STRATEGIC AMBIGUITY OF LATE SOCIALIST RITUAL

Abstract. This paper uses Pham Tuan’s journey into space in July 1980 as part of the Soviet-led Intercosmos 37 mission to explore how Vietnamese represented themselves and their relationship to the USSR during the late Cold War period. It is based on the news coverage, speeches, and imagery that documented the mission and commemorated its success in issues of the Vietnamese People’s Army daily newspaper (Báo Quân Đội Nhân Dân) and the photo archives of the Vietnam News Agency (Thông Tấn Xã Việt Nam). These sources reveal how Vietnamese put the symbolic ambiguity of Intercosmos to strategic use. On the one hand, their participation in the rituals of a kind of socialist “communion” confirmed their membership in a Soviet-led community. On the other hand, however, Vietnamese asserted a unique and independent role within that community.

Keywords: Vietnam, USSR, Cold War, international relations, Intercosmos, space exploration.

Introduction

On July 23, 1980, the Vietnamese pilot Pham Tuan became the first Asian and the first citizen of a developing nation to fly in space when he participated in the 7-day, 20-hour, and 42-minute Soyuz 37 mission to the Salyut space station. Tuan’s historic spaceflight took place as part of the Soviet-led Intercosmos program that saw 14 citizens of allied and friendly nations undertake missions in space beginning in 1978. The Salyut and its successor Mir programs contributed to major advances in fields such as physics, space biology and medicine, and remote sensing. Contributions of certain socialist allies — such as the German Democratic Republic who supplied the programs’ advanced optical sensing equipment — were an important part of this success. At the same time, missions reflected the priorities of the participating nations. In Vietnam’s case, this included the first-ever surveys of Vietnamese territory from space, producing data important for the nation’s postwar recovery and development. Yet practically speaking, there was little reason for “research cosmonauts” like Pham Tuan to take part: they did nothing their Soviet counterparts couldn’t already do.

Nevertheless, the ritual went on, launch after launch, ally after ally, for a decade. From training in Star City to launch from Baikonur to the triumphant return to their home country, the ceremony of socialist space solidarity unfolded with precision¹. Rituals like these, which included eve-

¹ Spaceflight in general is well-known for being highly ritualized. The utility of some rituals, like multiple safety checks, is clear; for others, like astronauts’ pre-launch poker game, or cosmonauts tradition of watching the film “White Sun of the Desert”, it’s less so.

rything from sporting events to international exhibitions to student exchanges, provide an important way into the cultural and symbolic dimensions of a conflict more often framed in terms of ideology, security, or international relations. They also provide a way to understand the “Cold War” from new perspectives, shifting our vision of the conflict from supposed centers like Moscow or Washington to places like Hanoi or Havana.

This paper uses Pham Tuan’s spaceflight to explore how Vietnamese represented themselves and their relationship to the USSR during the late-Cold War period. It is based on the news coverage, official speeches, and imagery that documented the mission and commemorated its success in issues of the Vietnamese People’s Army daily newspaper (*Báo Quân Đội Nhân Dân*) and the photo archives of the Vietnam News Agency (*Thông Tấn Xã Việt Nam*). These sources reveal how Vietnamese put the symbolic ambiguity of Intercosmos to good use. On the one hand, their participation in the rituals of a kind of socialist “communion” confirmed their membership in a Soviet-led community. On the other hand, however, Vietnamese asserted a unique and independent role within that community.

Literature review

Until recently, Cold War rhetoric reinforced by latent Orientalism often contributed to an understanding of states like the Democratic Republic of Vietnam (DRV) and its successor the Socialist Republic of Vietnam (SRV) as, at best, dependent, and at worst “puppets” or “proxies” of Cold War “superpowers.” More recently, however, scholars have sought to recover the agency and initiative of local actors. In the case of the DRV, Lien-Hang T. Nguyen has revealed the contested decision-making processes behind “Hanoi’s War” [Nguyen 2012]. In the sphere of economics, Vladimir Mazyrin and Adam Fforde have argued that Vietnamese policymakers knowingly risked censure from the CPSU as they experimented with economic policy and gradually departed from socialist economic models in the 1980s [Maryzin, Fforde 2018: 123—124]. And shifting the focus to international relations, Balazs Szalontai has used the archives of the Eastern bloc foreign policy working group, *Interkit*, to explore the complex interdependence that characterized the Vietnamese-Soviet relationship in this period and the determination of Vietnamese to preserve the DRV/SRV’s independence and promote its interests [Szalontai 2017: 385—403]. This paper is based on the premise that we can read this sort of (in)dependence not only in wartime strategy, economic policy, or international relations, but also in theatre, ritual, and symbol. Read in this light, Intercosmos is transformed from a late-Cold War curiosity to an ideal tool for promoting a socialist solidarity that encompassed equal parts dependence and independence, and was based as much on shared ideals as divergent goals.

Cosmic theatre

Theatre and symbol have been inherent in space exploration from the beginning. Soviet and American space programs were powerful tools for asserting the superiority of their respective nations and ideologies. The Soviets took an early lead in this public relations race, and a string of space firsts demonstrated the achievements of Soviet science and industry to the world. To take the most obvious example, Sputnik 1, the first artificial satellite, launched in 1957 — with its easily captured radio signal, a trajectory that took it across the American night sky, and a carefully polished alloy skin that made it visible to earthbound observers — was clearly intended as a sign for audiences around the world.

While Americans may have reacted to early Soviet successes with a mixture of amazement at the dawning of a new age, dismay at the apparent inadequacies of their own space program, and fear at the threat of a future Soviet ICBM force, for the people of the USSR events like the launch of Sputnik or Yuri Gagarin's journey into space held different meanings. The historian of science Loren Graham, present at Gagarin's triumphal Red Square reception in April 1961, writes that the day marked "the apogee in Soviet citizens' belief that they held the key to the future of civilization. The celebrations on the street were genuine and heartfelt. Soviet science was, they were sure, the best in the world, and Soviet rockets succeeded where American ones failed" [Graham 2006: 18—19]. More personally, his journey held out the promise that they, or at least their children, might one day also escape the struggles and privations of life in the USSR of 1961 and be transported to another, more perfect world.

As this passage makes clear, space programs did more than just demonstrate the achievements of a nation's science and the might of its industry. They inspired people to dream and to do. The men and women who travelled in space were a crucial part of realizing this effect. Just as early astronauts were made to embody "All-American" values, cosmonauts' public image was carefully controlled to ensure they embodied — or at least seemed to embody — the virtues of the Soviet "New Man" in all aspects of their professional and private lives [Hersch 2012; Gerovitch 2015]. Upon their return to earth, early space explorers like Gagarin and Valentina Tereshkova were subjected to exhausting programs of public appearances at home and abroad. These brave yet friendly young men and women, simultaneously exemplary and ordinary, helped shift international opinion regarding the USSR and the Eastern Bloc. The historian of the Soviet space program Slava Gerovitch writes how "Gagarin's natural charisma, geniality, and openness began to shape a new image of the Soviet man abroad. The old imagery — the menacing-looking dictator Stalin, the dogmatic Party bureaucrat, and the stern Soviet soldier — was replaced by this cheerful and charming young man" [Gerovitch 2015: 139].

By July 1980, however, much had changed. After initially lagging behind the Soviets, the Americans were the first to reach the moon in 1969. Nevertheless, the termination of their own moon program in 1974 — only acknowledged in the 1990s — allowed the Soviets to shift resources to the building of manned space stations. In 1977, they launched the Salyut 6 space station, the first capable of simultaneous docking by two spacecraft as well as resupply by uncrewed freighters [Portree 1995]. These technologies made it the first space station effectively capable of continuous habitation. The contrast with the American Skylab space station, damaged on launch in 1973 and which fell to earth spectacularly in 1979, was clear. Soviet propagandists made the most of the opportunity: on July 19, 1980, the long-duration crew of Salyut 6, Leonid Popov and Valery Ryumin, took part in another great Cold War ritual when their greetings were beamed to the assembled athletes and spectators at the opening ceremonies of the Summer Olympics via a live television link. With carefully choreographed events like these, the USSR demonstrated to the world that their space program had not been eclipsed: the Americans may have explored the moon, but the Soviets would colonize space.

Along with this shift from exploration to colonization came important shifts in narrative. Rather than brave explorers going ever higher and farther, cosmonauts were transformed in selfless scientists, enduring hardships and facing risks on the final frontier in order to advance scientific knowledge for all humanity. And they could bring their friends along as well. In 1978, Vladimír Remek of Czechoslovakia became the first non-Soviet in space when he spent eight days aboard the Salyut 6 space station. In this way, Intercosmos flights did more than reassert the primacy of Soviet science and technology. They also underlined an ideological commitment to internationalism and a socialist solidarity that embraced both the developed and developing world. Most important, they were intended to reward — or even shore up — the support of key allies.

Shared visions

This is clearly the context in which Central Committee General Secretary Leonid Brezhnev placed Pham Tuan's mission. In his speech at the August 26, 1980 ceremony that saw the Vietnamese cosmonaut awarded the title of Hero of the Soviet Union, Brezhnev stressed regularity, normalcy, and the multilateral nature of the Intercosmos program. For him, "the visits to the USSR's orbital station by the research cosmonauts of the Socialist nations have already become a regular occurrence. The representatives of Czechoslovakia, Poland, the German People's Republic, Bulgaria, Hungary have all worked productively in orbit together with Soviet cosmonauts. All of us are now especially pleased to know that now they have been joined by a representative from Vietnam" [Liên Xô: 27.08.1980].

Yet the regularity of Intercosmos disguised only partially the way Phạm Tuấn's mission differed from the others. After years of charting a course between the two poles of the Sino-Soviet split, in 1978 the breakdown of relations with China had finally compelled Vietnamese communists to choose a side. The Vietnamese space mission — preparations for which began immediately after the signing of the Treaty of Peace and Friendship in November 1978 — was confirmation of this major strategic shift for all involved. When he gave the analog of Brezhnev's speech in Hanoi two days later, National Assembly President Truong Chinh placed this shift in a longer history of Vietnamese-Soviet unity. For him, the mission symbolized the "battle-tested solidarity of the two parties, the two states, the two peoples of the two nations of Vietnam and the Soviet Union forever united whether on the earth or in space, always arm-in-arm in the task of building socialism and communism, in the battle against American-led imperialism and the battle against the gang of Chinese expansionists and hegemonists along with all the other reactionary forces, in order to safeguard the global socialist system and peace and friendship among all peoples" [Trường Chinh: 29.08.1980].

Alone among the Intercosmos participants, for Vietnamese the promised payoff of socialism had been deferred for three long decades of war. Thus, for Truong Chinh, Pham Tuan's mission represented more than a simple recognition of a new strategic partnership. It also represented the Soviet obligation to realize the task of building socialism, not simply in an abstract, global sense, but in the here and now of 1980s Vietnam. The mission "illustrates once again the preeminent character of the socialist system, the mighty power of the Soviet economy and its advanced science and technology, the cornerstone of the world revolutionary movement." More important, it was "an eloquent expression of the great and effective assistance in the spirit of international proletarianism of the Soviet Union for Vietnam in the task of building socialism" [Trường Chinh: 29.08.1980]. Much like an earlier generation of Soviet citizens for whom early space firsts had accompanied other, more tangible developments like the construction of Khrushchevka flats, the expansion of the national electrical grid, and increased availability of consumer goods, for Vietnamese in 1980 Pham Tuan's spaceflight was meant to symbolize the way rapid economic and social development was imminent, thanks to a combination of Soviet aid and Vietnamese hard work.

Few rituals were better suited to represent the achievements of Soviet science and technology and the forthcoming payoff of "Vietnamese-Soviet friendship." News coverage featured images of the Salyut 6 space station, the massive Soyuz-U on the launchpad, and the giant screens and banks of computers at mission control in Star City. Photos of Pham Tuan in training symbolized how Vietnamese would master these advanced technologies with the help of their Soviet brothers: Tuan accepting, with apparent joy, a stack of study materials on the theory of spaceflight from his Soviet tutor, or confidently carrying out checks on a mockup of the space station under the watchful eye of the experienced cosmonaut Viktor Gorbatko. As Tuan explained to a reporter, "Before, I was just a farmer's child, born in a thatched hut, tending the buffalos and growing rice; now I've taken on an extremely difficult and complicated mission. Victor Gorbatko told me, 'No problem at all,

Tuan. I also had to start from A, B, C: together, we'll be able to do it all.' Not much later, he himself made it known that the Soviet-Vietnamese flight crew had grasped the entire program and that there were no more difficult problems" [Thế giới: 27.07.1980].

But while the emphasis might differ, in many ways Pham Tuan's mission performed similar sorts of symbolic work for Brezhnev and Truong Chinh, Soviets and Vietnamese. Vietnam has taken its place in a socialist community where the USSR plays a pre-eminent role. The achievements of Soviet science and technology have been acknowledged. Scientific research has been carried out for the benefit of all. And hardworking Vietnamese younger brothers were learning fast thanks to the care and attention of their Soviet elders. Given their circumstances, Chinh and the Vietnamese could be forgiven for placing more emphasis on the strategic and material benefits of the relationship.

Independent trajectories

Yet Intercosmos could do other symbolic work, less easily encompassed in Soviet visions. One was to assert other kinds of socialist community not exclusively oriented towards Moscow. On July 27, *Quân đội nhân dân* published the first of two articles summarizing international reaction to the Soyuz 37 mission. The order of nations is significant, beginning with Cuba and Laos before proceeding to the USSR, Mongolia, the GDR, Hungary, India, and France. By placing Cuba first, the article underlined Vietnam's status as a member of a revolutionary vanguard of just two nations who had successfully resisted American imperialism¹. It also harkened to an important "South-South" connection that encompassed not only strong Cuban support for the DRV/SRV through war and reconstruction, but also internationalist institutions like the Organization of Solidarity with the People of Asia, Africa and Latin America. And by including India and France, the article made it clear that despite reliance on Soviet aid and technical assistance, Vietnam remained an independent, non-aligned state (nước không liên kết) enjoying the support and sympathy of nations around the world. As Cuban television explained to the people, "Vietnam, a nation which has already endured decades of struggle against American imperialism, today is the first non-aligned country in the world to fly in space. A worthy representative of the people of President Ho Chi Minh, heroes a thousand times over, has ascended into space" [Thế giới: 27.07.1980].

Another theme to emerge from Vietnamese coverage of Soyuz 37 was Indochinese solidarity. In the case of Laos, the same article reported that the success of Pham Tuan and Viktor Gorbalko's mission had been "especially joyful news." The General Secretary of the Foreign Ministry described the "infinitely excited rejoicing [of the people] upon hearing of this historic achievement of political, economic, and scientific significance. He emphasized that this is a victory for the spirit of solidarity and the complete cooperation between the Soviet Union and Vietnam specifically, between the Soviet Union and the brotherhood of socialist nations more generally. At the same time, it is a great encouragement for all citizens of Laos, steadfastly building and defending the fatherland. This is also a victory for Laos, for all nations of Indochina, for all nations of Asia, and all the nations of the third world" [Thế giới: 27.07.1980]. Two days later, Truong Chinh would echo the sentiments of the Lao Foreign Secretary when he described how "Proud of this great success, we citizens of Vietnam, shoulder to shoulder with the citizens of Laos and the citizens of Cambodia, will further strengthen solidarity and total cooperation with the great Soviet Union and all the other fraternal socialist nations, and strengthen friendly solidarity with all progressive peoples in the shared struggle for peace, national independence, and democracy and social progress in Indochina, Southeast Asia, and the world" [Trường Chinh: 29.08.1980]. If Intercosmos could encode Soviet primacy wit-

¹ It also set the stage for the next Intercosmos mission, which would see Cuban Arnaldo Tamayo Méndez fly in September.

hin the global socialist community, then Phạm Tuân's mission could do similar work for the Vietnamese in Indochina.

Ultimately, it was the triumph of Vietnamese communists over American imperialism that allowed them to claim this role. And Phạm Tuân embodied that triumph perfectly. The decorated fighter pilot was one of only two people in history credited with having downed an American B-52 "Stratofortress"¹. Coverage of his spaceflight continually referred to his wartime record, but one article in particular stands out. In it, the author related how before the fateful combat, Tuân had told his comrades how, "We're not foolhardy men, but if required we can use our planes as missiles," that is, as part of a suicidal attempt to down American bombers. The article explained how "by making this determination, Tuân brought peace to his spirit. This is how he was able to sleep soundly. And this is how he had the strength of mind, the sense of calm, and the fearlessness to engage the enemy" [Tù trận thắng: 27.07.1980].

By highlighting Tuân's wartime record and his determination to complete his mission no matter the cost, the article did more than confirm his status as an exemplary hero and morally suitable representative of the Vietnamese people. It also reminded audiences of the sacrifices Vietnamese had made during the long years of war and their readiness to make the ultimate sacrifice for the fatherland. While Viktor Gorbatko may have been the older, more experienced cosmonaut, Tuân and millions of Vietnamese had been the vanguard of the struggle against US-led imperialism in ways few Soviet citizens ever would. If they were now dependent on Soviet aid and technical assistance, they certainly deserved it. And their wartime record was proof that the aid, once given, would be put to good use for the Vietnamese people as much as for the global socialist community.

One of the most explicit expressions of this confidence in the nation's world-historical role occurs in a propaganda poster commemorating Phạm Tuân's mission. In it, two smiling cosmonauts in spacesuits fill the foreground. Behind them, an elliptical projection of the earth's surface is festooned with flags proclaiming "peace" in various languages and girded with factories emitting the pollution of industrial progress. If not for the curious patterns covering the base of their helmets, it might be possible to dismiss the fact that both cosmonauts, one wearing a helmet marked "Việt Nam" and the other "СССР," share the same yellow-hued skin. But Vietnamese would immediately recognize the decorative patterns as those of the bronze-age Đông Sơn culture conventionally represented as the origin of the nation [Lê Thiệp 2001]. At a stroke, the mission has been transformed from a Soviet one to Vietnamese. This remarkable assertion of ownership speaks of pride in the nation's past and confidence in its ability to build a better future — not to mention an Indochinese sphere of interest — on its own terms.

Conclusion

On January 17, 1980, the famed revolutionary poet and Politburo member Tố Hữu composed "Poem for a spring bough" (Bài thơ Một nhánh xuân). The poem, written to celebrate the fiftieth anniversary of the founding of the Vietnamese Communist Party, was composed in the knowledge of Phạm Tuân's impending mission. It contained the following lines, still well-known in Vietnam today: "Rubber sandals on our feet/But boarding spacecraft" ("Chân dép lốp/Mà lên tàu vũ trụ"). The lines evoked the sandals made from recycled tire treads famously worn by soldiers in the Resistance War against America, linking their recent victory over a technologically superior enemy with today's task of realizing the Party's vision of rapid industrialization, economic and social development, and participation in a community of advanced socialist nations. Left implicit was the fact the spacecraft would be engineered, built, and piloted by their Soviet friends.

¹ The US Air Force disputes this claim, holding that the aircraft was downed by a surface-to-air missile.

Like the Intercosmos mission it anticipated, the poem could sustain multiple meanings, some more explicit than others. Which ones inspired and which ones did not was up to individual members of the audience. At the time, To Huu's exhortation to "imagine soaring in their dreams" ("Mà cứ tưởng bay trong mơ ước") must have resonated with many Vietnamese, but the destination they dreamed of wasn't in space, or even a future Vietnam, but rather a refugee camp across the sea, or perhaps a factory in Dresden. But other Vietnamese, and even some of their Soviet comrades, would have been inspired to imagine how Pham Tuan's spaceflight — and Soviet assistance — might link Vietnam's immense wartime sacrifice to a glorious, independent, and socialist future.

Intercosmos may have been a form of late-Cold War theatre, but it was useful theatre. On the one hand, it was a rite of socialist "communion" drawing on a shared symbolic vocabulary of solidarity, internationalism, exemplary new men and women, the achievements of Soviet science and industry, and the benevolent hierarchy that "friendship" with the USSR implied. To this common understanding of the ritual's meaning, however, Vietnamese added their own. For them, Pham Tuan's mission could suggest other communities and other, more equal kinds of friendship with nations like Cuba or France. It could confirm Vietnam's own hierarchical "friendship" in Indochina. Above all, it could remind audiences of the immense price its people had paid to defeat imperialism and the efforts they would now make to build socialism in Asia. The result, as depicted in Le Thiệp's poster, allowed Vietnamese to take symbolic ownership of Intercosmos 37, just as they would take ownership of their future. Far from being a curious footnote to larger issues of strategy or economy, the Intercosmos program was a productive socialist ritual whose utility for Soviets and Vietnamese alike flowed from its strategic ambiguity. And in turn, the Intercosmos 37 mission is an example of how Vietnamese in the late-Cold War used this ambiguity to represent symbolically their real (in)dependence.

References

1. Gerovitch, Slava (2015). *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
2. Graham, Loren (2006). *Moscow Stories*. Bloomington: Indiana University Press. P. 18—19.
3. Hersch, Matthew (2012). *Inventing the American Astronaut*. London: Palgrave.
4. Lê Thiệp (2001). *Interkosmos 1980. Bộ văn hoá — Thông tin, Cục văn hoá thông tin cơ sở. Tranh cổ động Việt Nam 1945—2000*. Hà Nội: Văn hóa thông tin.
5. Liên Xô tặng huân chương cho đội bay vũ trụ quốc tế Liên Xô — Việt Nam [The Soviet Union awarded an order to the Soviet-Vietnamese international space crew]. *Quân đội nhân dân*, August 27, 1980.
6. Mazyrin, Vladimir, Fforde, Adam (2018). Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths. *Mythbusting Vietnam: Facts, Fictions, Fantasie*, Catherine Earl ed. Copenhagen: NIAS Press. P. 123—124.
7. Nguyen, Lien-Hang T. (2012). *Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam*. Chapel Hill: UNC Press.
8. Phát biểu của đồng chí Trường Chinh tại buổi lễ trao tặng huân chương [Handout of Mr. Truong Chinh at the ceremony of awarding an order] (abrev. Trường Chinh). *Quân đội nhân dân*, August 29, 1980.
9. Portree, David S.F. (1995). *Mir Hardware Heritage NASA: Johnson Space Center Reference Series*.
10. Szalontai, Balazs (2017). Solidarity within Limits: Interkit and the Evolution of the Soviet Bloc's Indochina Policy, 1967—1985. *Cold War History* 17:4. P. 385—403.

11. Thế giới nhiệt liệt chào mừng chuyến bay vũ trụ Việt Nam — Liên Xô [The world warmly welcomes the Vietnam—Soviet Soviet space flight]. *Quân đội nhân dân*, July 27, 1980.

12. Từ trận thắng ở “Thung Lũng Míc” Ấy! [From the victory in “Valley Mic”]. *Quân đội nhân dân*, July 27, 1980.

For citation: Sasges Gerard (2019). Symbolizing (in)dependence: Vietnam, Intercosmos, and the strategic ambiguity of late socialist ritual. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 48—56.

Author:

Sasges Gerard, PhD (History), Associate Professor, Department of Southeast Asian Studies, National University of Singapore. ORCID: 0000-0003-4881-716X. E-mail: gerard.sasges@nus.edu.sg

Article history:

Received: October 23, 2019

Received in revised form: October 31, 2019

Accepted: November 20, 2019

Жерар Саж

**СИМВОЛЫ (НЕ)ЗАВИСИМОСТИ:
ВЬЕТНАМ, ИНТЕРКОСМОС
И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ
РИТУАЛОВ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА**

Аннотация. Статья использует полёт Фам Туана в космос в июле 1980 г. в рамках программы Intercosmos, осуществлённой Советским Союзом, для изучения представления вьетнамцев о самих себе и своих отношениях с СССР в конечный период холодной войны. Статья основана на освещении новостей, выступлений и фотографий, посвящённых полёту и отразивших его успех, в выпусках ежедневной газеты Вьетнамской народной армии (Báo Quân Đội Nhân Dân) и фотоархива Вьетнамского агентства новостей (Thông Tấn Xã Việt Nam). Авторский анализ показывает, как вьетнамцы использовали символическую неопределённость Интеркосмоса для стратегических целей. С одной стороны, их участие в ритуалах своего рода социалистической «общности» подтверждало их принадлежность к советскому лагерю. С другой стороны, следует признать, что в этом сообществе вьетнамцы играли уникальную и независимую роль.

Ключевые слова: Вьетнам, СССР, холодная война, международные отношения, Интеркосмос, освоение космоса.

Для цитирования: Саж Жерар. Символы (не)зависимости: Вьетнам, Интеркосмос и стратегическая неопределённость ритуалов позднего социализма // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 48—56 (на англ. яз.).

Автор:

Саж Жерар, к.и.н., доцент Центра исследований Юго-Восточной Азии Национального университета Сингапура. ORCID: 0000-0003-4881-716X. E-mail: gerard.sasges@nus.edu.sg

Продвижение статьи:

Дата поступления: 23.10.2019

Дата поступления в переработанном виде: 30.10.2019

Принята к печати: 20.11.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10040

Н.М. Краевская

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ НАРОДА ТХО ВЬЕТНАМА: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Аннотация. В статье рассматривается похоронный обряд народа тхо пров. Тханьхоа Вьетнама как один из ритуалов перехода. Актуальность исследования ритуальной практики малых народов объясняется угрозой исчезновения самих этих народов, утратой или преобразованием их традиционных материальных и духовных ценностей под воздействием стремительной модернизации действительности, растущим влиянием доминирующих культур и языков. Статья посвящена неизученным темам культуры народа тхо и основывается на новых собственных полевых материалах. Междисциплинарный характер исследования позволяет рассматривать похоронные обряды с точки зрения этнологии, социологии, социолингвистики и семиотики. В исследовании использовались методы структурного и сопоставительного анализа, а именно сравнение компонентов похоронного ритуала народа тхо с аналогичными ритуалами соседствующих народов кинь, мыонг и тхай. Такой подход позволил выявить различия и сходства в обрядовой практике данных народов, продемонстрировать важность сферы ритуального общения, определить характер взаимовлияний и выделить мировоззренческие универсалии, связанные с дихотомией концептов «жизнь» и «смерть».

Ключевые слова: народ тхо, Вьетнам, похоронный обряд, ритуалы перехода, сопоставительный анализ, этносоциолингвистика.

Введение

Совместный проект российских и вьетнамских исследователей, в рамках которого подготовлена статья, прежде всего направлен на структурное и социолингвистическое описание малоизученных исчезающих вьетских языков данлай, поонг, куой и тхо. Экспедиции 2017—2018 гг. в провинциях Нгеан и Тханьхоа и работа с информантами позволили собрать и обработать фонетические, лексические, грамматические и текстовые материалы. Исследование также ставило своей целью прояснить особенности языковой ситуации в местах проживания данных народов и выявить экстралингвистические факторы, влияющие на особенности функционирования языков.

Быстрые темпы экономического и социального развития Вьетнама, затрагивающие и отдалённые уголки страны, вызывают преобразование и самой внеязыковой действительности в районах проживания малых народов. В данной ситуации чрезвычайно актуальным является изучение традиционных духовных ценностей этнического коллектива, проявляющихся в языке, укладе жизни, обычаях и ритуалах.

В настоящей статье на основе собранных полевых материалов рассматривается один из обрядов жизненного цикла — похоронный ритуал народа тхо пров. Тханьхоа, уезд Ньёсуан.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ/ОГН в рамках проекта № 17/24/09001/ОГН ВАОН_А «Исчезающие вьетские языки провинций Нгеан и Тханьхоа (Вьетнам): структурное и социолингвистическое описание».

Народ тхо пров. Тханьхоа и его этническое окружение

Народ тхо проживает в северной части Центрального Вьетнама в провинциях Нгеан и Тханьхоа, которые являются самыми многонаселёнными из 58 провинций Вьетнама. Население каждой из них, по данным Главного статистического управления Вьетнама (ГСУ), превышает 3 млн человек [Tổng Cục Thống kê: 15.10.2019]. Как и другие провинции многонационального Вьетнама, Нгеан и Тханьхоа населены народами, относящимися к разным этническим группам, среди которых подавляющее большинство составляют кинь (вьеты). Из общего числа тхо в 74 458 человек, по данным переписи 2009 г., в пров. Тханьхоа насчитывается только 9652, которые сосредоточены в уезде Ньысуан [Tổng điều tra 2009]¹. Тхо проживают в непосредственной близости от более многочисленных народов кинь, мыонг и тхай, число которых в пров. Тханьхоа соответственно составляет 2 801 321, 341 359 и 225 226 человек [Tổng điều tra 2009: 179], причем в уезде Ньысуан тхай составляют большинство — 23 970 человек, кинь насчитывается 22 808 и мыонг — 5484 человека [Vũ Trường Giang 2017: 17]. Тхо, кинь и мыонг относятся к группе вьетских народов, тхай к тайским народам Юго-Восточной Азии. Тесные контакты тхо с другими этническими группами обусловили целесообразность учёта их социокультурного взаимодействия при анализе устоявшихся правил проведения похоронных обрядов.

Похоронно-поминальные обряды как обряды перехода

Интерес к тому, что происходит с человеком, когда он умирает, является общечеловеческим. Во всех мировых культурах для того, чтобы выразить скорбь о близком и облегчить все этапы его перехода в другое состояние, используются особые ритуальные действия или религиозные церемонии. Многочисленные и повторяющиеся с определённой периодичностью обряды также призваны помочь родственникам пережить период скорби и траура и, будучи одновременно связаны с утешительной мыслью о бессмертии, содержат в себе именно символику перехода, отрицая идею конца.

Обряды перехода, теория которых была впервые разработана Арнольдом ван Геннепом еще в начале XX в., это «обряды, отмечающие и формально закрепляющие переход индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретение нового социального статуса» [Артёмова 1998: 892]. Основные обряды перехода связаны с рождением, инициацией, свадьбой и похоронами. Последние отличаются особой церемониальной сложностью и символической насыщенностью, что обусловлено их сакральностью, неоднозначностью представлений о следующем «цикле», т. е. существовании в загробном мире, и драматизмом самой ситуации смерти.

В структуре похоронного ритуала обычно выделяют обряды отделения, т. е. разрыв связей с миром живых, промежуточные обряды, проводящиеся, пока умерший ещё не достиг своего последнего пристанища, и обряды включения, направленные на содействие в переходе в мир иной. Самыми важными и разработанными являются обряды включения, приобщения вновь усопшего к миру мёртвых [Геннеп 1999: 134].

Похоронные ритуалы народов Вьетнама различаются в зависимости от религиозно-философских представлений народов, но все они связаны с идеей перемещения в другое пространство и воссоединения с умершими предками².

¹ Более детальную информацию о народе тхо и его подгруппах см. в публикациях И.В. Самариной [Самарина 2018: 248—249] и Нгуен Хыу Хоаня [Nguyễn Hữu Hoàn 2009].

² См. по этому поводу рассуждения основоположника вьетнамской этнологической науки Нгуен Ван Хюена о роли культа предков в похоронных обрядах вьетнамцев [Nguyễn Văn Huyền 2002: 51—52].

Описание похоронного обряда тхо пров. Тханьхоа

Последующее описание сделано на основе рассказов информантов.

Когда в доме кто-то умирает, то прежде всего собираются самые близкие родственники — родные братья и сестры, дети и внуки, чтобы обсудить процедуру проведения похорон. Затем приглашают двоюродных братьев и сестёр и более дальних родственников, чтобы они помогли в организации похорон. Когда все собрались, приглашают шамана с барабаном и флейтой. И только тогда умершему подаётся знак того, что он умер. После подачи сигнала начинается подготовка гроба, который делают из круглого ствола дерева, выдалбливая две его разрезанные половины (рис. 1). Когда гроб готов, тело размещают в гробу, затем подготавливают алтарь и начинают бить в барабаны и дудеть, сзывая других деревенских жителей. В течение следующего дня шаман проводит ритуалы.

В 9—10 часов вечера созывают всех родственников на церемонию объявления траура, которую также проводит шаман. Близкие облачаются в траурную одежду. По окончании этой церемонии начинается обряд *кань сань* для выражения скорби по отцу или матери. Он проходит с полуночи до часу ночи. Готовится рис и овощной бульон *кань*, обязательно без соли и мяса. Если усопший — мужчина, то семь пиал риса и семь пиал бульона, если женщина, то и того и другого по девять пиал, в соответствии с верованиями о семи душах у мужчин и девяти у женщин. Информанты объясняют: когда родители были ещё здоровыми и работоспособными, они возделывали землю и собирали в горах съедобную зелень, варили овощи для приготовления каши, чтобы дети могли утолить голод; именно поэтому и совершается обряд *кань сань*, чтобы, отведав простого риса и постного овощного супа, вспомнить все заслуги родителей по воспитанию детей.

На следующий день, в 4—5 часов утра, начинается похоронный обряд (вьетн. *lễ động quan*). Собравшиеся касаются гроба, голосят, взывают к покойному, чтобы он «очнулся» и начал готовиться к уходу. Ближе к 6 часам шаман начинает чтение ритуальных текстов, близкие готовят обычную посоленную еду, приглашая умершего к трапезе. Семья принимает подношения приходящих родственников и односельчан деньгами, продуктами и ритуальными атрибутами, которые умершему предстоит взять в свой долгий путь. Старший сын или другой уважаемый мужчина от имени семьи выражает благодарность.

Затем процессия с гробом двухметровой длины движется к месту погребения. За гробом следуют сыновья в траурных одеяниях, как у вьетов (в белых марлевых накидках и с посохом). Головной убор у них состоит из белой повязки вокруг головы, которая делается из двух кусков ткани с перемычкой, соединяющей лобовую и затылочную части повязки. Стар-

Рис. 1. Гроб тхо, хранящийся под свесом крыши дома в общине Йенле, уезд Ньусуан, 2018 г. Фото автора

шие сыновья по традиции могут носить похожий головной убор, сплетённый из рисовой соломы. Поэтому у тхо есть выражение «соломенная шляпа с посохом»¹. Зятья обматывают головы только одним куском белой ткани. У жены старшего сына головной убор в виде белой накидки — капюшона с двумя заострёнными концами *нгой*, у других невесток — с одним заострённым концом. Гроб неторопливо несут до места последнего пристанища. Играют на традиционных инструментах, но поочерёдно на каждом, а не ансамблем, как кинь. Каждая клановая линия имеет свои отдельные кладбища, организованные по фамилиям. Там и закапывают гроб. Сооружают надмогильный алтарь и совершают молитвенный обряд «открытия дверей» или «открытия пути» в загробный мир, после чего сжигают бумажные подношения, имитирующие различные полезные в хозяйстве предметы, как принято и у кинь, чтобы умерший смог использовать всё это в загробной жизни. Затем семья приглашает родственников и односельчан в дом на поминки.

Первые поминки после дня похорон проходят на 50-й день после смерти. На них предлагается бульон и варёный рис, они как бы имитируют обряд благодарения *кань сань*. Стодневные поминки служат определённой вехой в церемониях траура. После них внуки и правнуки снимают траур, кроме старшего внука по прямой линии. Он носит траур один год, как и сыновья, дочери, зятья и невестки, а для старшего сына траур длится три года. 15-го числа 7-го месяца по лунному календарю совершается ещё один обряд — сжигание ритуальных предметов из бумаги, чтобы переслать их умершему. Через три года после смерти проводятся поминки, после которых старший сын уже более не соблюдает траур. Однако если в семье остаются старые дед и бабка, то сын добавляет ещё три месяца траура, но шамана уже больше не приглашают. В настоящее время очень редко встречаются эти дополнительные три месяца траура. Траурная одежда теперь используется только для похорон, а затем заменяется черной полоской для ношения на обычной одежде, как и у кинь.

Следует всё же отметить, что самобытность похоронного обряда у тхо сохраняется. Все этапы похоронно-поминальных обрядов проводятся почти полностью.

Сходство и различия в похоронных обрядах народа тхо и соседствующих с ним народов

В непосредственной близости от тхо в уезде Ньысуан живут народы кинь, тхай и мыонг. Представим результаты сопоставления формально-структурной стороны и символики отдельных компонентов их похоронных обрядов, а также общеполитических взглядов народов на проблему смерти. Безусловно, сходства в ритуальной практике народов отражают близость их представлений об устройстве мира, схожесть верований и религиозных воззрений и прежде всего обусловлены общностью этнических корней. Однако постоянные миграционные процессы, проживание в зонах этнического, языкового и религиозного многообразия и толерантное отношение к другим народам способны усиливать взаимовлияния и способствовать внедрению инородных заимствований в собственную культуру.

Формальная структура похоронных обрядов вышеназванных народов очень сложна. В качестве основных компонентов она включает в себя: *оповещение родственников и близких и совместное обсуждение организации похорон; подготовку тела усопшего и церемониальной атрибутики; проведение церемонии объявления траура и раздачи траурной одежды; ритуалы, связанные с временным удержанием души умершего в доме; ритуалы, способст-*

¹ Посох у тхо, как и у кинь, имеет символику скорби, поклонения умершим родителям и предкам и одновременно — опоры, которой старший сын (сыновья) должен являться для всей семьи после смерти родителей.

вующие переходу души (душ) в мир иной; собственно похоронный обряд (перемещение тела усопшего к месту погребения и соответствующие церемонии во время этого); поминальные обряды; окончание траура.

Оповещение родственников и близких и совместное обсуждение организации похорон у вьетских народов строго регламентированы. Сначала о смерти сообщают самым близким, затем более дальним родственникам. Приходя в дом умершего, родственники совместно обсуждают процедуру проведения похорон и поминок, распределяют обязанности. У кинь и тхо очень ценится проявление сочувствия и сострадания, которые часто выражаются преувеличенно. Считается, что, разделяя скорбь, близкие не только проявляют уважение к умершему и его семье, но и уменьшают их страдания. Вклад родственников, материальный и помощью в организации похорон, зависит от степени родства и близости отношений. Раньше и у тхо, и у кинь подношения делались в виде подносов с пищей, которая потом использовалась для поминок, в настоящее время у кинь вклад делается преимущественно деньгами, причём семья умершего ведёт учёт такой финансовой помощи, чтобы в будущем в аналогичной ситуации ответить равнозначно. Тщательное планирование организации похорон у кинь и тхо связано и с тем, что для вьетских народов очень важно провести все ритуалы «правильно», в соответствии с установленными нормами, чтобы душа умершего не разгневалась и в будущем не доставляла неприятностей близким (рис. 2). В имперский период истории Вьетнама существовало даже специальное министерство церемоний (по примеру Китая), которое регулировало правила проведения семейных ритуалов. Для государства было важно поддерживать иерархическую систему отношений, основанную на конфуцианских постулатах, даже в таких небольших социальных группах, как семья. При этом выражение сыновней почтитель-

Рис. 2. Шаман проводит обряд в общине тхай по изгнанию души умершего человека, беспокоящей близких из-за неправильно организованного ранее похоронного ритуала, деревня Банлак, Майтяу, пров. Хоабинь, 2016 г.
Фото автора

ности на похоронах трактовалось как почитание вышестоящего, что служило гарантией устойчивости иерархических отношений и на государственном уровне [Malarney 2003: 175]. У народов мыонг и тхай, не подверженных влиянию конфуцианства, стремление к «правильности» проведения обрядов объяснялось необходимостью обеспечить переход души (душ) в мир иной. У этих народов этап оповещения родственников о смерти близкого и обсуждение предстоящих церемоний строго не регулируется.

Подготовка тела усопшего и церемониальной атрибутики содержит как общие, так и отличительные черты. Все проводят омовение тела (часто с использованием ароматических трав), облачают его в особую похоронную одежду (саван у тхо, у современных кинь — их лучшая парадная одежда, у женщин тхай и мыонг — преимущественно традиционный национальный костюм, а у мужчин в настоящее время чаще всего обычная одежда) и помещают тело в гроб до церемонии объявления траура (тхо, кинь) или до особого сигнала начала траурного периода (мыонг, тхай). Тхо, как и кинь, сооружают временный алтарь для умершего с его портретом и чашей для сжигания ароматических палочек. Мыонг и тхай готовят декорированный цветной бумагой паланкин-катафалк, тхо, очевидно под их влиянием, также делают похожий паланкин (рис. 3), но после похорон не сжигают его, а оставляют рядом с могилой [Võ Mai Phương 1997: 183].

Интересно, что у тхо подготовкой похоронного паланкина, а также жертвоприношениями ведают некровные родственники мужского пола по жене или мужу, как и у тхай. Именно они забивают животных для поминок, готовят могилу. Пока гроб находится в доме, кинь предлагают умершему или его душе рис и яйцо, тхо — рис и овощной бульон, тхай — варёную курицу, рис, алкоголь, и все рассматриваемые группы для душ ранее умерших пред-

Рис. 3. Похоронный паланкин тхо, сзади временный алтарь умершего, уезд Ньбисуан, 2018 г.
Фото автора

ков размещают на подносах более разнообразные блюда. В число атрибутов похоронного обряда у мыонг и главным образом у тхай входят орнаментированные тканые полотнища, которыми накрывают тело умершего или гроб и которые развешиваются в доме во время ритуальных действий шамана. Изображения на них связаны с символикой переселения душ в иной мир¹.

Проведение церемонии объявления траура и раздачи траурной одежды у тхо и кинь является особым ритуалом, причём у тхо в нём непременно участвует шаман, который и объявляет траур. У кинь это делают ближайшие родственники перед гробом покойного. У мыонг и тхай о трауре также оповещает шаман, но звуковыми сигналами, например выстрелами или звуками гонга. Именно на этом этапе и совершаются действия, имеющие отношение к обрядам отделения (по А. ван Геннепу): у тхо шаман подаёт мёртвым словесный сигнал, указывающий на то, что они мертвы, а когда тело помещают в гроб и шаман начинает бить в барабан и играть на флейте, уже разрешается оплакивать мёртвого; кинь ещё до омовения тела кладут в рот умершему варёный рис и три монеты, что символизирует его последнюю материальную пищу, а после объявления траура все подношения для него возлагаются на алтарь уже как мёртвому предку [Nguyễn Văn Huyền 2002: 53—54]; у мыонг связь мёртвого с миром живых прерывает шаман, разрезая привязанную ко гробу нить, таким образом заставляя душу осознать свой новый статус [Luu Hung et al. 2003: 200]; у тхай оповещением душ о смерти служат звуковые сигналы (выстрелы, удары в гонг), после этого родные могут оплакивать близкого. Траурные одеяния и головные уборы для ближайших родственников у кинь, тхо и мыонг практически одинаковы, что, видимо, объясняется общими этническими корнями вьетских народов (см. описание в разделе о похоронах тхо)². Тхай, хотя также используют белые головные повязки в виде тюрбанов, завязанные разными способами, что демонстрирует степень родства, но облачаются в национальные костюмы (преимущественно женщины). У белых тхай при похоронах свекрови особая роль отводится одеянию невестки: её церемониальная одежда должна быть схожа с одеждой умершей. Часто свекровь сама ткала «похоронную» юбку для невестки, в которой та должна быть на её похоронах, а в будущем и на своих собственных. Это помогало душам встретиться и быть вместе после смерти [Cheesman 2004: 183—185]. Правила и сроки соблюдения траура особо строго соблюдались у кинь и тхо, однако модернизация жизни привела к тому, что трёхлетний траур старшим сыном сейчас практически повсеместно не соблюдается, год — это максимальный срок траурных запретов для ближайших родственников на замужество, женитьбу, посещение увеселительных мероприятий.

Ритуальные действия, связанные с временным удержанием души умершего в доме, воплощаются главным образом в молениях. Характер молений напрямую связан с представлениями того или иного народа о душе и общей системой верований. Для кинь, которые исповедуют буддизм, сочетая его с культом предков, отношения между родственниками остаются прежними, даже если их разделила смерть, которая является закономерным воссоединением с умершими членами семьи [Nguyễn Văn Huyền 2002: 51—52]. Для того чтобы выразить своё глубокое почитание умершего родственника, им, как и тхо, необходимо, чтобы душа ещё какое-то время оставалась в этом мире. Чтобы удержать её на домашнем алтаре, проводится ряд ритуалов и молений, которые у кинь осуществляют монахи или люди, знающие данную процедуру [Malarney 2003: 186, 191], а у тхо — шаманы. Тхо уезда Ньысуан подчёркивают, что для них важны все этапы ритуалов, связанные с душой умершего, так

¹ Подробнее о символике орнаментальных мотивов, связанной с идеей смерти и переселения душ, и об использовании продукции ручного ткачества в похоронных обрядах народа тхай см. публикации Геттингер и Краевской [Gettinger 2004: 81; Краевская 2016 а; Краевская 2016 б].

² В сельской местности в некоторых общинах кинь прямые потомки используют головные повязки разного цвета, чтобы обозначить степень родства с усопшим по нисходящей линии.

как они не являются ни буддистами, ни анимистами (в широком понимании), а поклоняются только духам предков. Народам тхай и мыонг не свойственно чрезмерное выражение почитания предков и умершего, им важнее облегчить душе сложный переход в другое состояние.

В связи с этим *ритуалы, способствующие переходу души (души) умершего в мир иной*, у мыонг и тхай сложнее, чем у вьетских народов. Мыонг и тхай, являясь анимистами, верят в разнообразных духов: духов, которые защищают их селения, духов полей и урожая и т. д. Мыонг считают, что у человека имеется 90 душ или особых жизненных сил, которые находятся в разных частях живого тела, тхай насчитывают 80 таких душ. По представлениям мыонг, после смерти человека эти души объединяются в единую и, пройдя через Божий суд, способны достичь Земли мёртвых (Muong Ma), но только при содействии шамана, помогающего душе переправиться через реку Кханг во владения Небесного властителя [Никулин 1999: 166]. Тхай считают, что души после смерти направляются в три разных места: одни остаются с семьёй в качестве оберегающих её предков, другие — поблизости от могилы, а остальные переходят в иной мир. Способствовать перемещению души в мир предков способен только очень опытный шаман. Осуществить эту задачу шаманам тхай и мыонг помогает использование эпических произведений, включающих в себя сюжеты о происхождении и исторических миграциях данных этносов, а также драматических повествований о путешествии душ. Для мыонг обязательным компонентом обрядовой практики, облегчающим момент перехода, является чтение шаманом объёмного эпоса «Рождение Земли и рождение Воды», в процессе которого он показывает существование человека во временной бесконечности и то, что мёртвые не исчезают, а просто меняют своё местонахождение [Bui Tuyet Mai, Vu Duc Tan 1999: 136—137]. В современной ситуации, когда умерших хоронят обычно на третий, а иногда и на следующий день после смерти, церемониал, проводимый шаманом, сокращается, но самые важные текстовые сюжеты, относящиеся к посещению душой Божьего суда и путешествию к Земле мёртвых, никогда не опускаются [Luu Hung et al. 2003: 202]. У многих групп тхай, как свидетельствуют вьетнамские этнографы, на похоронах тестя помогать душе умершего в предстоящем путешествии на небеса, кроме шамана, может и старший зять. Он рассказывает об исторической миграции жителей этой деревни и о схожем пути, который предстоит проделать душе умершего, пока она не достигнет воображаемой реки Такхай, которая отделяет этот мир от небесного. Мифологическую реку душа пересечёт на лодке, затем поднимется по высоким горам на небо [Luu Hung et al. 2003: 205]. С целью благополучно сопроводить душу на небеса тхай используют и высокопоэтические плачи, в которых указывается, что перевозчиками душ могут выступать реальные животные — конь и слон, а также мифологический дракон:

1) *Душа здесь — не ходи туда.*

Часть души моей полетит на небо,

Прыгнет на героического дракона

И на коня, и улетит....

2) *Хозяин едет на слоне — то мы встречаем,*

Хозяин едет на драконе — то мы прислуживаем.

Дракон увидит нас — встанет на колени встречать хозяина,

Встанет на колени встречать духа (душу).

Дух взберётся на дракона и улетит, как ласточка.

Взберётся на слона — обонрётся, как будто скользит по спине дракона [Ngô

Đức Thịnh, Cầm Trọng 2003].

Вызывает интерес тот факт, что плачи и другие повествования, где конь, слон и дракон упоминаются как перевозчики душ, сюжетно соотносятся с изображениями этих животных на тканых полотнищах, которые используются в похоронном ритуале (рис. 4). Подобное дубли-

Рис. 4. Изображение коня, перевозчика душ в мир иной, тканое полотнище тхай, начало 1990-х.
Фото автора

рование идеи в слове и образе призвано усилить магическое воздействие ритуала. Эта часть похоронного ритуала у тхай и мыонг отражает общее представление народов о рождении, жизни и смерти и концепцию мироздания. Ритуальные действия на данном этапе связаны с идеей включения умершего в другое «сообщество», мир предков или вечно живущих душ.

В собственно похоронном обряде, т. е. перемещении тела усопшего к месту захоронения, у тхо и кинь нет единых правил касательно деталей, они отличаются не только по провинциям и уездам страны, но даже в пределах разных общин, проживающих в относительной близости. Тем не менее главные компоненты данной стадии похорон практически везде одинаковы. Впереди процессии находятся люди с поминальными знамёнами, портретом умершего, чашей с ароматическими палочками, далее несут или перевозят гроб, затем идут сыновья, дочери, их супруги в траурных одеяниях. В большинстве случаев дети следуют за гробом, сыновья (или старший сын) слегка толкают паланкин, телегу или машину, на которую возложен гроб. Старший сын опирается на посох (иногда все сыновья). Одеяния и действия детей — всё призвано выражать глубокую скорбь и сыновнее почитание¹.

Если раньше на могилах у тхо и кинь ставился могильный дом-шалаш из бамбука и бумаги, то теперь — каменная плитка с именем умершего, а позже, в благоприятствующий день, возводится памятник.

У мыонг и тхай в начале похоронных процессий также шествуют люди с ритуальными атрибутами, но построение самой процессии может разниться [Luu Hung et al. 2003: 206]. Тем не менее у всех народов в строении процессии соблюдается семейная иерархия. Ближайшие родственники также облачены в траурные одеяния, траурные головные уборы, и повязки иногда носят родственники вплоть до пятого поколения. Как у мыонг, так и у тхай палан-

¹ Подробное описание похорон у кинь (вьетов) представлено в публикациях Маларни [Malarney 2003: 185—195], Нгуен Ван Хюена [Nguyễn Văn Huyền 2002: 53—63] и Чан Нгок Тхема [Trần Ngọc Thê 2003].

кин-катафалк для знатных членов рода может быть огромных размеров, он сделан из бамбука и бумаги и богато украшен. В зависимости от локальных традиций паланкин могут сжигать, иногда вместе с гробом и телом, как это принято у чёрных тхай, которые на следующий день собирают кости с пепелища и захоранивают их в керамическом сосуде. Группы белых тхай в настоящее время кремацию тела на похоронном костре не практикуют. На могилах устанавливаются могильные шалаши. Вблизи могил разные группы тхай обычно возводят так называемые деревья *chao pha u heo* (тайск.) — высокие сооружения из деревянных или бамбуковых шестов, украшенные разноцветными знамёнами, «зонтами» из ярких тканей, фигурами лошадей с крыльями. Эти сооружения, устремлённые ввысь, призваны помочь душе вознестись и попасть в Землю предков.

Как было сказано, основные элементы похоронной церемонии на этапе перемещения тела усопшего к месту захоронения у тхо и кинь одинаковы, однако раньше обрядовые действия тхо на этом этапе были более подвержены влиянию мыонг и тхай. Так, информант Ле Ван Тхань вспоминает, что до недавнего времени по пути к месту погребения похоронная процессия останавливалась на некоторое время в лесу, где шаман совершал обрядовые действия. Временные остановки процессии для ритуальных действий характерны для обрядовой практики тхай. Более того, тхо некоторых уездов пров. Нгеан, по примеру тайских групп, во время таких остановок прямо у гроба проводили народные игры с целью развлечь и позабавить покидающую их душу [Thái Tâm 2008]. У некоторых групп тхо было принято ещё до перемещения к месту погребения делать из бумаги и тканей модель человеческой фигуры, заменявшей тело умершего, и посещать вместе с ней его любимые или красивые места у источников воды, где невестка или дочь вспоминали о достоинствах умершего. В этом обрядовом действии наблюдается параллель с ритуалами мыонг, в которых, прежде чем выносить гроб из дома, шаман читал тексты, помогающие душе усопшего проделать последнее путешествие по любимым местам в своей деревне, затем вернуться в дом и готовиться к своему последнему пути [Luu Hung et al. 2003: 201].

Поминальные обряды, которые начинаются сразу же после похорон, у тхо и кинь отличаются незначительно, так же как *сроки и форма траура*. После погребения все присутствующие приглашаются в дом семьи усопшего, где их ждёт обильное угощение. Затем проводятся поминки на 3-й день после смерти, если они не совпали с днём похорон. Следующие поминки тхо проводят на 50-й день, а кинь — на 49-й. Со дня смерти до этой даты родственники ежедневно жгут ароматические палочки на временном алтаре умершего. Кинь каждый 7-й день обязательно проводят моления у этого алтаря. И кинь, и тхо верят, что на 49-й или 50-й день происходит вознесение души. Следующие поминки проходят на сотый день со дня смерти. Кинь-буддисты часто отмечают этот день в пагоде, после молений устраивая там поминки из вегетарианских блюд. Душа усопшего получает поддержку и защиту пагоды. Тхо устраивают поминки дома у алтаря умершего. После этого завершается траур для дальних родственников и внуков. Кинь разбирают временный алтарь умершего, но тхо чаще всего оставляют его на три года и сжигают только по истечении срока траура старшего сына. Затем поминки повторяются каждый год (на них и тхо, и кинь приглашают душу умершего получить очередные подношения), а самые значительные организуются через три года после смерти. Они служат вехой полного окончания траура¹.

Мыонг и тхай также устраивают поминки по окончании похорон, они закалывают буйвола в качестве жертвоприношения, чтобы умерший мог использовать его в загробном

¹ Окончание трехлетнего траура у кинь северных районов Вьетнама знаменуется ещё одним ритуальным событием — они осуществляют перезахоронение, когда останки перемещаются в более маленький керамический гроб и перезахораниваются уже навечно. Вьеты Центрального и Южного Вьетнама, тхо и другие народы перезахоронение не практикуют.

мире. Из мяса готовят блюда для поминальной трапезы. Как тхо и кинь, раньше они соблюдали траур три года, в течение которых запрещалось пение, свадьбы и строительство дома. По истечении трёх лет созывались родственники и соседи на поминальный обед, таким образом отмечалось возвращение к нормальной жизни. В настоящее время все эти народы ограничиваются одним годом траура для ближайших родственников. Впоследствии ежегодное посещение могил близких перед Новым годом по лунному календарю, приведение их в порядок и сжигание ритуальных бумажных подношений является обязательным для всех членов семей у тхо и кинь. Мыонг и тхай в предновогодние дни ограничиваются подношениями на примитивные домашние алтари предков.

Подчёркивая огромную роль культа предков для вьетов, выдающийся вьетнамский этнограф Нгуен Ван Хюен писал, что для вьетнамцев «присутствие предков среди живых считается реальным, и эта реальность принимается каждым безоговорочно» [Nguyễn Văn Huyền 2002: 61]. Многие церемонии в похоронных обрядах данных народов свидетельствуют о неразрывной связи живущих и предков, более того, они направлены на утверждение крепких социальных связей внутри семьи и клана.

Заключение

Проведенное исследование показало особую значимость в жизни народа тхо ритуальной сферы и сформировало базу для анализа языкового общения, а именно для изучения таких социальных функций языка, как религиозно-магическая функция и функция ритуального общения¹.

Исследование помогло установить различия и сходства похоронных ритуалов народов, объясняющиеся рядом факторов:

- *этническая близость* обеспечивает схожесть всех составляющих похоронного обряда (например, у тхо и кинь регламентированность в оповещении родственников и распределении их обязанностей, подготовка тела усопшего и церемониальной атрибутики, тип траурной одежды и сроки траура);
- *интенсивность социальных контактов* способна трансформировать устоявшиеся нормы этнических групп (внедрение в ритуальную практику тхо элементов, типичных для тхай и мыонг: остановки похоронной процессии для обрядовых действий или игр, как у тхай, посещение душой перед похоронами любимых мест, как у мыонг);
- *вероисповедание* (анимизм у тхай и мыонг проявляется в вере во множество душ, в то, что чтение эпических произведений поможет душам попасть в Землю предков, а также в практике жертвоприношений);
- *уровень модернизации жизни* сказывается на упрощении структуры похоронного ритуала, отказе от постоянного ношения траурной одежды, сокращении сроков траура у всех народов.

Такой подход позволил выявить специфику концептуализации мира данными народами и мировоззренческие универсалии, касающиеся основной проблемы человеческого бытия.

¹ Показательными представляются статистические данные, приводимые в статье И.В. Самариной об использовании вьетнамского или родного языка представителями народа тхо уезда Ньысуан, практически поголовно являющимися билингвами, в различных ситуациях/сферах общения. Так, в ситуациях молений или совершения религиозных обрядов 86,8 % респондентов используют язык тхо, в то время как в других сферах общения самый высокий показатель его использования составляет 41,9 % (на деревенском собрании) [Самарина 2018: 259].

Список литературы

1. Артёмов О.Ю. Обряды перехода. *Народы и религии мира*. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с.
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
3. Краевская Н.М. Магическая функция орнамента в ткачестве народа тхай Вьетнама // *Орнаментика в артефактах традиционных культур*. Материалы Пятнадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016 а. С. 133—136.
4. Краевская Н.М. Функции орнамента ткачества и роль фольклорного текста в похоронных обрядах народа тхай Вьетнама // *Universum: Филология и искусствоведение*, вып. 9 (31). М., 2016 б. С. 8—11.
5. Никулин Н.И. Космологические представления мыонгов по фольклорным и изобразительным материалам // *Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999. С. 161—177.
6. Самарина И.В. Вьетнамский этнос тхо провинции Тханьхоа: Итоги социолингвистического исследования // *Актуальные проблемы вьетнамоведения—2018*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 248—264.
7. Bui Tuyet Mai, Vu Duc Tan (Group de principal rédacteurs). Người Mường ở Việt Nam. Les Muong au Vietnam [Мыонги во Вьетнаме]. Hà Nội: Nhà xuất bản văn hóa dân tộc, 1999. 152 p.
8. Cheesman P. Lao—Tai Textiles: The textiles of Xam Nuea and Muang Phuan. Chaing Mai: Studio Naenna Co. Ltd., 2004. 297 p.
9. Gittinger M. Textiles for the Living and the Dead. A Lao Case // *Through the Thread of Time*. Southeast Asian textiles. The James H. W. Thompson Foundation Symposium Papers. Bangkok: River Books, 2004. P. 66—82.
10. Luu Hung, Nguyen Trung Dung, Tran Thi Thu Thuy, Vi Van An, and Vo Thi Thuong. Other Journeys of the Dead // *Vietnam: Journeys of Body, Mind, and Spirit* / Nguyen Van Huy and Laurel Kendell, editors. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, Ltd, 2003. P. 197—215.
11. Malarney S. K. Weddings and Funerals in Contemporary Vietnam // *Vietnam. Journeys of Body, Mind, and Spirits* / Nguyen Van Huy and Laurel Kendell, editors. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, Ltd, 2003. P. 173—195.
12. Ngô Đức Thịnh, Cẩm Trọng. Khóc Điếu. Luật tục Thái ở Việt Nam [Нго Дык Тхинь, Кам Чонг. Поминальные плачи // *Обычаи народа тхай Вьетнама*]. Hà Nội: Nhà xuất bản Văn hóa dân tộc, 2003. Tr. 987—1042.
13. Nguyễn Hữu Hoàn. Tìm hiểu ngôn ngữ các dân tộc ở Việt Nam: Vấn đề dân tộc Thổ xét từ góc độ ngôn ngữ [Нгуен Хыу Хоань. Исследования языков этнических групп Вьетнама: Проблемы народности тхо с точки зрения лингвистики]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 2009.
14. Nguyễn Văn Huyền. The Ancient Civilization of Vietnam. Hà Nội: Thế Giới Publishers, 2002. 304 p.
15. Thái Tâm. Lễ thức trong đám tang truyền thống ở dân tộc Thổ [Тхай Там. Ритуалы в похоронных обрядах народа тхо], 2008. URL: <http://www.vusta.vn/vi/news/Thong-tin-Su-kien-Thanh-tuu-KH-CN/Le-thuc-trong-dam-tang-truyen-thong-o-dan-toc-Tho-24366.html> (дата обращения 10.10.2019).
16. Tổng Cục Thống kê 2019 [Главное статистическое управление Вьетнама]. URL: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=217> (дата обращения: 15.10.2019).
17. Tổng điều tra Dân số và Nhà ở Việt Nam năm 2009: Kết quả toàn bộ [Всеобщая перепись населения и домовладений. Окончательные итоги]. Hà Nội: 2009.
18. Trần Ngọc Thêm. Recherche sur l'identité de la culture vietnamienne [Чан Нгок Тхем. Исследование идентичности вьетнамской культуры]. Hanoi: Editions Thế Giới, 2003. 836 p.

19. Võ Mai Phương. Les Thổ // *Mosaïque culturelle des ethnies du Việt Nam* / Nguyễn Văn Huy (chef de projet) [Во Май Фыонг. Тхо // *Культурная мозаика народов Вьетнама*]. Hanoi: Maison d'édition de l'éducation, 1997. P. 182—184.

20. Vũ Trường Giang. Tri thức bản địa của người Thái ở miền núi Thanh Hóa [Ву Чыонг Зянг. Местные знания народа тхай горных районов Тханьхоа]. Hà Nội: Nhà xuất bản Sân khấu, 2017. 372 tr.

Для цитирования: Краевская Н.М. Похоронные обряды народа тхо Вьетнама: опыт сопоставительного анализа // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 57—71.

Автор:

Краевская Наталья Михайловна, к.филол.н., доцент Международного факультета Государственного университета Вьетнама, г. Ханой. E-mail: nkraevskaia@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 16.11.2019

Дата поступления в переработанном виде: 01.12.2019

Принята к печати: 09.12.2019

N.M. Kraevskaia

FUNERAL RITUALS OF THE THO PEOPLE OF VIETNAM: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. This article discusses the funeral rites of the Tho people of Thanh Hoa province of Vietnam as one of the rituals of transition, which comprises various aspects of Tho social relations and world-view. Study of the ritual practice of small ethnic groups is actual due to the threat of their extinction, the growing influence of dominant cultures, and either the loss or transformation of traditional material and spiritual values because of rapid modernization. The study is novel for its collection of field materials and investigation of unexplored Tho people culture. This novelty is also introduced through the interdisciplinary nature of the research, when funeral rites are explored from the point of view of ethnology, sociology, cultural studies and semiotics. The study has used methods of structural and comparative analysis, namely comparing the components of the Tho people funeral rituals with those of the neighboring Kinh, Muong and Thai. Such an approach has revealed differences and similarities in the ritual practice of the ethnic groups under consideration, defined mutual influences, and therefore drawn conclusions about the specifics of their world perception, and finally revealed the universals connected with dichotomous concepts of life and death.

Keywords: Tho people, Vietnam, funeral ritual, rituals of transition, comparative analysis, ethnosociolinguistics.

References

1. Artyomova, O. Yu. (1988). Obryady perehoda [The Rites of Passage]. *Narody i religii mira [People and Religions of the World]*. M.: Bolshaya Rossiyskaya Encyklopediya. 928 p.
2. Bui Tuyet Mai, Vu Duc Tan (Group de principal rédacteurs) (1999). Người Mường ở Việt Nam. Les Muong au Vietnam [Muong people of Vietnam]. Hà Nội: Nhà xuất bản văn hóa dân tộc. 152 p.
3. Cheesman, P. (2004). Lao—Tai Textiles: The textiles of Xam Nuea and Muang Phuan. Chaing Mai: Studio Naenna Co. Ltd. 297 p.
4. Gennep, A. van (1999). Obryady perehoda. Systematicheskoye izucheniye obryadov [The Rites of Passage] / translated from French. M.: Vostochnaya literatura. 198 p.
5. Gittinger, M. (2004). Textiles for the Living and the Dead. A Lao Case. *Through the Thread of Time. Southeast Asian textiles. The James H. W. Thompson Foundation Symposium Papers*. Bangkok: River Books. P. 66—82.
6. Kraevskaya, N.M. (2016 b). Funkcii ornamenta tkachestva i rol folklornogo teksta v pohoronnykh obriadakh naroda thai Vietnama [Functions of Ornament in Weaving and the Role of Folkloric Text in the Funeral Rites of Thai People in Vietnam]. *Universum: Fililogiya i iskusstvovedeniye*, № 9 (31). P. 8—11.
7. Kraevskaya N.M. (2016 a). Magicheskaya funkciya ornamenta v tkachestve naroda thai Vietnama [The Magic Function of Ornament in the Weaving of Thai People of Vietnam]. *Ornamentika v artefaktah tradicionnykh kultur. Materialy pyatnadstatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy [Ornaments in Artefacts of Traditional Cultures. Proceedings of the 15th St. Petersburg Ethnographic Conference]*. SPb: IPC SPGUTD. P. 133—136.
8. Luu Hung, Nguyen Trung Dung, Tran Thi Thu Thuy, Vi Van An, and Vo Thi Thuong (2003). Other Journeys of the Dead. *Vietnam: Journeys of Body, Mind, and Spirit* / Nguyen Van Huy and Laurel Kendell, editors. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, Ltd. P. 197—215.

9. Malarney, S. K. (2003). Weddings and Funerals in Contemporary Vietnam: *Vietnam. Journeys of Body, Mind, and Spirits* / Nguyen Van Huy and Laurel Kendell, editors. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, Ltd. P.173—195.
10. Ngô Đức Thịnh, Cầm Trọng (2003). Khóc Điếu [Laments]. *Luật tục Thái ở Việt Nam [Customary Law of the Thai in Vietnam]*. Hà Nội: Nhà xuất bản Văn hóa dân tộc. Tr. 987—1042.
11. Nguyễn Hữu Hoàn (2009). Tìm hiểu ngôn ngữ các dân tộc ở Việt Nam: Vấn đề dân tộc Thổ xét từ góc độ ngôn ngữ [Study of Vietnam Ethnic Groups Languages: Issues of the Ethnic Group Tho from Linguistics Pointview]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội.
12. Nguyễn Văn Huyền (2002). The Ancient Civilization of Vietnam. Hà Nội: Thế Giới Publishers. 304 p.
13. Nikulin, N.I. (1999). Kosmologicheskiye predstavleniya miongov po folklornym i izobrazitelnyim materialam [Cosmological Views of Muong People Revealed from Folkloric and Visual Materials]. *Folklor i mifologiya Vostoka v sravnitel'no-tipologicheskom osveschenii [Folklore and Mythology of the East in Comparative Typological Coverage]*. M.: Naslediye. P. 161—177.
14. Samarina, I.V. (2018). Vietnamskiy etnos tho provincii Than'hoa: Itogi sociolingvisticheskogo issledovaniya [Vietnamese Ethnos Tho of Thanh Hoa Province: Findings of Sociolinguistic Research]. *Aktualniye problemy vietnamovedeniya—2018 [Essencial Problems of Vietnamese Studies]*. M.: IDV RAN. P. 248—264.
15. Thái Tâm. (2008) Lễ thức trong đám tang truyền thống ở dân tộc Thổ [Rituals in the funerals of Tho people]. Retrieved on 10.10.2019 from URL: <http://www.vusta.vn/vi/news/Thong-tin-Su-kien-Thanh-tuu-KH-CN/Le-thuc-trong-dam-tang-truyen-thong-o-dan-toc-Tho-24366.html>.
16. Tổng Cục Thống kê 2019 [General Statistics Office of Vietnam]. Retrieved on 15.10.2019 from URL: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=217>.
17. Tổng điều tra dân số và nhà ở Việt Nam năm 2009: Kết quả toàn bộ [The 2009 Vietnam Population and Housing census: Completed results]. Hà Nội.
18. Trần Ngọc Thêm (2003). Recherche sur l'identité de la culture vietnamienne [Researches on Identity of Vietnamese Culture]. Hanoi: Editions Thế Giới. 836 p.
19. Võ Mai Phương (1997). Les Thổ. *Mosaïque culturelle des ethnies du Việt Nam [Tho People. Cultural Mosaic of Ethnic Groups of Vietnam]* / Nguyễn Văn Huy (chef de projet). Hanoi: Maison d'édition de l'éducation. P. 182—184.
20. Vũ Trường Giang (2017). Tri thức bản địa của người Thái ở miền núi Thanh Hóa [Local knowledges of Thai people of Thanh Hoa province]. Hà Nội: Nhà xuất bản Sân khấu. 372 tr.

For citation: Kraevskaia N.M. (2019). Funeral rituals of the tho people of Vietnam: a comparative analysis. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 57—71.

Author:

Kraevskaia Natalia M., PhD, Associate Professor, International School, Vietnam National University, Hanoi. E-mail: nkraevskaia@yandex.ru

Article history:

Received: November 16, 2019

Received in revised form: December 01, 2019

Accepted: December 09, 2019

Филология

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10041

И.В. Самарина

УСТНЫЙ НАРРАТИВНЫЙ ДИСКУРС: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА ТХО-НЬЫСУАН

Аннотация. В статье описываются предварительные результаты исследования корпуса устных нарративов вьетского языка тхо-ньысуан, записанных во время полевой работы 2018 г. в пров. Тхань-хоа (Вьетнам). Отмечаются различия в наборе критериев для выделения элементарных дискурсивных единиц в процессе сегментации дискурса в языках разной типологии. Рассматриваются особенности функционирования дискурсивных маркеров в языке тхо-ньысуан.

Ключевые слова: устный нарративный дискурс, дискурсивный маркер, изолирующий язык, тональный язык, вьетские языки, язык тхо-ньысуан, народ тхо, корпусный метод, элементарная дискурсивная единица, информационная структура.

Введение

В данной статье на материале изолирующего вьетского языка тхо-ньысуан затрагивается ряд вопросов, связанных с дискурсивной структурой устного нарратива. Как отмечают В.И. Подлесская и А.А. Кибрик, «устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной» [Рассказы о сновидениях 2009: 26], а для бесписьменных языков, каковым является тхо-ньысуан, — к тому же и единственной формой существования языка.

В последнее время проблемы дискурса привлекают активное внимание учёных, в то же время исследований, в которых дискурс рассматривается в изолирующих языках, не так много. Отметим работы Чыонг Ван Тиня [Trương Văn Chính 1970], М. Кларка [Clark 1992; 1996], Као Суан Хао [Cao Xuân Hào 1998; 1999], Нгуен Тхи Тхин [Nguyễn Thị Thìn 2002], Буй Тхи Хоанг Ань [Bùi Thị Hoàng Anh 2015], А. Мишо и М. Брюнелля [Michaud, Brunelle 2016: 2048—2070], З.Т. Зо-Хюринвиля и Зео Хюи Линя [Do-Hurinvillie Danh Thành, Dao Huy Linh 2019], в которых рассматриваются вопросы коммуникативной организации предложения, особенности функционирования дискурсивных маркеров во вьетнамском языке, в том числе в зависимости от их позиции в высказывании, хотя в большинстве работ собственно термин «дискурсивный маркер» не используется.

В процессе изучения особенностей устного дискурса языка тхо-ньысуан методологически мы опирались на корпусный [Рассказы о сновидениях 2009: 27] и сопоставительный методы. Исследование устного нарративного дискурса языка тхо-ньысуан проводилось на полевых материалах, собранных участниками российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 2018 г., в том числе вьетнамскими участниками Та Куанг Тунгом (Tạ Quang Tùng), Та Ван Тхонгом (Tạ Văn Thông) и Нгуен Хыу Хоанем (Nguyễn Hữu Hoàng), в уезде Ньысуан

пров. Тханьхоа. Настоящее исследование является первым, в котором идиом тхо-ньысуан выступает в качестве языка-объекта. Как показывают наши данные, тхо-ньысуан, скорее всего, является локальным диалектом вьетнамского языка [Самарина 2018: 91], в связи с этим в целях сопоставления и верификации выводов широко привлекались материалы вьетнамского литературного языка.

В качестве компьютерного анализатора речи использовалась программа Speech Analyzer, свободно распространяемая Летним институтом лингвистики (URL: <https://software.sil.org/speech-analyzer/>).

Идиом тхо-ньысуан

Носителями исследуемого идиома являются тхо, проживающие в горном уезде Ньысуан (вьетн. *Như Xuân*) пров. Тханьхоа, который расположен на севере Центрального Вьетнама. Общая численность населения уезда Ньысуан — более 72 тыс. человек. Из этносов представлены кинь, тхай, тхо, мыонг и тай. Как и другой вьетский народ тьыт [Бабаев, Самарина 2018: 14—19], народ тхо объединяет в себе несколько локальных групп — кео, хо, мон, куой, данлай, лиха, поонг (или тай-поонг) и др. [Về vấn đề xác định 1975: 447—451], говорящих на идиомах, которые имеют разную степень близости между собой и языками вьет-мыонгской подгруппы — вьетнамским и мыонг. Вьетнамский исследователь Нгуен Хыу Хоань показал, что идиом кео является локальным диалектом вьетнамского языка; идиомы хо и мон относятся к диалектам языка мыонг; идиомы тхо (уезды Ламла и Ньысуан пров. Тханьхоа), куой и поонг-данлай следует считать самостоятельными языками [Нгуен Хыу Хоань 2018: 87]. Однако, по данным наших полевых материалов 2017 и 2018 г., языки поонг и данлай являются самостоятельными, хотя и близкородственными — 84 % общей лексики по 100-словному списку М. Сводеша, а идиом тхо уезда Ньысуан следует считать локальным диалектом вьетнамского языка — 95 % общей лексики по 100-словному списку М. Сводеша [Самарина 2018: 91]. Поскольку известны ещё и другие идиомы тхо (например, тхо-шонгкон, являющийся диалектом языка мыонг) [Mạc Đường 1997: 88—90], то при их рассмотрении, во избежание неоднозначности в установлении того, о каком именно идиоме тхо идёт речь, в их названиях мы будем использовать уточняющие компоненты. Так, в статье речь идёт об идиоме тхо-ньысуан.

Тхо-ньысуан является моносиллабическим изолирующим языком. Это означает, что простое слово в нём, как правило, материально совпадает со слогом и морфемой, на роль слов в предложении указывает порядок слов и служебные элементы. Обычный порядок слов в клаузе — SOV, определяющие или уточняющие компоненты располагаются в постпозиции к главному, для высказывания типична топико-комментная структура.

Сегментация дискурса

Первостепенным вопросом при рассмотрении дискурса является сегментация речевого потока на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), т. е. «на кванты, обладающие просодическим, семантическим и синтаксическим единством» [Рассказы о сновидениях 2009: 47].

В качестве главного просодического (интонационного) критерия обычно выбирается частота основного тона [Рассказы о сновидениях 2009: 57]. Однако следует отметить, что в тональных языках частота основного тона — это характеристика базовой лексико-грамматической единицы (фонологического слова), которая несёт на себе лексический тон и в ка-

честве которой обычно выступает слог или полутораслог (sesquisyllabic unit), поэтому в тональных языках критерий «единый интонационный контур» для вычленения ЭДЕ не применим.

Частое совпадение ЭДЕ с клаузой позволяет при сегментации дискурса использовать в качестве критерия наличие в ЭДЕ финитной формы глагола, однако в изолирующих языках подобный критерий также не работает.

При этом среди компонентов дискурса всё же имеются пограничные сигналы для ЭДЕ, встречающиеся в языках любой типологии, — это дискурсивные маркеры (незнаменательные слова или словосочетания), а также паузы.

Паузы являются обязательной частью дискурса. Это обусловлено физиологическими особенностями порождения речи, а именно необходимостью периодических вдохов. Пауза может использоваться также как вспомогательное средство в случае хезитации. «Членение речи отчасти объясняется физиологической потребностью периодически делать вдохи, отчасти спланировать следующий квант дискурса» [Рассказы о сновидениях 2009: 29].

Отсутствие в изолирующих языках формальных средств связи между клаузами (союзов, финитных форм глагола и пр.) затрудняет объединение клауз в предложения, и дискурс изолирующего языка предстаёт как последовательность ЭДЕ, связанных между собой теми или иными дискурсивными значениями, что ещё раз подчёркивает значимость для изолирующих языков коммуникативной организации, информационной структуры (information structure) [The Oxford Handbook 2016] предложения.

Дискурсивные маркеры

Под дискурсивными маркерами вслед за А.А. Кибриком мы будем понимать «слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки)» [Кибрик 2009: 3]. Имеются различные подходы к рассмотрению дискурсивных маркеров (см., например, небольшой обзор Е.М. Мурашковой [Мурашкова 2014]). Дискурсивные маркеры обладают различными функциями, в том числе служат как средства организации дискурса [Агранат 2009: 65] или связности текста [Мурашкова 2014: 53], для эмфатического выделения какого-либо из членов предложения [Агранат 2009: там же], являются средствами хезитации, используемыми для заполнения временного промежутка, когда человек испытывает трудности в дальнейшей реализации речевого замысла, когда ему требуется пауза для обдумывания речевой стратегии или подбора лексики.

Принадлежность лексической единицы к классу дискурсивных маркеров определяется главным образом на основании функциональных критериев. При употреблении лексических единиц в качестве дискурсивных маркеров происходит их полная или частичная десемантизация, при этом в других контекстах они продолжают использоваться в качестве значимых единиц. Так, в примере 1 компоненты *keu*¹ ‘звать[ся]’ (вьетн. *kêu* ‘кричать’, ‘издавать звуки’) и *la*² ‘быть’ употреблены в своих лексических значениях, в то время как в примере 2, компоненты дискурсивных комплексов *keu*¹ *la*² и *ɣɔi*⁴ *la*² (букв. ‘звать[ся]’ + ‘быть’), так сказать, подверглись десемантизации (правила оформления примеров см. ниже в разделе «О транскрипции и структуре примеров»).

1)	<i>lan</i> ²	<i>ni</i> ¹	<i>keu</i> ¹	<i>la</i> ²	...
	làng	này	gọi	là	
	деревня	этот	называть[ся]	быть; СОР	

Эта деревня называется...

2.1) $\gamma\alpha^4$ - la^2 ti^2 $l\alpha^1$ $\eta\alpha^2$ $\epsilon\epsilon^1$ la^2
 gọi là đi như ngày xưa là
 так сказать; DM идти как день прежние_времена сор; DM

2.2) $ke\alpha^1$ - la^2 ||
 gọi là
 так сказать; DM

2.3) ti^2 $t^h\alpha^2$ $t^h\alpha^3$ ||...
 đi thăm tháng
 идти посещать месяц

Так сказать, идти как в старину... так сказать, совершать [еже]месячное посещение... (речь идёт об обряде ежемесячного посещения дома невесты и её родителей родственниками жениха в течение года, предшествующего свадьбе. — И.С.).

Дискурсивным маркерам во вьетнамском языке посвящена диссертация Буй Тхи Хоанг Ань, в которой рассмотрены как составные дискурсивные маркеры (например, *tuy nhiên* ‘однако’, ‘тем не менее’, *tuy thế* и *tuy vậy* ‘несмотря на’, *dù sao* ‘всё равно’, ‘всё же’, *cũng vẫn* ‘всё равно’, ‘всё-таки’ и др.), так и проанализированы дискурсивные значения отдельных компонентов, в том числе *thì* ‘тогда’, *mới* ‘только тогда’, ‘только что’, *mà* ‘но’, ‘однако’, ‘который’, *vẫn* ‘всё-таки’, ‘тем не менее’ и т. д. [Bui Thi Hoang Anh 2015].

Анализ корпуса текстов на языке тхо-ньысуан показал, что наборы дискурсивных маркеров во вьетнамском языке и идиоме тхо-ньысуан имеют много общих элементов, ср.: тх. t^he^3 ~ вьетн. *thế* ‘так’; тх. ϵi^2 ~ вьетн. *thì* ‘тогда’; тх. ma^2 ~ вьетн. *mà* ‘но’, ‘однако’; тх. la^2 ~ вьетн. *là* ‘быть’ (связка); тх. $m\alpha^3$ ~ вьетн. *mới* ‘только тогда’, ‘только что’; тх. t^hoi^1 ~ вьетн. *thôi* ‘лишь’; тх. $\gamma\alpha^2$ ~ вьетн. *rồi* ‘потом’; тх. $\beta\alpha^4$ ~ вьетн. *vậy* ‘так’; тх. $\beta\alpha^4$ ~ вьетн. *vẫn* ‘всё-таки’, ‘тем не менее’; тх. kun^4 ~ вьетн. *cũng* ‘также’; тх. na^3 ~ вьетн. *đây* ‘то’; тх. ni^1 ~ вьетн. *đây* ‘это’ (во всех этих случаях приведены лексические, а не дискурсивные значения компонентов). Наблюдается схожесть в развитии дискурсивных значений и в особенностях функционирования этих элементов. Так, Буй Тхи Хоанг Ань, рассматривая дискурсивные маркеры *thì* ‘тогда’, *mà* ‘однако’, *là* ‘быть’, *mới* ‘только тогда’, ‘только что’, отмечает их рематический характер [Bui Thi Hoang Anh 2015: 29]. В своё время Као Суан Хао также писал, что компонент *thì* ‘тогда’ указывает на границу между темой и ремой, и сделал при этом интересное замечание о том, что в фонетической синтагме этот компонент относится к реме, поскольку произносится с малой интенсивностью [Сао Xuân Hạo 1999: 125]. В языке тхо-ньысуан мы обнаруживаем схожее явление. Ниже на рис. 1 изображено окно звукового редактора Speech Analyze 3.1, в котором показана осциллограмма, тональный контур и интенсивность произнесения высказывания (пример 3), в составе которого имеется рематический дискурсивный маркер ϵi^2 ‘тогда’, разделяющий это высказывание на тему ($la^2 mo^1 ma^2 \gamma it^3$ ‘в каком доме мало’) и рему ($dur\alpha^4 han^1 la^3$ ‘получаться два листа’), при этом дискурсивный маркер ϵi^2 (на рис. 1 он выделен курсорами) произносится с крайне низкой интенсивностью, присоединяясь, по фонетическим законам организации синтагмы в мон-кхмерских языках (= сильная позиция находится в конце синтагмы), к реме. Обратим внимание на то, что в примере 3 имеется еще один тема-рематический дискурсивный маркер ma^2 , который в теме $la^2 mo^1 ma^2 \gamma it^3$ ‘в каком доме мало’ отделяет подтему $la^2 mo^1$ ‘дом какой’ от подремы γit^3 ‘мало’.

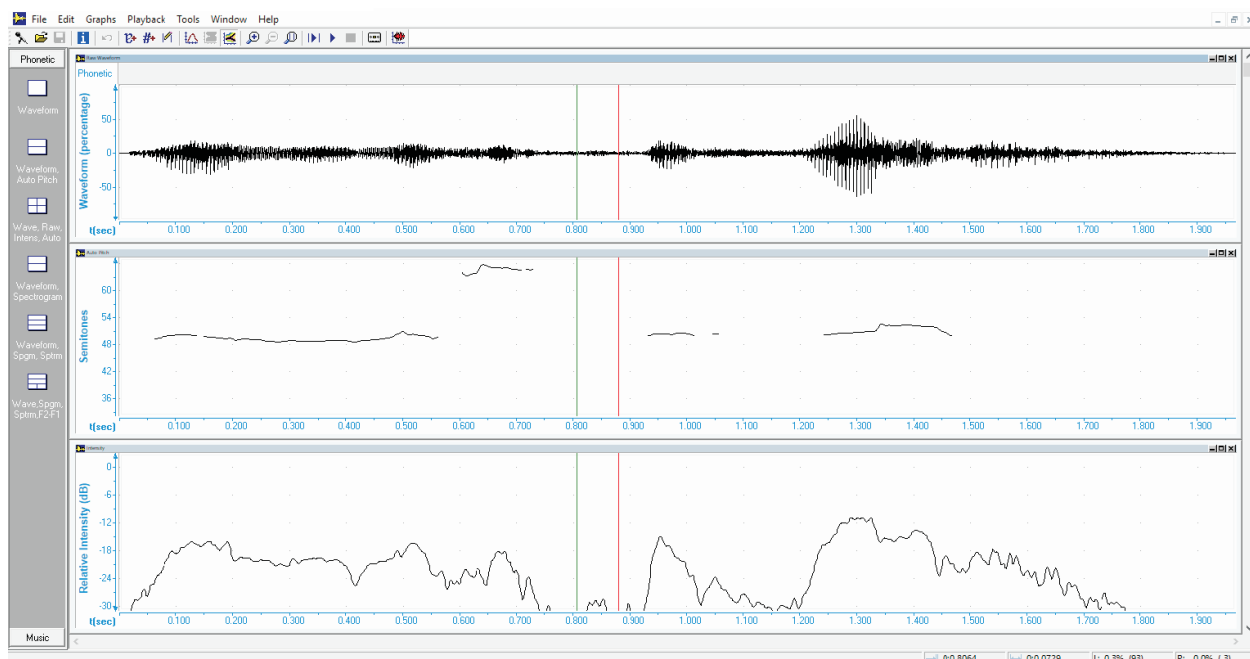

Рис. 1. Дискурсивный маркер *ci¹* ‘тогда’ в составе ЭДЕ

- 3) la^2 mo^1 ma^2 lit^3 ci^1 $d\text{ư}k$ $ha : n^1$ la^3
 дом какой DM мало DM получать[ся] два лист

Какие дома бедные, то готовят два листа (= порции) (о подготовке свадебного угощения, которое подаётся на листьях растения. — И.С.).

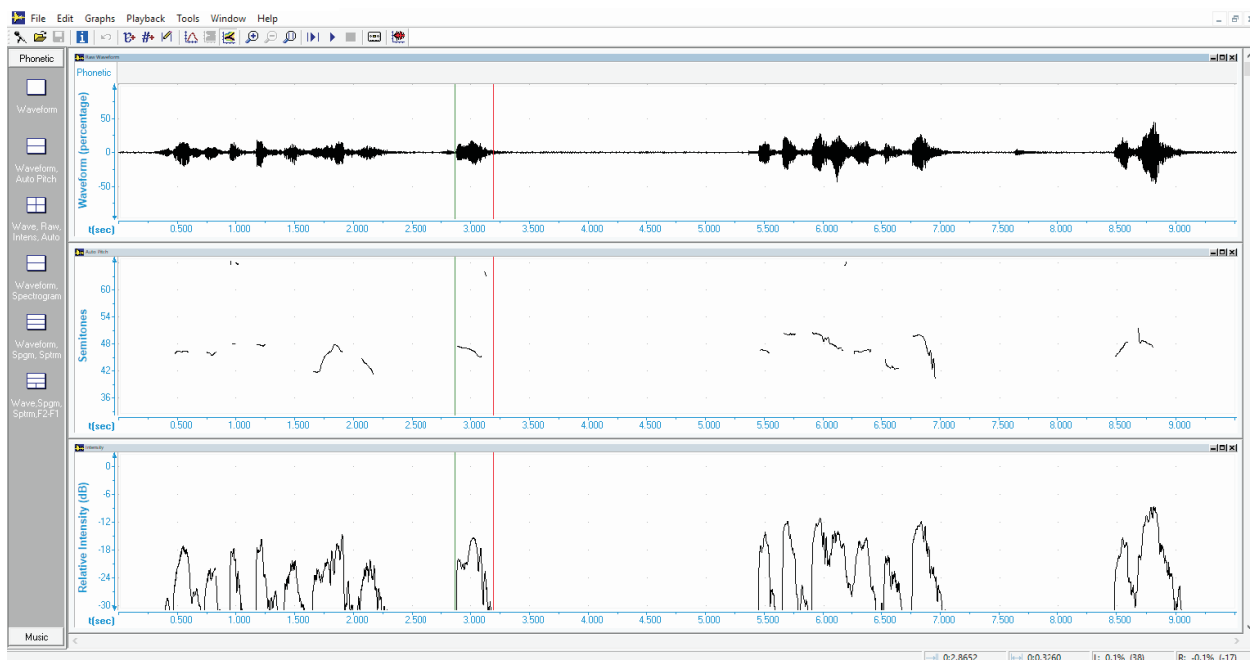

Рис. 2. Дискурсивный маркер *ci¹* ‘тогда’ как отдельная ЭДЕ

Один и тот же маркер может как входить в состав ЭДЕ, так и самостоятельно её образовывать. На рис. 2 в окне редактора Speech Analyzer 3.1 показаны акустические параметры высказывания (транскрипцию и перевод см. в примере 4), состоящего из четырёх ЭДЕ, разделённых паузами, и одной из этих ЭДЕ является дискурсивным маркером *ci¹* ‘тогда’ (на рисунке выделен курсорами).

4.1) $\varphi\epsilon\eta^1$ $f\varphi\eta^1-tuk^4$ $t\check{\eta}^4-ku\grave{a}n^3$ $ku\check{\eta}^4$ $\eta\eta\eta^2$ $t^h\circ^4$ |
 theo phong_tục tập_quán của người Thổ
 следовать обычай привычка POSS человек тхо

4.2) ϵi^1 ||
 thì
 тогда;DM

4.3) $t^h\circ^4-tuk^4$ $t\eta^2$ $\eta\eta^2$ $\varphi\epsilon^1$ $te\eta^3$ $c\eta^2$ ||
 thủ_tục từ ngày xưa đến giờ
 процедура ABL день давний приходить время

4.4) $\eta\eta^2$ $t\eta\eta^3$ ||
 ngày trước
 день перед

В соответствии с традициями и обычаями у тхо [свадебная]
 процедура с древних времен до последнего времени [вот такая
 была]

Дискурсивные маркеры в языке тхо-ньёсуан бывают больше, чем слово, например дискурсивный маркер $n\eta^3 \beta\epsilon n^2$ (букв. ‘говорить’ + ‘возвращаться’) ‘что касается’, ‘говорить о’, который употребляется в начале ЭДЕ и указывает на левую границу темы; см. пример 5:

5.1) $n\eta^3$ $\beta\epsilon n^2$ $f\varphi\eta^1-tuk^4$ $t\check{\eta}^4-quan^3$ $ku\check{\eta}^4$ $\eta\eta\eta^2$ $t^h\circ^4$
 nói về phong_tục tập_quán của người Thổ
 говорить возвращаться обычай привычка POSS человек тхо

5.2) la^2 $k\epsilon^4$ $t\eta\eta^3$ $du\grave{a}n^2-ket^3$ $\eta\eta^2$ $\varphi\epsilon^1$ la^2 $ka\eta^4$
 là cái tính đoàn_kết ngày xưa là cao
 COP; DM CL чувство солидарность день давний COP; DM высокий

[Если] говорить о привычках и обычаях тхо, то в прежние времена чувство
 солидарности было очень высоким.

В приведённом примере на правую границу темы указывает дискурсивный маркер la^2 , который относится к другой ЭДЕ и стоит в её начале. Второй дискурсивный маркер la^2 в ЭДЕ в примере 5.2 указывает на границу между подтемой и подремой в этой клаузе.

Самым частотным дискурсивным маркером в языке тхо-ньёсуан является la^2 ‘быть’. С его помощью указывается на а) тождественность в некотором аспекте фрагментов дискурса; б) то, что последующий фрагмент дискурса поясняет, уточняет предшествующий или просто вводит следующий фрагмент дискурса. Как и дискурсивные маркеры ϵi^1 ‘тогда’, ma^2 ‘но, однако’, $m\eta^3$ ‘только что’, ‘только тогда’ маркер la^2 ‘быть’ может служить тема-рематической границей между частями высказывания. Кроме того, la^2 используется также в качестве хезитационного средства, когда говорящий испытывает те или иные сложности с разворачиванием повествования. В этом случае он фонетически удлиняется (см. примеры 6.1—6.3).

6.1) *la-a-a²* ||
là
COP; DM

6.2) *lu¹ ηaĩ² ɛe¹ ti² kɔ³* ||
như ngày xưa đi có
COMP день давние_времена идти иметь[ся]

6.3) *mo⁴ kɛ⁴ ʔoŋ¹ mɔ¹* | ...
một cái ông mo
один CLF дед шаман

Сватовство... как в прежние времена, [когда] шли, был шаман...

В случае хезитационного употребления дискурсионных маркеров, т. е. их употребления как вспомогательного средства, когда говорящий испытывает различного рода затруднения в процессе порождения последующего фрагмента дискурса и ему требуется время на подбор лексических единиц, обдумывание стратегии описания ситуации, исправление речевых сбоев и пр., нередки случаи, когда подряд следует несколько дискурсионных маркеров. При этом речь идёт не о составных дискурсионных маркерах, состоящих из простых (одно-сложных) маркеров, например *kuŋ⁴ βɿŋ⁴* (букв. ‘также’ + ‘всё-таки’) ‘всё также’, не об употреблении последовательности дискурсивных маркеров, связь между которыми если не идиоматична, то по крайней мере их употребление можно считать связанным или логически обусловленным, например *na³ la²* (букв. ‘то[т]’ + ‘быть’) ‘то’, ‘то есть’, *ci² mɿŋ³* (букв. ‘тогда’ + ‘только тогда’) ‘то только тогда’, а именно об употреблении последовательности дискурсионных маркеров, выбор которых скорее обусловлен хезитацией (см. примеры 7 и 8).

7.1) *ɿ¹ la² keu¹ na³ la²* ||
σ-σ-σ là kêu đầy là
DM COP;DM называть[ся];DM PRT;DM COP;DM

7.2) *ɛɛu¹ kɛ⁴ fɔŋ¹-tuk⁴ ηaĩ² ɛe² la²*
theo cái phong_tục ngày xưa là
следовать CLF обычай день прежние_времена COP;DM

... следуя обычаям прежних дней...

Как видно из примеров 8.1—8.2, говорящий начинает формировать квант дискурса, однако не может сразу выбрать нужный вариант, и, наконец, после абсолютной паузы, явно имеющей и хезитационное значение, а не только физиологическое, следует каноническая ЭДЕ (8.2).

8.1) *ɕu³ k^hoŋ¹ kɔ³ βɿŋ³-de² ci¹ vɿ⁴-la² na³* ||
chứ không có vấn_đề chi gọi_là đó
a;conj NEG иметь[ся] проблема что так_сказать;DM тот;DM

8.2)	<i>cuɿm</i> ⁴	<i>ti</i> ²	<i>han</i> ¹	<i>kʰɿ</i> ³	
	chuyện	đi	hỏi	vợ	
	дело	идти	спрашивать	жена	

И нет никаких проблем, скажем так идти свататься.

При исследовании дискурсивных маркеров следует обращать внимание на позицию, в которой употреблён тот или иной маркер (в начале, середине или конце ЭДЕ), входит в состав ЭДЕ или образует как самостоятельную. От этого может зависеть значение дискурсивного маркера и особенности его функционирования.

Выводы

Поскольку язык тхо-ньёсуан можно считать диалектом вьетнамского языка, то, естественным образом, наборы дискурсивных маркеров и их функционирование в обоих языках во многом совпадают.

Так как основной просодический критерий сегментации ЭДЕ — единый интонационный контур, определяемый частотой основного тона, — не является значимым для тональных языков, то следует более глубоко рассмотреть вопрос о релевантных просодических характеристиках, которые могут учитываться при вычленении ЭДЕ. Это может быть интенсивность произнесения, темп речи, тональные изменения.

О транскрипции и структуре примеров

Примеры из вьетнамского языка приводятся в орфографии. Все примеры из языка тхо-ньёсуан записаны в статье знаками Международного фонетического алфавита (IPA). Помимо знаков для сегментных единиц, используются два знака для супraseгментных единиц: знак | — для обозначения краткой паузы и знак || — для обозначения длительной паузы. Тоны в языке тхо-ньёсуан обозначаются надстрочными арабскими цифрами. Другие просодические характеристики, например интенсивность, не отмечаются.

Для каждого примера фрагмента дискурса, помимо транскрипции, ниже приводится пословный перевод на вьетнамский литературный язык и глоссирование на русском языке в соответствии с Лейпцигской системой правил глоссирования (URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>), а также литературный перевод на русский язык. Используемые сокращения см. ниже.

Номера примеров приводятся за круглой скобкой. Если пример содержит более одной ЭДЕ, то каждая из них записывается с новой строки и нумеруется отдельно: после номера примера ставится точка, за которой указывается порядковый номер ЭДЕ. Так, нотация 4.3 означает, что это третья ЭДЕ примера 4.

Сокращения

- вьетн. — вьетнамский
- тх. — тхо-ньёсуан
- ЭДЕ — элементарная дискурсивная единица
- ABL — аблатив
- CLF — классификатор

COM — комитатив
 CONJ — союз
 COP — связка
 DM — дискурсивный маркер
 F — женский пол
 ITER — итератив
 M — мужской пол
 NEG — отрицание
 ORD — показатель порядкового числительного
 POSS — посессив
 PRT — частица
 | — краткая абсолютная пауза
 || — длительная абсолютная пауза.

Список литературы

1. Агранат Т.Б. Дискурсивные маркеры в водском языке // *Вопросы языкознания*, 2009, № 6. С. 65—75.
2. Бабаев К.В., Самарина И.В. Язык май. Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 5. М.: ЯСК, 2018. 576 с.
3. Кибрик А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры» 2009 г. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps> (дата обращения: 27.10.2019).
4. Мурашковская Е.М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*, 2014, № 5. С. 53—59.
5. Нгуен Хыу Хоань. Проблемы языковой принадлежности народа тхо // *Малочисленные языки и народы Центрального Вьетнама*. Материалы к сопоставительному изучению вьетских языков провинций Нгеан и Тханьхоа. М.: Тезаурус, 2018. С. 73—86.
6. Подлесская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. М.: РГГУ, 2009. С. 390—395.
7. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: ЯСК, 2009. 736 с.
8. Самарина И.В. 100-словный список Сводеша для языков данлай, поонг и тхо-ньысуан // *Малочисленные языки и народы Центрального Вьетнама*. Материалы к сопоставительному изучению вьетских языков провинций Нгеан и Тханьхоа. М.: Тезаурус, 2018. С. 87—91.
9. Bui Thi Hoang Anh. Etude des marqueurs discursifs du vietnamien dans une perspective comparative avec des marqueurs discursifs du français / Thèse [Буй Тхи Хоанг Ань. Изучение дискурсивных маркеров вьетнамского языка в сравнении с дискурсивными маркерами французского/ Диссертация]. Université Paris 7, Sorbonne Paris Cité; UFR Linguistique 2015. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01536404/document> (дата обращения: 23.10.2019).
10. Cao Xuân Hạo. Về ý nghĩa ‘thì’ và ‘thể’ trong tiếng Việt // *Ngôn ngữ* [Као Сюан Хао. О значении thì и thể во вьетнамском языке // *Язык*], 1998, Số 5. Tr. 1—31.
11. Cao Xuân Hạo. Tiếng Việt sơ thảo ngữ pháp chức năng [Као Сюан Хао. Очерк функциональной грамматики вьетнамского языка]. Hà Nội: Nxb Giáo dục, 1999. 495 tr.
12. Clark M. Conjunction as copula in Vietnamese // *Mon-Khmer Studies*, 1996, Vol. 26. P. 319—331.
13. Clark M. Conjunction as topicalizer in Vietnamese // *Mon-Khmer Studies*, 1992, Vol. 20. P. 91—109.

14. Do-Hurinville Danh Thành, Dao Huy Linh. The Vietnamese polyfunctional marker mà as a generalized linker: a multilevel approach // *Journal of the Southeast Asian Linguistics Society*, Vol. 12.2.2019. P. 58—71.
15. Mạc Đường. Dân tộc học và vấn đề xác định thành phần dân tộc [Мак Дьонг. Этнография и проблема определения состава народов]. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1997.
16. Michaud A., Brunelle M. Information Structure in Asia: Yongning Na (Sino-Tibetan) and Vietnamese (Austroasiatic) // *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford University Press, 2016. P. 774—789.
17. Nguyễn Thị Thìn. Các từ THI, MA, NHƯNG ở đầu câu trong chức năng liên kết nghĩa học // *Ngôn ngữ* [Нгуен Тхи Тхин. Слова thì, mà и nhưng в начале предложения в функции семантических связей // *Язык*], 2002, Số 5. Tr. 31—37.
18. The Oxford Handbook of Information Structure. Oxford University Press, 2016. 1186 p.
19. Trương Văn Chỉnh. Structure de la langue vietnamienne / *Publications du Centre Universitaire des Langues Orientales vivantes* [Чьюнг Ван Тинь. Структура вьетнамского языка // *Публикации Университетского центра живых восточных языков*], 6e série, Tome X, 1970. 478 p.
20. Về vấn đề xác định thành phần các dân tộc thiểu số ở miền Bắc Việt Nam [О проблеме определения состава малочисленных народов севера Вьетнама]. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1975.

Для цитирования: Самарина И.В. Устный нарративный дискурс: корпусное исследование языка тхо-ньисуан // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 72—83.

Автор:

Самарина Ирина Владимировна, научный сотрудник Института языкознания РАН, старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. E-mail: ira_samarina@hotmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 30.11.2019

Дата поступления в переработанном виде: 05.12.2019

Принята к печати: 11.12.2019

I.V. Samarina

ORAL NARRATIVE DISCOURSE: CORPUS STUDY OF THO (NHU XUAN) LANGUAGE

Abstract. The article describes the preliminary results in corpus study of oral narratives in the Tho (Nhu Xuan) language. The narratives were recorded during the fieldwork 2018 in Thanh Hoa province (Vietnam). Differences in the set of criteria for discourse segmentation in languages of different typologies are noted. The functioning of discursive markers in the Tho (Nhu Xuan) language are considered.

Keywords: oral narrative discours, discursive marker, hesitation, isolating language, tonal language, Vietic languages, Tho (Nhu Xuan) language, Tho ethnic minority, corpus method, elementary discursive unit, information structure.

References

1. Agranat, T.B. (2009). Diskursivnye markery v vodskom yazyke [Discursive markers in Votian language]. *Voprosy yazykoznaviya* [Linguistic Issues], 2009. № 6. S. 65—75.
2. Babaev, K.V., Samarina, I.V. (2018). Yazyk maj. Materialy rossijsko-vietnamskoi lingvisticheskoi ekspedicii, vyp.5 [May language. Materials of the Russian-Vietnamese linguistic expedition. Issue 5]. M.: YASK, 2018. 576 s.
3. Bui Thi Hoang Anh. Etude des marqueurs discursifs du vietnamien dans une perspective comparative avec des marqueurs discursifs du français / Thèse [Study of discursive markers of Vietnamese in a comparative perspective with discursive markers of French / Thesis]. Université Paris 7, Sorbonne Paris Cité; UFR Linguistique 2015. Retrieved on October 23, 2019 from URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01536404/document>.
4. Cao Xuân Hạo (1998).. Về ý nghĩa ‘thì’ và ‘thể’ trong tiếng Việt [About the meanings of ‘thì’ and ‘thể’ in Vietnamese]. *Ngôn ngữ*, 1998, Số 5. Tr. 1—31.
5. Cao Xuân Hạo (1999). Tiếng Việt sơ thảo ngữ pháp chức năng [The outline of the Vietnamese functional grammar]. Hà Nội: Nxb Giáo dục, 1999. 495 tr.
6. Clark, M. (1996). Conjunction as copula in Vietnamese. *Mon-Khmer Studies*, 1996, Vol. 26. P. 319—331.
7. Clark, M. (1992). Conjunction as topicalizer in Vietnamese. *Mon-Khmer Studies*, 1992, Vol. 20. P. 91—109.
8. Do-Hurinville Danh Thành, Dao Huy Linh (2019). The Vietnamese polyfunctional marker mà as a generalized linker: a multilevel approach. *Journal of the Southeast Asian Linguistics Society*, Vol. 12.2. 2019. P. 58—71.
9. Kibrik, A.A. (2009). Lekciya «Diskursivnye markery» 2009 g. [Lecture “Discursive Markers” 2009]. Retrieved on April 27, 2019 from URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps>.
10. Mạc Đường (1997). Dân tộc học và vấn đề xác định thành phần dân tộc [Ethnography and ethnicity identification issues]. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1997.
11. Michaud, A., Brunelle, M. (2016). Information Structure in Asia: Yongning Na (Sino-Tibetan) and Vietnamese (Austroasiatic). *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford University Press, 2016. P. 774—789.

12. Murashkovskaya, E.M. (2014). Podhody k issledovaniyu diskursivnykh markerov [Approaches to the study of discursive markers]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of MSRU. Series of Linguistics], 2014, № 5. S. 53—59.
13. Nguyen Huu Hoanh (2018). Problemy yazykovoj prinadlezhnosti naroda tho [Problems of the language affiliation of the Tho people]. *Malochislennyye yazyki i narody Centralnogo Vietnama*. Materialy k sopostavitel'nomu izucheniyu vietskih yazykov provincij Ngean i Thanhhoa. M.: Tezaurus, 2018. S. 73—86.
14. Nguyễn Thị Thìn (2002). Các từ THI, MÀ, NHƯNG ở đầu câu trong chức năng liên kết nghĩa học [The words thì, mà, and nhưng at the beginning of a sentence in semantic connective function]. *Ngôn ngữ* [Language], 2002, Số 5. Tr. 31—37.
15. Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2009) Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discursive markers in the structure of oral narratives: the case study of corpus research]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. M.: RGGU, 2009. S. 390—395.
16. Rasskazy o snovideniyah: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Dream Stories: Case Study of Oral Russian Discourse] / Pod red. A.A. Kibrika, V.I. Podlesskoj. M.: YASK, 2009. 736 s.
17. Samarina, I.V. (2018). 100-slovnny spisok Svodesha dlya yazykov danlay, poong i tho-nysuan [100-words Swadesh list for Dan Lai, Poong, and Tho (Nhu Xuan) languages]. *Malochislennyye yazyki i narody Centralnogo Vietnama*. Materialy k sopostavitel'nomu izucheniyu vietskih yazykov provincij Ngean i Thanhhoa. M.: Tezaurus, 2018. S. 87—91.
18. The Oxford Handbook of Information Structure. Oxford University Press, 2016. 1186 p.
19. Trương Văn Chính (1970). Structure de la langue vietnamienne [Vietnamese language structure]. *Publications du Centre Universitaire des Langues Orientales vivantes*, 6e série, tome X. 1970. 478 p.
20. Về vấn đề xác định thành phần các dân tộc thiểu số ở miền Bắc Việt Nam [Regarding the identification of ethnic minorities in Northern Vietnam]. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1975.

For citation: Samarina I.V. (2019). Oral narrative discourse: corpus study of tho (nhu xuan) language. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 72—83.

Author:

Samarina Irina V., Researcher, Institute of Linguistics RAS, Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”. Email: ira_samarina@hotmail.com

Article history:

Received: November 30, 2019

Received in revised form: December 05, 2019

Accepted: December 11, 2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10042

Е.В. Кобелев

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА КПСС И КПВ

Аннотация. Проведённая 25 ноября 2019 г. в Ханое Институтом истории партии Государственной политической академии Хо Ши Мина российско-вьетнамская научная конференция была посвящена анализу истории и опыта отношений между Компартией Вьетнама и КПСС в период 1945—1975 гг. Были представлены доклады вьетнамских и российских ученых, в том числе пяти сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

Вьетнамские ученые выявили вехи, основы прочных отношений между двумя партиями и государствами и акцентировали внимание на том, что традиции необходимо поддерживать и развивать в новой обстановке, чтобы упрочивать всеобъемлющее стратегическое партнёрство между Вьетнамом и Российской Федерацией. Российские коллеги подчеркнули значение и роль советской помощи и поддержки на всех этапах многолетней борьбы вьетнамского народа за освобождение Южного Вьетнама и воссоединение родины, показали, как она проявлялась в различных сферах.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Вьетнама, Коммунистическая партия Советского Союза, сотрудничество, советская помощь и поддержка, стратегическое партнёрство РФ и СРВ.

25 ноября 2019 г. в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между ИДВ РАН и Институтом истории партии Государственной политической академии Хо Ши Мина (ГПА) в Ханое была проведена совместная научная конференция на тему «Отношения между Коммунистической партией Вьетнама и Коммунистической партией Советского Союза в двух войнах Сопротивления вьетнамского народа (1945—1975): история и опыт».

В конференции приняли участие около 50 вьетнамских ученых, а также три сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. Их доклады, как и основные доклады вьетнамских коллег, опубликованы в № 11 (348) журнала «История партии», выпущенном к конференции. Кроме того, в препринт материалов конференции включены доклады ещё четырех российских ученых, привлечённых в этот проект Центром изучения Вьетнама и АСЕАН, — И.В. Бритова, В.П. Ларина, Г.М. Локшина и П.Ю. Цветова. С докладами на конференции выступили также представители практических организаций СРВ, которые участвовали в советско-вьетнамском сотрудничестве: бывший заместитель премьер-министра Ву Кхоан и бывший министр торговли Чыонг Динь Туен. Присутствовали руководители подразделений ГПА и ряда других организаций.

В выступлениях руководителей Института истории партии и на его сайте отмечалось, что целью конференции было освещение руководящих принципов и взглядов Коммунистической партии Вьетнама и президента Хо Ши Мина относительно установления и развития сотрудничества между КПВ и КПСС в 1945—1975 гг., уточнение характера и содержания партийных отношений, подтверждение непреходящих ценностей этих отношений и извлече-

ние уроков прошлого для укрепления «отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Российской Федерацией в современных условиях».

Проректор ГПА Нгуен Вьет Тхао, открывший конференцию, обратил внимание на следующий важный факт: «Отношения между КПВ и КПСС берут свое начало с дальних времен — с 20-х годов XX в., когда наш вождь Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) нашел путь спасения родины для народа Вьетнама — путь коммунистического интернационала, путь Ленина и Октябрьской революции в России. В ходе двух войн Сопротивления вьетнамского народа эти отношения неуклонно углублялись и стали прекрасной традицией компартий и народов двух стран. Отношения между КПВ и КПСС стали прекрасным примером внешнеполитических отношений во всём мире, исполненных чувств светлой и верной солидарности и дружбы» (рис. 1).

Рис. 1. Открытие конференции в Институте истории партии.
Фото Института

В выступлениях вьетнамских учёных красной нитью проходил тезис о том, что стержнем отношений между КПВ и КПСС служил пролетарский интернационализм. В докладе «Фундамент отношений между двумя партиями и государствами: Вьетнам и Советский Союз в войнах Сопротивления и строительства социализма во Вьетнаме» Чан Ван Фонг и Хоанг Тхи Чанг сформулировали следующий политический принцип: «Помогая друзьям, вы помогаете себе в интересах прогресса социализма и мира во всём мире». По их оценке, именно эти скрепы связали две партии, два государства и их народы в отношениях долговременного и тесного сотрудничества, неразрывного и нерушимого союза» [Trần Văn Phòng, Hoàng Thu Trang 2019: 3].

Многие докладчики акцентировали внимание на том, что в сегодняшних условиях основы прочных отношений между двумя партиями и государствами, которые существовали

длительный период истории, необходимо поддерживать и развивать в новой обстановке, чтобы «продолжать углублять, строить и развивать прекрасные чувства дружбы между народами двух стран, упрочивать отношения всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Российской Федерацией» [Trần Văn Phòng, Hoàng Thu Trang 2019: 6].

Сильное впечатление на участников конференции произвело выступление Ву Кхоана (рис. 2). В 1970—1980 годы он работал переводчиком с русского языка с основными вьетнамскими руководителями, поэтому был участником и свидетелем самых разных событий и коллизий в советско-вьетнамских отношениях. В своём эмоциональном выступлении он рассказал о малоизвестных фактах развития этих отношений, причём в позитивном ключе. В результате участники конференции, включая и российских, получили возможность по-новому взглянуть на особенности сотрудничества в эти годы между КПСС и КПВ, между правительствами СССР и СРВ.

Рис. 1. Выступление Ву Кхоана.
Фото Института

Трое приглашённых сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН подробно изложили свои соображения и оценки на вьетнамском языке. Руководитель Центра проф. В.М. Мазырин затронул дискуссионные вопросы влияния КПСС на экономическую политику Компартии Вьетнама (ПТВ) в период с середины 1950-х годов до объединения страны, разоблачив при этом мифы, поддерживаемые западными учёными и вызванные непониманием и намеренным искажением реального характера советско-вьетнамских отношений и механизмов принятия решений во вьетнамском руководстве.

Изучение характера экономической помощи ДРВ со стороны СССР, по мнению докладчика, подтвердило, что она стала решающим фактором выживания страны и продолжения жизнедеятельности населения. В то же время обнаружено, что косвенно меры КПСС послу-

жили стимулом поиска в Северном Вьетнаме новых хозяйственных решений и экспериментов в духе хозрасчёта и рыночной экономики. Среди внутренних причин поворота в сторону рынка В.М. Мазырин выделил инициативы на местах по развитию мелкого производства и торговли, внедрению семейного подряда в сельском хозяйстве [Mazyrin 2019: 51—57].

Е.В. Кобелев раскрыл в своём докладе основные этапы сотрудничества КПСС и КПВ в двух войнах Сопротивления вьетнамского народа (рис. 3). Особое внимание он уделил периоду воздушной войны США против Северного Вьетнама (1964—1972). Докладчик сообщил о том, что Советский Союз, решительно осудив действия США, приступил к оказанию ДРВ широкомасштабной военной помощи. В рекордно быстрые сроки Народная армия Вьетнама была оснащена современным советским вооружением: противовоздушными ракетами, зенитной артиллерией, истребительной авиацией, кроме того, во Вьетнам были направлены тысячи советских военных специалистов. Е.В. Кобелев также на конкретных примерах показал, что советская дипломатия внесла большой вклад в успешное завершение Парижских переговоров Вьетнама и США и подписание Соглашения о прекращении войны и выводе американских войск из Вьетнама [Kobelev 2019: 9—16].

Рис. 3. Выступление Е.В. Кобелева.
Фото Института истории партии

В докладе Е.В. Никулиной была освещена роль КПСС и Советского правительства в международном признании ДРВ, проведении Женевской конференции по восстановлению мира в Индокитае. Были приведены конкретные факты противодействия Советского Союза агрессивной политике США, поддержки признания им Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Республики Южный Вьетнам. Она подробно осветила разнообразные контакты советских руководителей и дипломатов с американской стороной и их воздействие на американские власти в направлении решения вьетнамской проблемы. Е.В. Никулина на конкретных примерах показала огромную роль общественных движений и организаций в

борьбе против американской агрессии и прекращении войны во Вьетнаме [Nikulina 2019: 58—63].

Четверо российских учёных приняли заочное участие в конференции. Так, сотрудник ИДВ Г.М. Локшин посвятил свой доклад анализу процесса длительной борьбы за освобождение Южного Вьетнама и воссоединение страны, отметив, что она шла одновременно на трёх фронтах — военном, политическом и дипломатическом. Военное вмешательство США вывело проблему национально-освободительного движения в этой стране далеко за рамки внутреннего конфликта и превратило Вьетнам в арену противостояния двух существовавших тогда лагерей — Запада и Востока. Важнейшим фактором победы наряду с самоотверженной борьбой самого вьетнамского народа, автор назвал всестороннюю помощь Советского Союза, особенно на заключительном этапе войны при подготовке и осуществлении исторической «операции Хо Ши Мин».

Сотрудник ИДВ В.П. Ларин рассмотрел политику ВКП (б) по отношению к КПИК и Вьетнаму, раскрыл предпосылки её формирования. К основным решениям руководства СССР в данном направлении он отнёс признание и установление дипломатических отношений с ДРВ в 1950 г., всемерное содействие заключению Женевского соглашения 1954 г. Автор показал, что идеи Хо Ши Мина в значительной мере опирались на марксистско-ленинскую теорию и согласование практики работы КПИК с традициями и современной спецификой вьетнамского общества. При этом сделан вывод, что руководство ДРВ следовало марксистско-ленинской идее о переходе к социализму, минуя капиталистическую стадию, которая в тот период была актуальной.

Доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ П.Ю. Цветов показал, какие задачи ставил МИД СССР перед советским посольством в Ханое после подписания Женевских соглашений. Приоритетными были два направления — обеспечение мирной обстановки на Индокитайском полуострове и содействие восстановлению и развитию экономики и культуры Демократической Республики Вьетнам.

Рис. 4. Участники конференции в Институте истории партии.
Фото Института

Автор раскрыл объём и значение безвозмездной помощи ДРВ со стороны КПСС и Советского правительства для содействия восстановлению экономики ДРВ, её прогрессивному развитию. В частности, выделены такие формы помощи, как строительство промышленных и социальных объектов, приём на обучение вьетнамских граждан, командирование во Вьетнам советников по вопросам здравоохранения и просвещения (в том числе учителей русского языка).

Сотрудник Московской международной академии И.В. Бритов рассказал о сотрудничестве СССР и ДРВ в 1950-е — первой половине 1970-х годов в сфере культуры (литературы, кинематографии, сценического искусства), образования и подготовки кадров. Им определены закономерности, особенности, трудности, негативные факторы и значение взаимодействия двух стран в этих областях на конкретном историческом этапе. Сделан вывод о том, что именно партийное руководство обеспечило целенаправленный, поступательный и устойчивый характер взаимодействия в указанных сферах. Отмечена ценность опыта культурного диалога между Советским Союзом и ДРВ и возможность его использования в современных условиях.

В связи с проведением во Вьетнаме данной конференции хотелось бы отметить, что, в отличие от десятков стран, которым бескорыстно помогал Советский Союз и которые забыли об этом после его исчезновения, вьетнамский народ и сегодня конкретными акциями демонстрирует чувства признательности СССР/России за весомый вклад в его исторические победы, что и подтвердили вьетнамские участники конференции (рис. 4).

Список литературы

1. Kobelev E.V. Hợp tác giữa Đảng cộng sản Liên Xô và Đảng cộng sản Việt Nam trong lĩnh vực chính trị, tư tưởng, an ninh, quốc phòng (1945—1975) // *Tạp chí Lịch sử Đảng* [Кобелев Е.В. Сотрудничество КПСС и КПВ в области политики, идеологии, безопасности, обороны (1945—1975) // *История партии*], 2019, № 11 (348). Тр. 9—16.
2. Mazyrin V.M. Ảnh hưởng của Đảng cộng sản Liên Xô đối với chính sách kinh tế của Đảng cộng sản Việt Nam (1955—1975) // *Tạp chí Lịch sử Đảng* [Мазырин В.М. О влиянии КПСС на экономическую политику КПВ в 1955—1975 г. // *История партии*], 2019, № 11 (348). Тр. 51—57.
3. Nikulina Elena. Hoạt động đối ngoại của Đảng và nhà nước Liên Xô trong quan hệ với Việt Nam (1954—1975) // *Tạp chí Lịch sử Đảng* [Никулина Елена. Внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского правительства по отношению к Вьетнаму в 1954—1975 гг. // *История партии*]. 2019. № 11 (348). Тр. 58—63.
4. Trần Văn Phòng, Hoàng Thu Trang. Cơ sở nền tảng của quan hệ giữa hai Đảng, hai nhà nước Việt Nam — Liên Xô trong Kháng chiến và xây dựng chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam // *Tạp chí lịch sử Đảng* [Чан Ван Фонг, Хоанг Тху Чанг. Фундамент отношений между двумя партиями и государствами: Вьетнам и Советский Союз в войнах Сопротивления и строительства социализма во Вьетнаме // *История партии*], 2019, № 11 (348). Тр. 6—14.

Для цитирования: Кобелев Е.В. Конференция об истории сотрудничества КПСС и КПВ // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 84—90.

Автор:

Кобелев Евгений Васильевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 27.11.2019

Принята к печати: 09.12.2019

E.V. Kobelev

CONFERENCE ON THE HISTORY OF COOPERATION OF THE CPSU AND CPV

Abstract. The Russian-Vietnamese scientific conference held on November 25, 2019 in Hanoi by the Institute of Party History of the Ho Chi Minh National Academy of Politics was devoted to analyze the history and experience of relations between the Communist Party of Vietnam and the Communist Party of the Soviet Union in the period 1945—1975. The reports of Vietnamese and Russian scientists were presented, as well including 5 reports of employees of the Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS.

Vietnamese scientists have identified the milestones, the basis of a strong relationship between the two parties and states and emphasized that traditions need to be maintained and developed in a new environment in order to strengthen the comprehensive strategic partnership between Vietnam and the Russian Federation. Russian colleagues have stressed the importance and the major role of Soviet assistance and support at all stages of the long-standing struggle of the Vietnamese people for the liberation of South Vietnam and the reunification of their homeland, and showed how it manifested itself in various fields.

Keywords: Communist Party of Vietnam, Communist Party of the Soviet Union, cooperation, Soviet assistance and support, strategic partnership between Russian Federation and Vietnam.

References

1. Kobelev, E.V. (2019). Hợp tác giữa Đảng cộng sản Liên Xô và Đảng cộng sản Việt Nam trong lĩnh vực chính trị, tư tưởng, an ninh, quốc phòng (1945—1975) [Cooperation of the CPSU and CPV in the field of politics, ideology, security, defense (1945—1975)]. *Tạp chí Lịch sử Đảng [Party History Journal]*, № 11 (348). Tr. 9—16.
2. Mazyrin, V.M. (2019). Ảnh hưởng của Đảng cộng sản Liên Xô đối với chính sách kinh tế của Đảng cộng sản Việt Nam (1955—1975) [On the influence of the CPSU on the economic policy of the CPV in 1955—1975]. *Tạp chí Lịch sử Đảng [Party History Journal]*, № 11 (348). Tr. 51—57.
3. Nikulina, Elena (2019). Hoạt động đối ngoại của Đảng và nhà nước Liên Xô trong quan hệ với Việt Nam (1954—1975) [Foreign policy activities of the CPSU and the Soviet government in relation to Vietnam in 1954—1975]. *Tạp chí Lịch sử Đảng [Party History Journal]*, № 11 (348). Tr. 58—63.
4. Trần Văn Phòng, Hoàng Thu Trang (2019). Cơ sở nền tảng của quan hệ giữa hai Đảng, hai nhà nước Việt Nam — Liên Xô trong Kháng chiến và xây dựng chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam [The foundation of relations between two parties and states: Vietnam and the Soviet Union in the wars of resistance and the construction of socialism in Vietnam]. *Tạp chí Lịch sử Đảng [Party History Journal]*, № 11 (348). Tr. 6—14.

For citation: Kobelev, E.V. (2019). Conference on the history of cooperation of the CPSU and CPV. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 84—90.

Author:

Kobelev Evgeny V., PhD, Leading Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Article history:

Received: November 27, 2019

Accepted: December 09, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10043

И.В. Самарина

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЯЗЫКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 2019 г.

Аннотация. В обзоре подводятся итоги двух крупнейших лингвистических конференций по языкам Юго-Восточной Азии 2019 г. — 29-й международной конференции «Лингвистическое общество Юго-Восточной Азии», которая прошла 27—29 мая в г. Токио и 8-й Международной конференции по австроазиатской лингвистике, которая прошла 29—31 августа в г. Чиангмай. Выделены основные проблемы, интересующие на данном этапе специалистов, занимающихся языками Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: международная конференция, языки Юго-Восточной Азии, австроазиатские языки, Лингвистическое общество Юго-Восточной Азии, лингвистика.

С 27 по 29 мая 2019 г. в г. Токио (Япония) прошла 29-я конференция Лингвистического общества Юго-Восточной Азии (Southeast Asian Linguistic Society — SEALS). В качестве принимающей стороны выступил Токийский университет зарубежных исследований (Tokyo University of Foreign Studies)¹.

В конференции приняли участие 110 исследователей из разных стран мира, в том числе двое российских участников — И.В. Самарина (Институт языкознания РАН) с докладом «Эволюция просодической системы во вьетском языке май» (рис.1) и С.Б. Клименко (Институт лингвистических исследований РАН) с докладом «Тагальские причинные союзы: сочинительно-подчинительная шкала и другие критерии вариативности». С полной программой конференции можно ознакомиться по ссылке: URL: https://027374b6-a386-46f4-8435-5769fbbf80ea.filesusr.com/ugd/fcccf4_ebe26baa59f7472cb855db39088f5288.pdf Материалы конференции размещены в Интернете и доступны по адресу: URL: <https://sites.google.com/site/seals-journal/seals-and-jseals-history/seals-conferences-and-archives>

Конференция проходила в течение трёх дней. Всего было сделано 102 доклада. Каждый день заседание открывалось пленарным докладом. В первом пленарном докладе «Аои-ческие языки в ареальной и типологической перспективе», прочитанном А.Р. Купом (Alexander R. Coupe) из Наньянского технологического университета (Nanyang Technological University) Сингапура, рассматривались аои-ческие языки, распространённые на северо-востоке Индии и представляющие собой кластер тибето-бирманских языков. Было показано, что, с одной стороны, они демонстрируют типичные черты языков Юго-Восточной Азии, с другой стороны, в своей грамматической структуре они испытали существенное влияние языков Южной Азии.

¹ Лингвистическое общество Юго-Восточной Азии было создано в 1991 г. Мартой Ратлифф (Martha Ratliff), США, и Эриком Шиллером (Eric Shiller), США. В настоящее время его президентом является Пол Сидвелл (Paul Sidwell), Австралия. Общество было создано с целью развития связей и контактов между специалистами, занимающимися лингвистическими проблемами этого региона. В настоящее время под эгидой Лингвистического общества Юго-Восточной Азии проводятся ежегодные конференции, посвящённые проблемам языков Юго-Восточной Азии.

Рис. 1. Выступление И.В. Самариной на конференции SEALS.
Фото из архива автора

Сумиттра Сураратдеча (Sumittra Suraratdecha) из Махидольского университета (Mahidol University) Таиланда представила второй пленарный доклад «Языковая ревитализация, участие сообщества и социальное воздействие». В нём говорилось о проекте с участием общественности по возрождению языка чёрных тай Таиланда, направленном, в первую очередь, на молодое поколение, выступающее в качестве основного заинтересованного лица, партнёра и бенефициара, и указывалось, что активное участие сообщества имеет определяющее значение для сохранения и передачи языкового и культурного наследия от поколения к поколению.

Третий пленарный доклад «Иной взгляд на структуру клаузы в филиппинских языках» тайваньской исследовательницы Сиу-чжуань Ляо (Hsiu-chuan Liao) из Национального университета Цинхуа был посвящён залоговой системе в филиппинских языках, в которой при традиционном подходе выделяется четыре и более залога, при этом ряд случаев употребления залоговых показателей не получает должного объяснения. Сиу-чжуань Ляо предлагает при выборе залоговых показателей в первую очередь устанавливать, что является в данной клаузе «главенствующим» — событие или партиципant (участник), и показывает, что данный подход обладает большей объяснительной силой.

После пленарных докладов шли заседания параллельно в четырёх секциях. Поскольку тематика конференции была очень широкой как с точки зрения охвата языков, так и с точки зрения рассматриваемых лингвистических явлений, то секции делились на подсекции, в каждой из которых было представлено по три—четыре доклада, объединённых либо сходной лингвистической проблематикой, либо генетической общностью рассматриваемых языков. Почти в половине докладов рассматривались вопросы грамматического строя языков Юго-Восточной Азии: грамматические категории и их маркеры, части речи, синтаксические конструкции. Были также широко представлены проблемы фонетики и фонологии (27 докладов). Основное внимание исследователей привлекали вопросы тоногенезиса, просодических особенностей языков, включая фонационные и тоновые, сегментных единиц слога, существования в языках полуторасложных (sesquisyllabic) единиц как свидетельства незавершившегося процесса моносиллабизации. Более десяти докладов было посвящено социолингвисти-

ческим проблемам: витальности языков, кодовым переключениям, билингвальному образованию, языковым контактам. Один из докладов касался малочисленных языков Вьетнама: «Сохранение этнических языков — важнейшая часть современного процесса сохранения и развития этнических групп с крайне низкой численностью во Вьетнаме в наши дни». Его авторами были два вьетнамских исследователя из Университета Тхайнгуена (Trường đại học Thái Nguyên) — Зыонг Тху Ханг (Dương Thu Hằng) и Нгуен Тху Куинь (Nguyễn Thu Quỳnh) (рис. 2). Кроме того, на конференции рассматривались также проблемы лексики, типологии, генетического родства и классификации языков, дискурса и др.

Рис. 2. Выступление Нгуен Тху Куинь на конференции SEALS.
Фото автора

Приведем некоторую статистику по рассмотрению в докладах языков различных семей. Как известно, на территории Юго-Восточной Азии распространены языки австроазиатской, австронезийской, тай-кадайской семей, семьи хмонг-миен, а также тибето-бирманские языки, являющиеся подсемьёй сино-тибетских языков. Все эти семьи в том или ином объёме были представлены на конференции. В половине докладов в центре внимания были австронезийские языки. Австроазиатским языкам было посвящено 23 доклада, тай-кадайским — 14 докладов, тибето-бирманским — 13 докладов, языкам хмонг-миен — один доклад.

Большой интерес среди докладов по австроазиатским языкам вызвала презентация Пола Сидвелла (Австралия) «Австроазиатские числительные: дело против счёта до десяти», в которой обосновывался тот факт, что в австроазиатских языках реконструируются только числительные от «одного» до «четырёх». В докладе «О реконструкции праавстроазиатского синтаксиса: методология и результаты» Матиаса Дженни (Mathias Jenny), Хайрама Ринга (Hiram Ring) и Вэй-вэй Ли (Wei Wei Lee) из Цюрихского университета, Швейцария, было сказано, что основной вопрос методологии — это выделение сопоставимых синтаксических единиц в разных языках. При правильном выборе этих единиц и при работе с достаточно полным корпусом материалов по австроазиатским языкам реконструкция праавстроазиатского синтаксиса возможна и без обращения к историческим материалам. Среди докладов, по-

свящённых вьетнамскому языку, отметим доклад «Тональная система древнего вьетнамского языка, записанного письменностью тыном» Масааки Шимидзу (Masaaki Shimizu) из Осацкого университета (Япония) и доклад «Тоно-регистровая гармония во вьетнамских повторах: изменения в действии?», представленный Андреа Фам (Andrea Pham) из Университета Флориды (США) и Эндрю Нгуен (Andrew Nguyen) из Университета Куинс (г. Кингстон, Канада).

Спустя три месяца в г. Чиангмай (Таиланд) состоялась 8-я Международная конференция по австроазиатской лингвистике (International Conference on Austroasiatic Linguistics — ICAAL 8)¹ (рис. 3). Конференция проходила с 29 по 31 августа 2019 г. Принимающей стороной был Бирманский центр гуманитарного факультета Чиангмайского университета (The Myanmar Center at the Faculty of Humanities, Chiang Mai University). Программа и материалы конференции размещены в Интернете и доступны по ссылке: URL: <https://sites.google.com/site/icaalprojects/icaal-meetings/icaal-8-2019/icaal8-archive>

Рис. 3. Участники конференции ICAAL 8.
Фото из архива автора

В конференции приняли участие 45 исследователей австроазиатских языков (часть из них были также и участниками 29-й конференции Лингвистического общества Юго-Восточной Азии), было сделано 32 доклада. Благодаря тематике 8-й Международной конференции по австроазиатской лингвистике у учёных была возможность более глубоко обсудить интересующие их проблемы. Этому способствовал и регламент конференции — 35 минут на выступление и обсуждение презентации. Все заседания конференции были представлены панельными секциями.

В первый день конференции были проведены секции «Структура клаузы» и «Языковые контакты». Из восьми докладов секции «Структура клаузы» четыре были посвящены северным мон-кхмерским языкам — палаунгическим. В докладе Хирама Ринга (Hiram Ring) обсуждалась проблема создания справочной грамматики по языку вар (War), идиому мон-кхмерской группы кхаси, с учетом существующих описаний близкородственных языков. В секции «Языковые контакты» в двух докладах рассматривались проблемы языковых контактов и заимствования на территории Индии. В третьем докладе «Силлабификация французских заимствований во вьетнамском языке с точки зрения теории оптимальности», представленном немецким исследователем Верой Шольвин из Института романской филологии (Берлин, Германия), на примере более 500 слов были рассмотрены вопросы вьетнамизации французских заимствований.

¹ Первая конференция по австроазиатским языкам (ICAAL 1) прошла в 1973 г., затем был большой перерыв, а начиная с 2011 г. конференция проводится регулярно раз в два года.

Во второй день конференции были проведены секции «Грамматикализация» (два доклада) и «Языки мунда»¹ (девять докладов). В первой секции один из докладов был посвящён процессам грамматикализации во вьетнамском языке XVII—XIX вв. Он был представлен японским исследователем Такуя Васидзава (Takuya Washizawa) из Университета международных исследований Канда (Kanda University of International Studies) префектуры Тиба, Япония.

Во второй секции в докладе Феликса Рау (Felix Rau) из Кёльнского университета (Германия) и Пола Сидвелла «Мунда: морская гипотеза» было высказано предположение, что прародиной языков мунда является восточное побережье Индии, куда предшествующие поколения австроазиатов прибыли морским путём 3500—4000 лет назад (рис. 4). Феликс Рау выступил, кроме того, с докладом «Успехи в области исторической фонологии мунда», в котором показал, что языки мунда исторически были типичными языками Юго-Восточной Азии, хотя они подверглись «индийскому» влиянию и обрели значительное количество неавстроазиатских лексем из неустановленных языков Южной Азии.

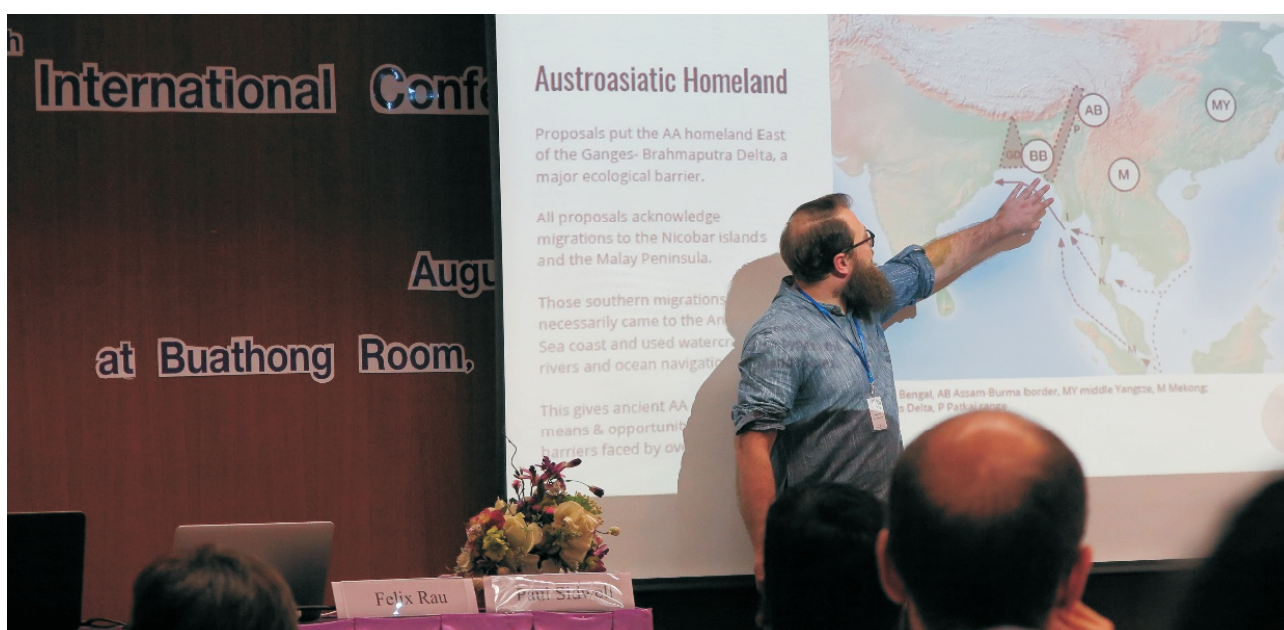

Рис. 4. Выступление Феликса Рау на конференции ICAAL 8.
Фото автора

В докладах Грегери Андерсона (Gregery Anderson), Опино Гоманго (Opino Gomango) и других исследователей из Института по исчезающим языкам «Живые языки» (Living Tongues Institute for Endangered Languages), США, были рассмотрены вопросы грамматики языков мунда. Со специальной презентацией о своей карьере выступил выдающийся исследователь австроазиатских языков Жерар Диффлот (Gerard Diffloth) (рис. 5).

В третий день конференции работали секции, на которых заслушивались доклады, посвящённые проблемам фонетики и фонологии («Регистры», «Фонетика и фонология»), а также секция «Язык и общество». В последнее время проблеме регистров в австроазиатских языках исследователи уделяют большое внимание, поскольку этот вопрос непосредственно связан с проблемой тоногенезиса в австроазиатских языках. Одним из примеров такого подхода является доклад «Глоттализация в тональной системе языка мыонг (Кимтхьонг): прототипичная австроазиатская скрипучая фонеция?» группы соавторов: Нгуен Минь Тяу (Nguyễn Minh

¹ Языки мунда образуют одну из ветвей австроазиатских языков, распространены в Индии и географически не принадлежат ареалу Юго-Восточной Азии. Также вне ареала Юго-Восточной Азии находятся никобарские языки, группа мон-кхмерских языков.

Рис. 5. Жерар Диффлот на конференции ICAAL 8.
Фото автора

Châu), Алексиса Мишо (Alexis Michaud) из Сорбонского университета, Франция, и Чан Ти Зоя (Trần Chí Dỗi) из Ханойского университета (Trường đại học Hà Nội). Автор обзора в докладе «Некоторые замечания о вьетских терминалах: языки поонг и данлай (Нгеан, Вьетнам)» рассмотрела особенности развития двух вьетских языков подгруппы поонг-тум. Язык поонг сохранил терминаль *-l*, уже утраченную в языке данлай, где её место заняла терминаль *-n*.

Конференция завершилась проведением деловой встречи всех её участников, где были обсуждены вопросы дальнейшего сотрудничества учёных и места проведения последующих конференций¹.

Для цитирования: Самарина И.В. Проблемы языков Юго-Восточной Азии на международных конференциях 2019 г. // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 91—97.

Автор:

Самарина Ирина Владимировна, научный сотрудник Института языкознания РАН, старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. Email: ira_samarina@hotmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 25.11.2019

Принята к печати: 08.12.2019

¹ Лингвистическое общество Юго-Восточной Азии издает журнал Journal of the South-East Asian Linguistics Society (JSEALS), в специальных выпусках которого публикуются материалы конференций Лингвистического общества Юго-Восточной Азии и Международной конференции по австроазиатским языкам; см.: URL: <https://uhpress.hawaii.edu/product/jseals/> и <http://jseals.org/>.

I.V. Samarina

**DISCUSSION ON THE LANGUAGES
OF THE SOUTHEAST ASIA
AT INTERNATIONAL CONFERENCES 2019**

Abstract. This review summarizes the results of the two largest linguistic conferences on the languages of Southeast Asia 2019 — the 29th International conference “Southeast Asian Linguistic Society”, which was held on May 27—29 in Tokyo and the 8th International Conference of Austroasiatic Linguistics, which took place on August 29—31 in Chiang Mai. The main problems that are currently of interest to specialists in the languages of Southeast Asia were highlighted.

Keywords: International Conference, languages of the Southeast Asia, Austroasiatic languages, Southeast Asian Linguistic Society, linguistics.

For citation: Samarina, I.V. (2019). Languages of the Southeast Asia at international conferences 2019. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 91—97.

Author:

Samarina Irina V., Researcher, Institute of Linguistics RAS, Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”. Email: ira_samarina@hotmail.com

Article history:

Received: November 25, 2019

Accepted: December 08, 2019

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук Терских Михаилом Андреевичем [Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации] на тему «Приоритеты политики США в отношении Вьетнама в постбиполярный период»

Защита диссертации по специальности 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития состоялась 13 декабря 2019 г. на заседании диссертационного совета МГИМО 23.00.04.0027 на базе Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации.

Исследование посвящено политике США в отношении Вьетнама в контексте американской стратегии в Тихоокеанской Азии. Разработана целостная периодизация политики США на вьетнамском направлении после холодной войны, выявлены долгосрочные тенденции эволюции подходов Вашингтона к взаимодействию с Ханоем. Апробирован системный подход к изучению роли глобальной державы в региональной системе международных отношений.

Автор приходит к выводу, что политика США в отношении Вьетнама менялась поступательно, а смена американских администраций не оказывала на это существенного влияния. Одним из ключевых факторов, формирующих видение отношений с СРВ, является идея сдерживания Китая. Комплекс предпринятых Вашингтоном мер позволил превратить Ханой в разделяющего основные подходы к политике в регионе партнёра, заинтересованного в укреплении американского участия в делах Юго-Восточной Азии. При этом интересы двух стран не всегда являются совпадающими, что подталкивает США к расширению перечня инструментов влияния на Вьетнам.

Научный руководитель: член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор Войтоловский Фёдор Генрихович.

Основные публикации по теме диссертации

1. Терских М.А. США в территориальных спорах в Южно-Китайском море // *Научно-информационный журнал Армия и общество*, 2015, № 4 (47). С. 32—35.
2. Терских М.А. Транстихоокеанское партнёрство: интересы Соединённых Штатов Америки и Социалистической Республики Вьетнам // *Международная жизнь*, 2015, № 12. С.106—115.
3. Терских М.А. Проблема прав человека во взаимоотношениях США и Вьетнама / М.А.Терских // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 2016, № 4 (6). С. 112—117.
4. Терских М.А. Инструменты политического влияния США во Вьетнаме // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2016, № 33. С. 92—98.

The PhD (Political Sciences) dissertation on the topic “Priorities of the US policy with respect to Vietnam in the post-bipolar period” (specialization 23.00.04 — Political problems of international relations, global and regional development) was defended by Tersky Mikhail Andreevich at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, on December 13, 2019.

This study focuses on the US policy towards Vietnam in the context of the American strategy in Asia-Pacific. It develops a periodization of the US policy towards Vietnam after the Cold War, identifies long-term trends of the evolution of Washington approaches. It approbates the Systems theory for studying a role of a global power in a regional system of international relations.

The author concludes that the US policy towards Vietnam has been changing steadily, but the changes of American administrations have not had a significant impact. One of the key factors shaping the vision of relations with Vietnam is the idea of containing China. The measures taken by Washington helped to transform Hanoi into a partner sharing the main approaches to the region and interested in strengthening American participation in the Southeast Asia affairs. At the same time, the interests of the two countries do not always coincide, which makes the United States to find new tools for increasing influence on Vietnam.

Keywords: US policy in Asia, US—Vietnam relations, Asia Pacific, Southeast Asia, Vietnam, US—China competition.

Scientific supervisor: Voitolovsky Fedor Genrikhovich, D.Sc. (Political Sciences), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук Омаровой Унсией Абдуллаевной (ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук) на тему «Чамский этнос в Камбодже и Индокитае в контексте региональных международных отношений»

Защита диссертации по специальности 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики состоялась 14.10.2019 г. на заседании диссертационного совета по историческим и политическим наукам Д 002.042.04 при ФГБУН Институт востоковедения РАН.

Исследование посвящено комплексному изучению основных элементов жизни чамских общин в Камбодже¹, истории чамов в этой стране, которые в сложных условиях постоянного давления и желания ассимилироваться в кхмерском обществе сумели сохранить себя и сегодня под влиянием международных исламских кругов радикального толка вступили в процесс глубоких религиозных и культурных перемен.

Актуальность темы определяется тем, что современная история чамов по-своему уникальна: на протяжении вот уже полутора столетий она развивается под существенным и даже определяющим влиянием внешних факторов — региональных и международных.

Автор приходит к выводу, что чамский социум сегодня находится на серьезном перепутье — либо он сможет удержаться в рамках существующей модели отношений, в которой он жил сотни лет, либо его могут ждать новые и очень серьезные вызовы и угрозы.

¹ Чамы в Камбодже являются потомками чамов, бежавших после разгрома в 15 в. Королевства Чампа, находившегося на территории южной части современного Центрального Вьетнама. Во Вьетнаме проживает около 170 тыс. чамов (прим. ред.).

Научный руководитель: доктор исторических наук Мосяков Дмитрий Валентинович.

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов».

Основные публикации по теме диссертации

1. Омарова У.А. Политика «единообразия» и расовая дискриминация чамов в полпотовской Камбодже / *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, выпуск XXXI (№ 31). Москва, 2016. С. 69—81.
2. Омарова У.А. Планы по уничтожению чамов и попытки их реализации в период правления «красных кхмеров» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, выпуск XXXII (№ 32). Москва, 2016. С. 160—169.
3. Омарова У.А. Последние решения трибунала над «красными кхмерами» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, выпуск XXXIII (№ 33). Москва, 2016. С. 83—91.
4. Омарова У.А. К истории камбоджийских чамов: конец XIII и начало XIV веков // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, выпуск XXXIV (№ 34). Москва, 2017. С. 231—242.

The PhD (Hist.) dissertation on the topic «Cham ethnic group in Cambodia and Indochina in the context of regional international relations» (specialty 07.00.15 — The history of international relations and foreign policy) was defended by Omarova Unsiya Abdullaevna at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on October 14, 2019

The thesis is devoted to a comprehensive study of the basic elements of the life of the Chams communities in Cambodia, an analysis of the history of the Chams in this country, who under difficult conditions of constant pressure and desire to assimilate them in Khmer society, managed to preserve themselves, and today, under the influence of international Islamic circles of radical persuasion, they have begun a deep religious and cultural transformation.

The relevance of the topic is determined by the fact that the modern history of Chams is unique in its own way: for a century and a half, it has been developing under the significant and even decisive influence of external factors — regional and international, that have been forming around them.

The author comes to the conclusion that Cham society is at a serious crossroads today — it can either stay within the framework of the existing model of relations in which it has lived for many centuries, or it can await new and very serious challenges and threats.

Keywords: Cham society, Cambodia, regional and international relations, radical Islamic circles.

Scientific adviser: Mosyakov Dmitry Valentinovich, D.Sc. (History).

Leading organization: Peoples' Friendship University of Russia.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук Ха Тхи Лан Ань (ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова») на тему «Совершенствование государственной налоговой политики поддержки развития малого и среднего бизнеса»

Защита диссертации по специальности 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит состоялась 10.12.2019 г. на заседании диссертационного совета Д 212.196.02 на базе ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Исследование посвящено совершенствованию во Вьетнаме государственной налоговой политики поддержки малого и среднего бизнеса в современных условиях глобализации

мировой экономики и развития интеграционных процессов, создания и развития методов стимулирования производственной и инновационной предпринимательской деятельности, необходимости повышения инвестиционной активности малого и среднего бизнеса, снижения уровня безработицы.

Автор отмечает, что особое значение эта политика приобретает в странах с переходной экономикой, характерным представителем которых является Социалистическая Республика Вьетнам. В настоящее время во Вьетнаме малый и средний бизнес обеспечивает 40 % ВВП, в нём занято около 45 % трудоспособного населения. Целью настоящей работы является разработка теоретических и методологических аспектов государственной налоговой политики для поддержки малых и средних предприятий.

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор Колчин Сергей Павлович.

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Основные публикации по теме диссертации

1. Ха Тхи Лан Ань. Проблемы налогообложения малого и среднего бизнеса во Вьетнаме / Ха Тхи Лан Ань, С.П. Колчин // *Финансовая жизнь*, 2017, № 4. С. 58—63.
2. Ха Тхи Лан Ань. Анализ зарубежного опыта налогового стимулирования развития малого и среднего бизнеса и возможности его использования во Вьетнаме // *РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция*, 2018, № 2. С. 184—189.
3. Ха Тхи Лан Ань. Влияние налоговой политики на развитие малых и средних предприятий во Вьетнаме // *Финансовая жизнь*, 2018, № 3. С. 57—62.
4. Ха Тхи Лан Ань. Развитие системы налогообложения малого и среднего бизнеса во Вьетнаме // *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2018, № 12, том 2 (84). С. 28—32.

The PhD (Econ.) thesis on the topic «Improving the state tax policy to support the development of small and medium-sized business» (08.00.10 — Finance, money circulation and credit) was defended by Ha Thi Lan Anh at the Plekhanov Russian University of Economics on December 10, 2019.

The study is devoted to improving the state tax policy in Vietnam to support small and medium-sized businesses in modern conditions of globalization of the global economy and the development of integration processes, the creation and development of methods to stimulate production and innovative entrepreneurship, the need to increase the investment activity of small and medium-sized businesses, and to reduce unemployment.

The author notes that such policy is particularly important in countries with transition economies, the Socialist Republic of Vietnam being their typical representative. Currently, in Vietnam, small and medium-sized businesses has provided 40 % of GDP, and employed about 45 % of the working population.

The aim of this work is to develop theoretical and methodological aspects of this policy.

Keywords: Vietnam, small and medium business, state tax policy.

Scientific adviser: Kolchin Sergey Pavlovich, D.Sc.(Economics), Professor.

Leading organization: Federal State Higher Educational Budgetary Institution «Financial University under the Government of the Russian Federation»

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

DEPUTY PRIME MINISTER, FOREIGN MINISTER PHAM BINH MINH'S REMARKS “REVITALIZING MULTILATERALISM FOR SUSTAINABLE PEACE AND DEVELOPMENT” AT THE GENERAL DEBATE OF THE 74TH SESSION OF THE UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY IN NEW YORK ON SEPTEMBER 28, 2019¹

Mr. President,

I wish to congratulate Mr. Tijjani Muhammad-Bande on his election as President of the 74th Session of the General Assembly. I firmly believe that he will skillfully lead our Session to success.

May I express my appreciation to Her Excellency Maria Fernanda Espinosa Garces, President of the 73rd Session, for her important contributions to the work of the General Assembly, as well as to Secretary-General Antonio Guterres for his work and dedication over the past year.

Mr. President,

Eighty years ago, the Second World War erupted and became the deadliest chapter in the history of mankind. This global conflict took the lives of tens of millions, destroyed economies and societies. It witnessed horrendous crimes and the emergence of new weapons and means of warfare with unparalleled destructive power.

By the close of this chapter, nations have come to realize the importance of a collective security system based on multilateral cooperation and international law as the foundation of a post-war global order. This has proven to be a wise choice.

For the past 75 years, multilateralism, with the United Nations at its heart, has become indispensable. Multilateral institutions provide the forums for states to deliberate and establish common policies in all aspects of global governance — from overarching themes of peace, security, economy, trade, development and human rights, to specialized areas of cooperation in maritime, aviation, postal and telecommunication... They also incubate ideas, set standards and strategies to coordinate states' efforts to address traditional and non-traditional security challenges, and improve the quality of life.

Mr. President,

We are at the threshold of the third decade of the 21st century. We can pride ourselves in a world of peace, cooperation and development. We can rejoice at the achievements of peace efforts in various regions, from Mali to Liberia, South Sudan to Côte d'Ivoire. Viet Nam welcomes all efforts to settle disputes by dialogue and peaceful means, including the dialogue process between the Democratic People's Republic of Korea and the United States.

¹ Online newspaper of the Government of the Socialist Republic of Viet Nam, 29.09.2019. URL: <http://news.chinhphu.vn/Home/Deputy-PM-FM-Pham-Binh-Minh-s-remarks-at-General-Debate-of-UNGA74/20199/37618.vgp>

We have also seen significant achievements in global development. Hundreds of millions of people have been lifted out of poverty. Universalization of primary education has been achieved in many nations. Maternal and child mortality rates have been considerably reduced. Together, we have established important strategies and frameworks for global development efforts, such as the 2030 Agenda for Sustainable Development, the Addis Ababa Action Agenda on Financing for Development, and the Paris Agreement on Climate Change.

Yet, multilateralism is facing acute challenges. It is alarming that narrowly interpreted national interests are chosen over common values, big power politics, coercion, competition and confrontation are favored over cooperation, dialogue and respect for international law. The consequential reduction in political commitment and resources has impacted the efficiency and effectiveness of multilateral cooperation.

This is all happening while the challenges we are facing is greater in magnitude and more complex in nature. No nation is immune to the immediate and long-term impacts of climate change, environmental degradation or pandemics. Conflicts are protracted in many areas, especially in the Middle East and Africa, while the risk of conflicts looms large in other regions.

Battlegrounds are no longer confined within designated warzones, but have spread to densely-populated cities and villages. The global arms control and non-proliferation regime is becoming more fragile.

The development of science and technology have brought about new means and methods of warfare. Global military spending is at its highest. And in the words of the Secretary-General, “The world is on the verge of a new Cold War”.

In this context, we welcome the timely theme set by Mr. President for this Session — “Galvanizing multilateral efforts for poverty eradication, quality education, climate action and inclusion”.

Mr. President, Multilateral cooperation has a special place in Viet Nam’s foreign policy. Our history of reform, development, and international integration are closely associated with our participation into global and regional multilateral institutions. The assistance of the UN and other international organizations helped Viet Nam rebuild our country after decades of war.

Solid policy and legal frameworks have allowed Viet Nam to further advance integration and socio-economic development, and better implement global development goals. The UN and multilateral forums have provided Viet Nam with important political and legal platforms to expand our cooperation with nations of the world. Viet Nam has been an active and constructive partner in multilateral processes. We are working with other ASEAN Member States to enhance ASEAN’s centrality in promoting peace, security and prosperity in Southeast Asia and the Asia-Pacific region.

In the United Nations, members of the Viet Nam People’s Army have joined the Organization’s peacekeeping operations. Our diplomats and experts have contributed substantively to the development of UN agendas and policies on sustainable development, oceans and seas, human rights, amongst others.

Viet Nam is strongly committed to the full implementation of the 2030 Agenda and Paris Agreement, and in particular is taking concrete steps to end single-use plastics by 2025.

Viet Nam is honored to have been elected non-permanent member of the UN Security Council. On behalf of the Government and people of Viet Nam, I extend to you our most sincere gratitude for once again entrusting us with this important position. As a member of the Council, Viet Nam will do our level best to work with the broader UN membership toward the ultimate goals of sustainable peace and development.

Given today’s daunting challenges, it is critical that we all work to revitalize multilateralism and strengthen the United Nations. And I would like to offer some thoughts on how that can be achieved.

First, we must all reaffirm the fundamental importance of international law and the UN Charter in international relations and multilateral cooperation. International law is the foundation of equal relation among states. Our actions must be in line with and guided by respect for international law.

Viet Nam believes that respect for international law is the most effective measure to prevent conflicts and to seek sustainable solutions for disputes. We support all efforts to settle disputes by peaceful means in accordance with the UN Charter and international law, including negotiation, conciliation and judicial settlement.

We call for the immediate lifting of the unilateral embargoes against Cuba contrary to international law.

We urge relevant parties in the South China Sea to respect international law, especially the United Nations Convention on Law of the Sea 1982 (UNCLOS), appropriately referred to as the “Constitution for the Oceans”. Linking the Indian and Pacific Oceans, the South China Sea is strategically important to peace, security and prosperity in the Asia — Pacific region. Efforts by relevant states have yielded positive outcomes in settling differences and disputes.

However, Viet Nam has on many occasions voiced its concerns over the recent complicated developments in the South China Sea, including serious incidents that infringe upon Viet Nam’s sovereign rights and jurisdiction in our maritime zones as defined by UNCLOS. Relevant States should exercise self-restraint and refrain from conducting unilateral acts which may complicate or escalate tensions at sea, and settle disputes by peaceful means in accordance with international law, including the UNCLOS.

Secondly, it is important to enhance the synergies between the global and the regional. Global actions can only be effective if adapted to the particular historical, socio-economic, political, cultural and geographical conditions of each region and state. Regional organizations could play a critical role in support of UN efforts. Viet Nam welcomes the cooperation between the United Nations, especially the UNSC, with the African Union, the European Union and the League of Arab States in addressing security challenges in Africa and the Middle East.

In the Southeast Asian region, ASEAN is a regional institution that is based upon “shared commitment and collective responsibility in enhancing regional peace, security and prosperity”. After more than 50 years, ASEAN has become an embodiment of the vision of regional governments and peoples of a politically, economically and socially connected Community. ASEAN has proved its centrality in the regional rules-based security architecture and provided a forum for regional and other states to cooperate for sustainable development, peace and stability in the region and the world.

In 2020, Viet Nam assumes the Chairmanship of ASEAN, as we also serve on the Security Council. We will endeavor to enhance the cooperation and complementarity between the Council and regional organizations, particularly in conflict prevention and sustainable peace efforts.

Third, multilateral efforts need to put people at heart. Lasting peace is the prerequisite for sustainable development and can only be achieved when the basic safety and living condition of the people are ensured. Viet Nam deplore attacks against civilians and civilian infrastructures critical for the survival of civilians. We support and commit to advance the UN agendas on women, peace and stability, children and armed conflicts. Viet Nam has endorsed the Safe School Declaration to join efforts to protect the rights of children to education under all circumstances. We will promote post-conflict reconstruction efforts, particularly mine action, for the safety of people and socio-economic recovery and development of states.

Fourth, multilateral institutions must be reformed to meet new requirements and better serve the interest of all member states, especially developing states in Asia, Africa and Latin America. Viet Nam welcomes efforts to reform the UN development system to enhance its efficiency and effectiveness. We underline the need to increase government ownership, and to garner the contributi-

ons of non-governmental organizations, other stakeholders and communities. Viet Nam will work with member states to actively contribute to reforming Security Council's working methods to enhance transparency, democracy and effectiveness.

Finally, Mr. President, political commitment of world leaders is indispensable to any effort to revitalize multilateralism. The UN or multilateral system can only be empowered if each country commits to the greater good of the international community instead of narrowly defined interests, and to invest their will and resources. Only when such commitment is guaranteed can we enter a new, brighter chapter in the history of mankind — a chapter of cooperation and dialogue, a chapter of sustainable peace and development.

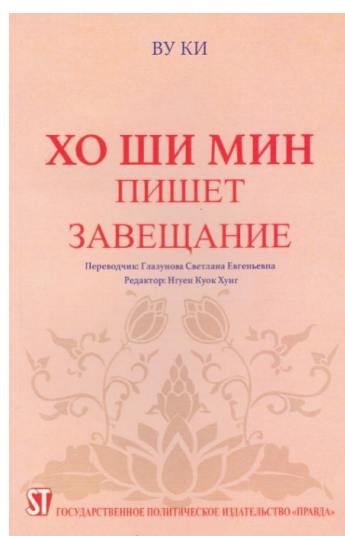
I thank you for your attention.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10044

Е.В. Никулина, С.Е. Глазунова

ХРОНИКА ВАЖНЫХ ДНЕЙ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

Ву Ки. Хо Ши Мин пишет «Заветное». Ханой: Государственное политическое издательство «Правда», 2019. ISBN 978-604-57-5066-7

Аннотация. Рецензия дается на книгу Ву Ки, многолетнего секретаря Хо Ши Мина, рассказывающую о процессе создания «Заветного» первого президента ДРВ. Перевод книги на русский язык был сделан в рамках Перекрёстного года России и Вьетнама и приурочен к 50-летию публикации «Заветного». Книга является ценным свидетельством последних четырех лет жизни выдающегося сына вьетнамского народа, показывает, как тщательно и вдумчиво Хо Ши Мин работал над каждым словом «Заветного», в котором отразился опыт его жизни, посвящённой освобождению своей страны.

Ключевые слова: Хо Ши Мин, «Заветное», Коммунистическая партия, молодёжь, Южный Вьетнам.

Книга «Хо Ши Мин пишет «Заветное» — это записанные военным историком Тхе Ки воспоминания бессменного секретаря президента Хо Ши Мина Ву Ки. Впервые книга была напечатана издательством «Правда» (ныне Государственное политическое издательство «Шы тхат») в 1989 г., а затем многократно переиздавалась. И вот через 30 лет после первой публикации увидел свет перевод этой книги на русский язык.

Ву Ки, который был рядом с Хо Ши Мином последние 24 года жизни, вёл дневник президента, в котором его жизнь запечатлена до минуты. Книга «Хо Ши Мин пишет «Заветное» посвящена четырём последним годам жизни президента ДРВ, а точнее периодам с 10 по 19 мая каждого года, когда он с 9 до 10 часов утра писал своё «Заветное».

Книга состоит из пяти глав. Первая глава описывает день 10 мая 1965 г. Через девять дней Хо Ши Мину исполнялось 75 лет, и он начал готовиться к своему уходу, хотя чувствовал себя хорошо. Первый президент независимого Вьетнама хотел оставить своим соратникам, партии, всем своим соотечественникам духовное заветное — те мысли, советы и рекомендации, которые стали итогом его жизни, посвящённой борьбе за освобождение и счастье своего народа. Но со свойственной ему скромностью Хо Ши Мин не называет это «Заветным», а говорит о «документах», «письме» и «нескольких строках». С 10 по 14 мая 1965 г. он написал три страницы. Кажется, это немного, но за каждым словом на этих страницах стояли огромный опыт, мудрость и знания первого президента Вьетнама, его искреннее стремление обеспечить своему народу свободную и счастливую жизнь. Первоочередное внимание Хо Ши

¹ Рецензия написана на основе материалов, представленных и.о. директора — гл. редактором издательства «Шы тхат» Фам Ти Тханем.

Мин уделил чистоте рядов партии: «Наша Партия — правящая партия. Каждый член Партии, кадровый работник или рядовой её член, должен по-настоящему проникнуться революционной моралью, должен быть по-настоящему трудолюбивым, бережливым, честным, в высшей степени справедливым и бескорыстным. Надо беречь истинную чистоту рядов нашей Партии, быть достойными звания руководителей, настоящими верными слугами народа»¹.

Вторая глава книги посвящена пребыванию Хо Ши Мина в Китае и празднованию его 75-летия. В этой главе очень ярко показана исключительная скромность и непритязательность вьетнамского президента, его забота о людях, глубина и многогранность его личности.

В третьей главе мы узнаём, чем был занят президент Хо Ши Мин в майские дни перед своим днем рождения в 1966 и 1967 гг., как работал над «Завещанием». Подробные воспоминания Ву Ки дают возможность узнать, какой насыщенной была жизнь президента: посещение городов, сёл, предприятий, приём иностранных делегаций, переписка, выслушивание докладов о ситуации на поле боя. Но когда он находился в кругу простых людей, он становился добрым стариком, близким каждому, хорошо понимающим радости и горести каждой семьи, разбирающимся в любой ситуации, рассказывает Ву Ки.

Четвертая глава отсылает нас к 1968 г., когда к «Завещанию» было добавлено ещё шесть страниц. Хо Ши Мин оставил наказ, как организовать его похороны. Большая часть текста была посвящена задачам партии по обустройству жизни народа после победы в войне Сопротивления против США, в которой президент был совершенно уверен.

Пятая глава посвящена последнему году жизни Хо Ши Мина. Здоровье президента резко ухудшилось, он предчувствовал свой скорый уход, но старался не показывать этого, чтобы не расстраивать людей. Очень трогателен рассказ о том, как Хо Ши Мин в последние дни перед уходом пытался есть через силу, лишь бы жители так любимого им Южного Вьетнама, которые присутствовали на обеде у президента, были спокойны. 20 мая 1969 г. Хо Ши Мин последний раз просмотрел «Завещание» и убрал его в конверт.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как Хо Ши Мин ушёл в вечность, но его наставления, изложенные в «Завещании», по-прежнему актуальны и неизменно остаются путеводной нитью для Коммунистической партии, армии и народа в деле строительства сильного и процветающего Вьетнама, о чём так мечтал его президент. Оглядываясь назад на исторический путь страны, мы лучше понимаем суть «Завещания». Работа над ним президента Хо Ши Мина — это забота пожилого отца, который собирается покинуть этот свет, оставив последние наставления своим детям и внукам. В каждой фразе, каждом слове «Завещания» — квинтэссенция мысли и души великого лидера, человека, посветившего жизнь своей родине и своему народу.

Для цитирования: Никулина Е.В., Глазунова С.Е. Хроника важных дней великого человека. Рецензия на книгу Ву Ки «Хо Ши Мин пишет «Завещание» // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 106—109.

Авторы:

Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник ЦИВАС ИДВ РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Глазунова Светлана Евгеньевна, ст. преподаватель МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 06.12.2019

Принята к печати: 12.12.2019

¹ Хо Ши Мин. Полное собрание сочинений. Государственное политическое издательство, Ханой, 2011, т. 15. С. 622.

ОПЫТ ВСЕЙ ЖИЗНИ В НЕСКОЛЬКИХ СТРАНИЦАХ

Заметки переводчика книги «Хо Ши Мин пишет «Завещание»

С.Е. Глазуновой

Эту книгу мне предложили перевести в мае или июне 2019 г., когда вьетнамская делегация приходила в гости к моему папе — Евгению Павловичу Глазунову, известному вьетнамисту, учёному, переводчику, общественному деятелю, почётному председателю Общества российско-вьетнамской дружбы, в июле ушедшему от нас. Я должна была продолжить папино дело: он перевёл на русский книгу Ву Ки «Первый вьетнамец в Кремле», рассказывающую о визитах президента Хо Ши Мина в СССР. Презентация этой книги в 2013 г. была приурочена к 90-й годовщине со дня первого приезда Хо Ши Мина (тогда Нгуен Ай Куока) в Советский Союз. При переводе я нередко обращалась к папиному переводу, чтобы уточнить реалии, которые встречаются в обоих произведениях. Так сложилось, что мне пришлось переводить книгу Ву Ки в очень сжатые сроки, и, возможно, перевод не удалось довести до совершенства. Но этот опыт стал очень ценным для меня как вьетнамиста, он помог окунуться в историю страны, познакомиться с ранее неизвестными мне историческими личностями. Несмотря на дневниковый стиль, книга написана хорошим литературным языком, в ней немало красивых описаний природы, человеческих чувств и эмоций.

Переводя эту книгу, я поняла, как тщательно работал над своим «Завещанием» Хо Ши Мин, как выверял он каждое слово, каждую запятую, потому что за каждым словом стоял опыт всей его жизни, его многолетние размышления, его огромный культурный багаж. И если он в отрывке из нескольких десятков слов об облике членов Коммунистической партии четырежды использовал слово *thật* (настоящий, истинный, по-настоящему), то это означало, что Хо Ши Мин придавал огромное значение тому, какой должна быть ведущая сила вьетнамского общества. Я считаю, что для понимания Вьетнама, вьетнамского народа, роли Хо Ши Мина в истории своей страны эту книгу надо обязательно прочитать.

E.V. Nikulina, S.E. Glazunova

CHRONICLE OF IMPORTANT DAYS OF THE GREAT MAN

Abstract. The article reviews a book by Vu Ky, long-term secretary of Ho Chi Minh, about the process of creating the “Testament” of the DRV first president. The translation of the book into Russian was made as part of the Cross Year of Russia in Vietnam and Vietnam in Russia and was dedicated to the 50th anniversary of the publication of the “Testament”. The book is a valuable evidence of the last four years of the life of the outstanding son of the Vietnamese people, shows how carefully and thoughtfully Ho Chi Minh worked on every word of the “Testament”, which reflected the experience of his life dedicated to the liberation of his country.

Keywords: Ho Chi Minh, Testament, Communist Party, youth, South Vietnam.

For citation: Nikulina E.V., Glazunova S.E. Chronicle of important days of the great man. Review of Vu Ky's book “Ho Chi Minh Writes the “Testament”. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 106—109.

Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies, RAS. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Glazunova Svetlana E., Senior Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA RF. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com

Article history:

Received: December 06, 2019

Accepted: December 11, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10045

А.Р. Долинина

ВАЖНАЯ ОБЛАСТЬ КИТАЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

TS Nguyễn Đình Liêm. Cơ chế hợp tác biên giới đất liền Việt-Trung (Механизмы сотрудничества в приграничных территориях Вьетнама и Китая). Hà Nội, Nhà xuất bản công an nhân dân, 2018. 223 tr. ISBN 978-604-72-3075-4

Аннотация. Книга Нгуен Динь Лиема «Механизмы сотрудничества в приграничных районах Вьетнама и Китая» поднимает важную и плохо изученную тему о том, как две соседние страны взаимодействуют и решают проблемы развития в семи вьетнамских и двух китайских провинциях, ближайших к границе. Автор уделяет пристальное внимание различным аспектам экономического сотрудничества в данной области и предоставляет информацию о природных ресурсах, стадии развития, влияющих факторах, существующих проблемах. Автор утверждает, что все провинции имеют богатый потенциал из-за широкого спектра полезных ископаемых в этом районе, но инфраструктура и человеческие ресурсы всё ещё недостаточно развиты. Нгуен Динь Лиём также придерживается мнения, что, помимо мирового финансового

кризиса, Китай в основном препятствует двусторонним проектам и отношениям. Хотя книга представляет собой описательный и субъективный подход к проблеме, она всё же предоставляет ценный материал для исследований.

Ключевые слова: Нгуен Динь Лиём, механизмы сотрудничества, Вьетнам, Китай, приграничные районы, двусторонние проекты.

Во вьетнамском Издательстве народной полиции (Nhà xuất bản công an nhân dân) вышла книга ведущего научного сотрудника, в прошлом зам. директора Института китаеведения ВАОН Нгуен Динь Лиема «Механизмы сотрудничества в приграничных территориях Вьетнама и Китая». Тема отношений двух государств является непреходяще актуальной, так как они имеют давнюю традицию дружбы и сотрудничества, однако за долгие столетия развития бок о бок прошли и через многочисленные конфликты. К последним и наиболее острым можно отнести конфликты в Южно-Китайском море, где пересекаются суверенные интересы обеих стран.

Тем не менее Китай как крупнейший торговый партнер Вьетнама и Вьетнам как узловое звено Юго-Восточной Азии, центр пересечения важнейших путей в регионе имеют все предпосылки для успешного долгосрочного сотрудничества. Особенно благоприятные условия для кооперации создаются в приграничных территориях: для Вьетнама это провинции Дьенбиен, Лайтяу, Лаокай, Хазянг, Каобанг, Лангшон и Куангнинь, для Китая — Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район. Здесь идёт активнейшая приграничная торговля, не

всегда легальная, реализуются двусторонние и многосторонние проекты, например по развитию субрегиона Большого Меконга, создаются особые экономические зоны.

Все перечисленные провинции обладают богатыми природными ресурсами и большим потенциалом, однако во многом остаются недоразвитыми: не хватает инфраструктуры, человеческий капитал остаётся на низком уровне. Препятствием выступают неблагоприятные естественные условия — такие как большой процент горных площадей и сложные погодные условия. Сказывается и то, что три международных пограничных пункта не всегда справляются с двусторонним потоком людей и товаров, условия пропуска неравноценны и ущемляют права Вьетнама. Кроме того, в приграничных районах продолжается контрабанда и незаконные пересечения границы, сильно беспокоящие вьетнамскую сторону. Автор отводит особое место проблеме приграничной безопасности, указывая на то, что её решение является залогом успешного сотрудничества не только на двустороннем, но и на региональном уровне.

Помимо прочих проблем, автор подчёркивает роль Китая в развитии приграничных районов и трансграничных отношений. По мнению Нгуен Динь Лиема, Китай, обладая всеми необходимыми ресурсами для развития инфраструктуры на границе и реализации совместных проектов, направленных на улучшение ситуации в перечисленных областях, не прикладывает достаточно усилий для выполнения своих обязательств в рамках двусторонних проектов. Таким образом, делает вывод автор, Китай создает дополнительные, не контролируемые Вьетнамом препятствия для развития приграничных территорий и улучшения двусторонних экономических отношений.

Среди прочих аспектов взаимодействия Китая и Вьетнама, оказывающих влияние на ситуацию на приграничных территориях, выделены конфликты в Южно-Китайском море. Безусловно, игнорирование этой темы невозможно при рассмотрении вьетнамо-китайских отношений, однако автор не придерживается нейтральной позиции. Он обвиняет Китай и подчёркивает, что спорные территории являются суверенно вьетнамскими. Данное утверждение можно считать как минимум неоднозначным, учитывая, что в силу географического расположения стран региона спорные территории одновременно оказываются в исключительной экономической зоне нескольких государств и не могут быть строго отнесены к юрисдикции одного из них. Учитывая этот угол зрения вьетнамского автора, объективность написанного в целом вызывает вопросы.

Важным фактором вьетнамо-китайского сотрудничества в приграничных территориях являются международные региональные проекты в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», субрегиона дельты Меконга, а также регионального объединения стран Юго-Восточной Азии АСЕАН. Инфраструктурные проекты, играющие важную роль в обоих случаях, задействуют приграничные территории, что стимулирует приток капитала. Также положительно на инвестиционную ситуацию влияет экономический подъем во Вьетнаме и Китае, однако сдерживающим фактором является нестабильность на мировых рынках.

Автор книги даёт подробный анализ ситуации в приграничных районах, рассматривая как историю развития сотрудничества, так и его нынешнее состояние и перспективы. Вместе с позитивным взглядом Нгуен Динь Лиём высказывает и опасения. По его мнению, Вьетнам рискует превратиться в сырьевой придаток, рынок сбыта дешёвых китайских товаров низкого качества и пристанище для избыточного населения китайских территорий, а также стоит перед нелегкой задачей защиты своих интересов в ЮКМ. Тем не менее сделан вывод, что политическая воля и естественные процессы экономического развития обеих стран ведут к планомерной эволюции приграничных территорий, раскрытию их потенциала и созданию новых возможностей для Вьетнама и Китая.

Несмотря на разносторонность рассмотрения темы, в книге есть и пробелы. Как исследователя темы вьетнамо-китайских инвестиционных отношений, внимание рецензента привлёк именно этот аспект. Приграничные территории традиционно пользуются особым интересом инвесторов в силу удобной логистики и большого ресурсного потенциала у Вьетнама. Однако автор лишь поверхностно затронул эту тему, упомянув несколько крупных проектов. Тем самым упущена возможность анализа одной из важнейших сфер вьетнамо-китайских отношений.

Работа Нгуен Динь Лиема безусловно является ценным исследованием актуальной темы, недостаточно освещенной во вьетнамской, а тем более российской литературе, и может стать полезным источником информации для специалиста-востоковеда или исследователя региональной проблематики. С учётом узости выбранной темы книга даёт большой объем информации, отдельно рассматривает каждую приграничную провинцию как с вьетнамской, так и с китайской стороны, имеет систематизированную структуру изложения. К недостаткам следует отнести излишнюю описательность, небольшую аналитическую составляющую материала и ангажированность автора, отражающего официальную вьетнамскую точку зрения.

Для цитирования: Долинина А.Р. Важная область китайско-вьетнамского сотрудничества. Рецензия на книгу Нгуен Динь Лиема «Механизмы сотрудничества в приграничных территориях Вьетнама и Китая» // *Вьетнамские исследования*, сер. 2, 2019, № 4. С. 110—113.

Автор:

Долинина Анна Ростиславовна, магистрант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: andolinina@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 27.11.2019

Принята к печати: 09.12.2019

A.R. Dolinina

AN IMPORTANT AREA OF SINO-VIETNAMESE COOPERATION

Abstract. Nguyen Dinh Liem's book «Cooperation mechanisms in the border areas of Vietnam and China» raise an important and poorly researched theme of how two neighbor countries interact and solve development problems in 7 vietnamese and 2 chinese provinces closest to border. Author pays close attention to various aspects of economic cooperation in the area and provides information on natural resources, development stage, affecting factors, existing problems. Author claims that all of the provinces have rich potential due to the wide range of minerals in the area but the infrastructure and human resources are still underdeveloped. Nguyen Dinh Liem also sticks to the opinion that besides world financial crisis it's mainly China discourages bilateral projects and relationship. While the book represents descriptive and subjective approach to the problem it still provides valuable material for the researches.

Keywords: Nguyen Dinh Liem, cooperation mechanisms, Vietnam, China, border areas, bilateral projects.

For citation: Dolinina A.R (2019). An important area of Sino-Vietnamese cooperation. Review of Nguyen Dinh Liem's book «Mechanisms of cooperation in the border areas of Vietnam and China». *Russian Journal of Vietnamese Studies*, series 2, № 4. P. 110—113.

Author:

Dolinina Anna R., master student, Institute of Asian and African Countries at Lomonosov Moscow State University. E-mail: andolinina@gmail.com

Article history:

Received: November 27, 2019

Accepted: December 09, 2019

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

УЧЁНЫЙ, ДИПЛОМАТ, ПЕДАГОГ, РЕДАКТОР

К 70-летию В.М. Мазырина

25 декабря 2019 г. исполнилось 70 лет руководителю Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессору ИСАА МГУ имени Ломоносова Владимиру Моисеевичу Мазырину. Он родился в Москве, в 1967 г. поступил в Институт восточных языков МГУ, который окончил с отличием в 1972 г. На пятом курсе несколько месяцев провёл на стажировке в Ханойском университете, но вынужден был покинуть его из-за участвовавших бомбёжек американской авиации.

В институте заинтересовался научными исследованиями, и сразу по его окончании поступил в аспирантуру. В 1975 г. Владимир Мазырин защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую политической борьбе в Южном Вьетнаме с 1963 по 1975 г. Главными материалами для диссертации были сайгонские газеты тех лет, аспирант одним из первых использовал такой метод исследований, как контент-анализ прессы. Эта работа позволила ему сделать вывод о неизбежном скором падении сайгонского режима, что блестяще подтвердилось историей.

После защиты диссертации Владимир Мазырин идёт работать в Институт экономики мировой социалистической системы, в сектор азиатских соцстран, которым руководила известный экономист М.Е. Тригубенко, а через год уезжает в советское торгпредство в Ханой.

Высокий профессионализм Владимира Мазырина был оценен, и через три года он покидает торгпредство в должности начальника отдела.

По возвращении в Москву В.М. Мазырин пять лет работает в Институте международного рабочего движения, а затем переходит в возглавляемый тогда Е.М. Примаковым Институт востоковедения АН СССР, где принимает участие в создании коллективных монографий по Вьетнаму. С 1985 по 1990 г. Владимир Мазырин — сотрудник советского посольства в Ханое: атташе по науке, первый секретарь. Одной из задач В.М. Мазырина было укрепление связей с вьетнамскими учёными, его постоянным партнёром был Комитет по общественным наукам СРВ, впоследствии ставший Вьетнамской академией общественных наук (ВАОН).

Вернувшись на родину, В.М. Мазырин четыре года проработал в фирме внешне-торгового объединения «Технопромэкспорт» МВЭС, занимавшейся погашением долгов Вьетнама России, что позволило ему на практике познакомиться с бизнес-процессами. В 1994 г. Владимир Моисеевич начинает на постоянной основе преподавать в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. В начале 2000-х годов он дважды был на стажировке в Центральноевропейском университете в Будапеште. В 2007 г. вышла его монография «Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): динамика, направления, результаты», в которой отражены перемены в политической системе, обществе и экономике СРВ после начала политики обновления («дой мой»).

В 2007 г. В.М. Мазырин приходит работать в ИДВ РАН и вместе с Е.В. Кобелевым участвует в создании специального подразделения Института — Центра изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС). В 2012 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «Трансформация вьетнамской экономики в 1986—2010 гг.: проблемы и пути их решения», на основании которой в 2013 г. издает четвёртую индивидуальную монографию — «Вьетнамская экономика сегодня», которая пока остаётся единственным комплексным исследованием в России по современной экономике СРВ. В том же году Владимир Моисеевич становится руководителем Центра изучения Вьетнама и АСЕАН. «Моя главная задача как руководителя этого подразделения — сделать его главным вьетнамоведческим центром России, — говорит Владимир Мазырин. — И, думаю, мы эту задачу выполнили. Хотя исследования по Вьетнаму ведутся и в других научных и учебных учреждениях России, но по объёму выпускаемой продукции и откликам на неё в стране и за рубежом этот статус принадлежит именно Центру. Несмотря на то что долгое время в Центре работали 3—4 человека, ежегодно мы выпускаем несколько изданий — сборников, монографий, — печатаем многочисленные статьи, проводим конференции и круглые столы. Большое внимание уделяется развитию научных связей с вьетнамскими партнёрами, в первую очередь с институтами ВАОН, с которыми мы

На стартовой площадке советских ракет, защищавших небо Ханоя (1972 г.)

С вьетнамскими учёными, занимавшими в разные годы пост президента ВАОН:
Фам Ныи Кыонгом (второй слева) и Нгуен Куанг Тхуаном (первый справа)

выпустили восемь совместных монографий по различным темам, а также с Государственной политической академией Хо Ши Мина. С 2010 г. Центр проводит конференции, в которых участвуют не только представители ведущих научных и образовательных учреждений России, но и зарубежные учёные, доклады всех участников затем издаются. Сейчас в Центре работает семь научных сотрудников, но одна из моих главных задач — обеспечить преемственность, и я постоянно ищу для Центра новые молодые кадры».

С 2018 г. ЦИВАС начал выпускать двуязычный ежеквартальный электронный журнал «Вьетнамские исследования», главным редактором которого стал В.М. Мазырин. Журнал входит во все российские научные базы данных и в престижную зарубежную базу Web of Science, печатает статьи российских, вьетнамских, европейских и американских авторов. Главный редактор старается обеспечить высокий научный уровень публикуемых в журнале статей.

С 2014 г. В.М. Мазырин — профессор ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаёт на кафедре экономики и экономической географии стран Азии и Африки. К этому виду деятельности он подходит с такой же ответственностью, как и к научной работе, и к деятельности руководителя. Владимир Моисеевич строгий преподаватель, вдумчивый и пристрастный руководитель курсовых, дипломных и диссертационных работ. «Я стараюсь развивать у своих студентов аналитические способности, умение искать информацию, работать с ней и делать выводы, осмысливать проблемы и выявлять тенденции — учу приёмам научной работы, которые пригодятся им в любой работе и в жизни», — говорит профессор Мазырин. Все его восемь аспирантов, среди которых и один вьетнамский, блестяще защитили диссертации, работают в министерствах и ведомствах, занимают важные посты, помнят и ценят своего научного руководителя, но, к сожалению, никто из них не выбрал научную стезю. Будущее российского вьетнамоведения — один из вопросов, который очень беспокоит Владимира Моисеевича.

В.М. Мазырин — ведущий российский специалист по экономике Вьетнама, но среди его более 100 научных работ, изданных на русском, английском и вьетнамском языках, в том

Профессор В.М. Мазырин со своими студентами

числе солидными западными школами, можно найти статьи и книги по истории, политологии, социологии, культурологии — практически по всем темам, связанным с Вьетнамом. Его мнение высоко ценится в научном мире, он пользуется немалым авторитетом среди российских и зарубежных востоковедов. Большой вклад В.М. Мазырина во вьетнамоведческую науку и укрепление связей с вьетнамскими учеными был достойно оценён: он награждён памятной медалью Академии общественных наук СРВ «За вклад в развитие общественных наук», а в 2019 г. премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук вручил ему орден Дружбы.

Мы поздравляем Владимира Моисеевича с юбилеем, желаем ему здоровья, долгих лет, новых книг, новых проектов, новых свершений во славу российской науки!

Редакция журнала

SCIENTIST, DIPLOMAT, TEACHER, EDITOR To the 70th anniversary of V.M. Mazyrin

Abstract. The article is devoted to the anniversary of the famous Russian orientalist Vladimir Moiseevich Mazyrin, head of the Center for Vietnam and ASEAN Studies of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, professor at the Institute of Asian and African Countries at Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of The Russian Journal of Vietnamese Studies.

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕРИЯ 2. 2019, № 4

Выпускающий редактор: *Никулина Е.В.*

Редактор: *Иванова Н.И.*

Компьютерная верстка: *Тарасов С.Ю.*

Работа с сайтом: *Казаков О.И.*

Дата публикации: 27.12.2019 г.

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>